

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2026 Vol. 9 № 1 (31)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

"Caucasian Science Bridge" journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 5.03.2026. Подписано в печать 10.04.2026. Выход в свет 15.04.2026.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,44. Тираж 550 экз. Заказ № 10387.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместители главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Социология управления	7
Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В.	
Синтез группового и индивидуального, бесплатного и платного обучения в управлении образованием	8
Рачипа А. В., Янкина И. А.	
Сравнительный анализ отношения к инновациям руководителей и сотрудников (на примере организаций г.Таганрога).....	26
Музыкант В. Л., Овруцкая Г. К., Овруцкий А. В.	
Социальный рейтинг как технология социального маркетинга.....	39
 Социология образования	 53
Романов Е. В.	
Анализ доходов российских университетов: проблема транспарентности	54
Левина Р. А.	
Методологические проблемы исследования профессиональной социализации студентов-юристов.....	80
 Социология культуры	 95
Смирнова Е. А.	
Религиозность как фактор формирования отношения к абортам и началу жизни	96
Попов М.Ю., Говердовская Е.В., Цымбал Е.А.	
Исторический нарратив как социальное пространство для цивилизационного столкновения: о сильных и слабых сторонах российской политики памяти.....	107
 Социология молодежи	 117
Городецкая Е. Г.	
Патриотические ценности крымской молодежи	118
 Социология международных отношений	 129
Урузбакиева Ф. К., Урузбакиева З. К.	
Оценка социальной справедливости и несправедливости в общественном сознании кыргызского населения.....	130
 Информация для авторов	 143

CONTENT

Sociology of Management	7
Barkov S. A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I. V.	
Synthesis of group and individual, free and paid training in education management.....	8
Rachipa A. V., Yankina I. A.	
Comparative analysis of the attitude of managers and employees towards innovation (using the example of organizations in Taganrog)	26
Musikant V. L., Ovrutskaya G. K., Ovrutsky A. V.	
Social rating as a social marketing technology	39
 Sociology of Education	 53
Romanov E.V.	
Revenue analysis of Russian universities: the problem of transparency.....	54
Levina R. A.	
Methodological Problems of Research of Professional Socialization of Law Students	80
 Sociology of Culture	 95
Smirnova E.A.	
Religiosity as a factor in shaping attitudes towards abortion and the beginning of life	96
Popov M.Yu., Goverdovskaya E. V., Tsybal E. A.	
Historical Narrative as a Social Space for Civilizational Clash: on the Strengths and weaknesses of Russian Politics of Memory.....	107
 Sociology of Youth	 117
Gorodetskaia E. G.	
Patriotic values of Crimean youth: factors and conditions of formation.....	118
 Sociology of International Relations	 129
Urusbakieva F. K., Urusbakieva Z. K.	
Assessment of social justice and injustice in the public consciousness of the Kyrgyz population.....	130
 Information for the authors	 143

Социология управления

Научная статья

УДК 316.422

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

EDN TSHKRY

Синтез группового и индивидуального, бесплатного и платного обучения в управлении образованием**Сергей А. Барков**¹¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

e-mail: barkserg@live.ru

Анна В. Маркеева²² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Инна В. Колодезникова³³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: inna0105@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена рассмотрению основных факторов, формирующих институциональный контекст развития сферы образования в России на современном этапе. Авторы указывают, что разнообразие форматов образования в условиях постмодерна при его неизменно значимой роли в общественной жизни требует более детального рассмотрения механизмов управления данной сферой.

Результаты и их обсуждение. На основе рассмотрения институционального контекста образовательного процесса авторами выделены ограничения при применении административных методов в управлении образованием. Авторы выделяют основные группы факторов, оказывающих влияние на институциональную трансформацию образования и акцентируют внимание на необходимости более широкого применения методов институционального характера при регулировании образования.

Авторы особо выделяют два аспекта формирования будущего институционального контекста развития сферы образования в России: синтез группового и индивидуального, а также бесплатного и платного форматов обучения и предлагают некоторые направления их институциональных преобразований. В частности, предлагается ввести индивидуальные спецкурсы преподавателей в ВУЗах, ввести финансирование индивидуального образования, признать репетиторство в качестве закономерного и легитимного вида образовательной деятельности, а также разделить платные и бесплатные профили в системе высшего образования.

Заключение. Авторы считают, что предложенные меры при всей их дискуссионности создадут реальные возможности для решения наиболее насущных проблем в сфере образования на благо всех участников образовательного процесса.

Ключевые слова: образование; реформирование образования; институциональное

управление в образовании; групповое и индивидуальное образование; платное и бесплатное образование; трансформация образования в постиндустриальном обществе. **Для цитирования:** Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. (2026). Синтез группового и индивидуального, бесплатного и платного обучения в управлении образованием. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 8-25. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

Synthesis of group and individual, free and paid training in education management

Sergey A. Barkov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: barkserg@live.ru

Anna V. Markeeva²

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Inna V. Kolodeznikova³

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: inna0105@yandex.ru

Abstract.

Introduction. The article is devoted to the consideration of the main factors shaping the institutional context of the development of education in Russia at the present stage. The authors point out that the variety of educational formats in the context of postmodernity, with its invariably significant role in public life, require a more detailed consideration of the management mechanisms of this area.

Results and its discussion. Based on the consideration of the institutional context of the educational process, the authors identify limitations in the application of administrative methods in education management. The authors identify the main groups of factors influencing the institutional transformation of education and focus on the need for wider application of institutional methods in the regulation of education.

The authors highlight two aspects of shaping the future institutional context for the development of education in Russia: a synthesis of group and individual, as well as free and paid training formats, and suggests some directions for their institutional transformations. In particular, it is proposed to introduce individual special courses for teachers at universities, to introduce financing for individual education, to recognize tutoring as a legitimate and legitimate type of educational activity, and to separate paid and free profiles in the higher education system.

Conclusion. The authors believe that the proposed measures, for all their controversial nature, will create real opportunities to solve the most pressing problems in the field of education for the benefit of all participants in the educational process.

Keywords: education; education reform; institutional management in education; group and individual education; paid and free education; transformation of education in a post-industrial society.

For citation: Barkov S. A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I. V. (2026). Synthesis of group and individual, free and paid training in education management. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 8-25. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.1>

Введение

Невозможно представить человека, который в течение жизни не был бы включен в процесс получения образования, если рассматривать его в самом широком смысле как приобретение любых знаний и умений. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что образование – это «совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (с изм. и доп. 01.01.2026)). При этом существует великое множество видов и способов получения образования.

Не следует думать, что, если нужно организовать передачу знаний, необходимо обязательно собрать группу учащихся, найти учителя, назначить точное время и продолжительность занятий, а также определить численные оценки усвоения материала. Все это правила только одного – традиционного подхода к образованию. Вместо этого можно стимулировать самообразование, наладить индивидуальное обучение с тьютором, создать платформу в интернете. В эпоху постмодерна эти альтернативные пути получения знаний и умений оказываются не менее, а часто и более успешными, чем традиционное групповое обучение.

Важной особенностью образования в эту эпоху является включенность индивида в процесс получения образования на протяжении всей жизни. Это нашло отражение в концепции «образование в течение жизни», что также отражено в Законе об образовании. В современных условиях, когда во многих странах население неуклонно стареет, повсюду открываются «серебряные» университеты, ориентированные на обучающихся пожилого возраста. Вообще большую долю знаний, необходимых человеку для осуществления профессиональной деятельности и просто для жизни, он получает вне школы и вуза. В условиях стремительного развития техники и технологий знания устаревают так быстро, что для успешного существования в социальной реальности необходимо постоянное восприятие новых фактов и идей. Работники предприятий, сотрудники компаний, чиновники всех уровней, предпенсионеры и безработные – в процесс получения знаний включается всё больше взрослых людей, что в свою очередь стимулирует к созданию разнообразных обучающих программ и платформ. Согласно исследованию ВЦИОМ, только 2% организаций в России вообще не занимаются обучением сотрудников; при этом большинство работников в течение года проходят как минимум один обучающий курс (ВЦИОМ, 2023, 6). При этом традиционное групповое обучение оказывается совсем не главным для взрослых людей. В эпоху постмодерна альтернативные пути получения знаний и умений оказываются не менее, а часто и более успешными, чем традиционное групповое обучение: растет востребованность более компактных по времени курсов и онлайн-обучения (РБК, 2024, 5).

Изменения в форматах образования при его неизменно значимой роли в общественной жизни требуют более детального рассмотрения механизмов управления данной сферой.

Социальное управление в образовании: возможности и ограничения

При всем разнообразии видов социального управления, с методологической точки

зрения, важно выделить административное и институциональное управление. Административное управление основано на приказах, субординации и четком определении цели управленческого воздействия субъекта на объект. Институциональное управление в качестве своего основного инструмента использует правила и нормы, при этом субъект управления задает рамки для развития объекта, у которого остается выбор траектории своего движения в этих рамках.

Сфера административного управления в образовании оказывается изначально сужена, поскольку образование как социальный институт представляет собой крайне сложную систему взаимоотношений между людьми, внутри которой происходит огромное число небольших трансакций, по поводу которых невозможно принимать отдельные приказы. Ограничивает возможности классического администрирования также наличие в сфере образования большого количества высокообразованных, высококвалифицированных людей – учителей и преподавателей, обладающих значительным интеллектуальным и творческим потенциалом. Кроме того, сфера образования инерционна: перемены в ней не могут быть осуществлены быстро, одномоментно. Они требуют времени, серьезной подготовки и относительно длительного ожидания результата. Все эти факторы определяют то обстоятельство, что образование по своей природе всегда было и останется объектом институционального управления, где формальные институты и неформальные институты (часто называемые институциями) играют системообразующую роль.

Важно отметить, что понимание таких основополагающих управленческих категорий как цели и эффективность, различается в административном и институциональном управлении. В административном понимании управление – это движение к цели, четко обозначенной, неизменной и единой. Для институционального управления категория цели не выступает в качестве главной, она может меняться и не всегда имеет четкие контуры. Но главное отличие заключается в том, что даже при очевидном успехе в применении инструментов институционального управления этот успех крайне трудно измерить – он определяется через относительно длительное время и заключается в новом качестве социальной системы.

Отсутствие четкой цели в институциональном управлении также радикально меняет его эффективность. При административном подходе достижение цели отражает результаты работы и органически связывается с эффективностью управления. Эффективность для сторонников административного подхода – это достижение поставленной цели с минимальными затратами. Фетишизация эффективности что называется «вышла боком» для образования: критерии эффективности, разработанные в коммерческом секторе экономики для целей административного управления, были некритически перенесены на сферу институционального управления образованием. Наукометрические показатели, соотношение количества преподавателей с количеством студентов, средний бал ЕГЭ по учебному заведению, количество осуществленных программ повышения квалификации... – все эти и множество других критериев, которые якобы должны нацеливать работников системы образования на повышение эффективности, на деле оборачиваются множеством ненужных дополнительных требований и повышают нагрузку на учителей и преподавателей.

Являясь убежденными сторонниками применения институциональных подходов

в управлении образованием, мы считаем, что эффективность образования следует оценивать в целом, акцентируя внимание на наиболее значимых достижениях. Так, например, в ситуации действия многочисленных санкций, наложенных на Россию в последние годы, об эффективности отечественного образования может свидетельствовать именно быстрая адаптация экономики и общества в целом к изменившимся условиям жизнедеятельности.

В самом общем приближении институциональное управление – это формирование институционального контекста для развития объекта управления. Этот институциональный контекст должен адаптироваться к меняющимся социальным условиям деятельности как субъекта, так и объекта управления. В нашей стране в последние годы на меняющиеся условия в сфере образования реагировали преимущественно административным способом, что вызвало бесконечную череду реформ и множественные эксцессы менеджериализма. При этом о разумном и систематическом формировании институционального контекста фактически забыли, а, как будет показано ниже, произошедшие в обществе перемены, настоятельно требуют такой работы (Барков, Колодезникова, Маркеева. Институциональный и ...,2025).

Факторы, меняющие институциональный контекст развития образования

В данной статье будут рассмотрены два направления формирования будущего институционального контекста развития сферы образования в России. Многим они могут показаться спорными, но современное состояние этой сферы и хаотические попытки достигнуть ее нового качества административным путем заставляют задуматься о необходимости существенных перемен «правил игры», пусть даже такие перемены кажутся многим сегодня недопустимыми.

Начать следует с изменений условий функционирования сферы образования – именно они определяют востребованность институциональных изменений. Самым общим изменением таких условий является **осознание самостоятельного статуса образования вне объединения с наукой в эпоху постмодерна**. Наука традиционно самым тесным образом связывалась с образованием: такое положение вещей было характерно и для доиндустриального, и для индустриального общества. Устойчивым в свое время стало выражение «учить наукам». Такой симбиоз науки и образования находил свое отражение и в управлении – государственный орган, отвечающий за сферу образования во многих странах, включая Россию, часто совмещал данную юрисдикцию с управлением наукой (в России до 2018 года Министерство образования и науки, ныне Министерство науки и высшего образования или Минобрнауки). Соответственно изменение отношения людей к науке не могло не сказаться и на отношении к образованию, которое стало иметь в значительной степени прикладной узконаправленный характер, что в свою очередь не могло не сказаться на изменении методов и форматов образования.

Уже достаточно давно стало понятно, что наукой в обществе занимается небольшое число людей. Для подавляющего же большинства единственным «научным» трудом, который они создали за свою жизнь, остается их дипломная работа. Образование должно готовить людей не для науки, а для жизни. Поэтому уже в конце XX века повсюду в мире высшее образование по своей структуре стало отходить от классической

типологии наук и включать в себя множественные практические направления подготовки людей – туризм, социальную работу, государственное управление и др.

Однако научная ориентация образования осталась, и постепенно приобрела ритуально-имитационные формы. Наука – это прежде всего рождение оригинальных идей. В сфере же образования она превратилась в наукообразное оформление любых идей. От автора диплома стали требовать правильно написать актуальность, определить объект и предмет, расписать методологическую базу исследования, даже при том, что никаких оригинальных идей у него не нет. Понимание того, что это единственный случай, когда индивид столкнется с такими требованиями, определило их восприятие в качестве схоластических норм, которые нужно просто выполнить, не сильно задумываясь над тем, для чего они созданы. Только небольшое количество людей, «идущих в науку», уже в процессе своей дальнейшей деятельности смогут оценить их необходимость и полезность (Барков, 2021, 1).

Другое изменение условий функционирования сферы образования тесно связано с разрывом между наукой и образованием. Это **стремление подстроить образование под меняющиеся требования рынка труда**. Если в науку *идут* единицы, то на рынок труда попадают все. Следовательно, нужно готовить людей для конкретных профессий или даже должностей. Это стремление привело к возникновению очень узких направлений подготовки. При этом изначально было понятно, что устойчивого долговременного спроса на узких специалистов быть не может. Сложилась парадоксальная ситуация: специализация, углубляющаяся в ответ на запросы бизнеса, породила развитие многочисленных программ подготовки узкопрофильных специалистов, которые этот же бизнес в конечном итоге не удовлетворяют. И тем немногим выпускникам, которые находят себе место работы в сфере науки, и тем, которые идут в реальный сектор экономики, необходимо доучиваться или переучиваться.

Еще раз повторяя тезис о значительной ограниченности возможностей административного управления в сфере образования, заметим, что и наука, и рынок не статичны, они непрерывно развиваются и предвидеть заранее все сложные траектории их развития невозможно: сегодня нельзя точно определить требуемое количество работников в разных сферах через 5-10 лет и соответственно трудно обосновать необходимое количество студентов на различных кафедрах разных факультетов университета: неизбежны ситуации, когда каких-то специалистов будет подготовлено больше, а каких-то меньше, чем нужно. Вместо того, чтобы принять такую ситуацию за данность, менеджеры от образования самых разных уровней пытаются всеми силами «искать черную кошку в темной комнате», ломая логически выстроенную структуру образования под данные прогнозов, которые никогда не будут абсолютно точными (Барков, 2021, 1).

Безусловно, устранять грубые диспропорции между запросами рынка труда и результатами работы системы образования необходимо. Но это должны быть только самые общие указания, распределяющие потоки обучающихся между отдельными большими сферами образования. Так, за последние годы в нашей стране стала успешно выправляться диспропорция между высшим и среднеспециальным образованием, а также сократилась бюджетная подготовка по экономическим и юридическим специальностям. Повсюду начали готовить специалистов в области ИИ, но, так как

сегодня невозможно предсказать его развитие в ближайшие 4-5 лет, невозможно и точно просчитать ни количество, ни тем более качество таких специалистов. «Точно» подстроиться под конкретные запросы отдельных компаний и разнообразные (часто разнонаправленные) тенденции развития общества системе образования не под силу. Это подтверждает наш вывод о том, что эта система требует институционального управления и внимания к ее саморазвитию, а не административных мер.

Сегодня много говорят о корпоративной социальной ответственности. Ее органической частью является и забота компании о своих сотрудниках. Так вот нужно признать, что их доучивание по окончании вуза – это элемент социальной ответственности бизнеса. Понятно, что бизнесу не хочется этим заниматься, и, пользуясь своими лоббистскими возможностями, его представители все время убеждают власти в недостаточной адаптации образовательных программ под их запросы. Однако, как мы видим, такой «достаточности» не будет никогда, а чрезмерная специализация выпускников приводит только к еще большим диспропорциям на рынке труда.

Еще одним фактором изменения условий развития современного образования в стране и в мире служит **цифровизация**. В рамках рассмотрения трансформации института образования самый главный эффект цифровизации – это **сокращения трансакционных издержек**. Трансакционные издержки самых разных видов уменьшаются в компьютерную эпоху и формируют новый институциональный контекст. Если трансакционные издержки падают, рынок образовательных услуг становится доступнее, а роль крупных организаций (особенно региональных школ и университетов) уменьшается. С развитием информационных технологий и социальных медиа, а также с развитием онлайн-обучения и распространением платформенных решений в сфере образования резко сокращаются издержки обучающихся по выбору преподавателя, учебного курса, учебного заведения. Одновременно сокращаются и физические таксационные издержки, связанные с тем, что нужно добираться до места учебы, снимать жилье и обустраивать жизнь на новом месте. Точно также для обучающихся сокращаются издержки выбора конкретного ученика. На порядок доступнее, чем десятилетиями ранее, становится индивидуальное образование, а его востребованность уже обозначилась при разделении обучающихся на тех, кто будет заниматься наукой и инновациями, и тех, кто готовит себя к выходу на рынок труда. Также индивидуальное образование важно и для подготовки кадров для конкретных предприятий с их часто уникальными рабочими местами.

Нет оснований считать, что роль классических учебных заведений и традиционных форматов очного группового образования будет сведена к минимуму в ближайшем обозримом будущем, но, как и на рынках товаров и услуг, в сфере образования все большие возможности для развития получают индивидуализированные «продукты». Цифровизация как ничто иное способствует такой ситуации, когда на цифровой основе происходит ренессанс индивидуальных моделей образования: репетиторства и тьюторства.

Цифровизация связана с индивидуализацией образования еще одним, можно сказать «косвенным» образом. Латентным последствием цифровизации в широком смысле этого слова стало **резкое снижение возможностей отследить формирование и наличие знаний у обучающихся**. Ранее подготовка докладов и выступлений на

семинарах подразумевала работу с несколькими источниками для чего требовалось посещение библиотек, теперь все необходимые материалы мгновенно скачиваются из интернета, а презентации по любому предмету готовятся ИИ за считанные минуты. У обучающегося при этом не происходит формирования каких-либо дополнительных навыков и умений. С письменным экзаменом также произошла метаморфоза: с развитием технологий появилось множество устройств, помогающих студентам прямо в момент экзамена в режиме онлайн получить ответы на любые вопросы (Барков, Колодезникова, Маркеева, Институциональные матрицы, 2025, 2).

Цифровизация и развитие технологий (особенно технологий ИИ) – это серьезный вызов для современного образования; вызов, не предполагающий однозначного ответа. По нашему мнению, реальным ответом на современное и будущее воздействие цифровизации на образование может стать его индивидуализация и самое активное использование индивидуального взаимодействия обучающегося и обучающего в режиме «тет-а-тет» с использованием творческой деятельности при относительно приемлемым минимумом применяемых гаджетов. Когда между обучающим и обучаемым идет устный диалог, когда легко фиксировать невербальные сигналы последнего и требуется его мгновенная реакция на поставленные задачи, очень трудно использовать цифровые технологии.

Синтез группового и индивидуального обучения

Синтез группового и индивидуального образования не только желателен, но и, по всей видимости, необходим. Только он сможет существенно исправить те недостатки, которые появились и нарастали в системе образования, созданной для функционирования в условиях прошлого столетия.

Уже перечисленными выше факторами, определяющими возможность, желательность и востребованность индивидуальных форматов образования служат:

- непрерывное образование в течение всей жизни (с неизбежностью актуализирующее значение самообразования и индивидуальной подготовки к уникальными профессиональным и жизненным ситуациям);
- многообразии траекторий профессионального и личностного развития людей эпохи постмодерна (что требует не просто частичной индивидуальной адаптации знаний, рассчитанных для усвоения группой, а индивидуализацию образовательных программ);
- цифровизация как снижение таксационных издержек по организации индивидуального обучения (отсутствие необходимости собирать обучаемых в одном месте, в одно время с применением единых процедур осуществления образовательного процесса);
- необходимость противостояния некорректному использованию цифровых технологий (для отслеживания реального овладения знаниями и умениями, а также предотвращения уклонения от участия в образовательном процессе, что очень часто встречается при групповом обучении).

В реалиях индустриального общества индивидуальное обучение виделось как слишком дорогое, подрывающее демократические основы функционирования сферы образования, ориентированное исключительно на представителей элиты и при этом не обладающее преимуществами, которые бы дали существенный эффект. В нашей стране

скептицизм в отношении к индивидуальному обучению был связан еще и с пропагандой коллективизма как одной из важнейших основ социалистического и коммунистического общества. Например, репетиторство воспринималась как некие «костыли» для тех людей, которые неспособны сами вместе с группой передвигаться «по стране знаний».

Реальность постепенно менялась, и в самом традиционном образовании возникли множественные негативные тенденции, во многом связанные с отрицанием этих изменений. «Загнанное в угол» индивидуальное обучение демонстрировало не только свою дееспособность, но и высокие результаты. И все больше людей стали прибегать к нему, часто даже не афишируя это открыто.

В течение XX века постоянно нарастал объем знаний. Со сталинских времен многократно усложнился материал почти по всем предметам. Такое развитие событий сегодня видится закономерным ввиду непререкаемой веры в прогресс и постоянными успехами науки, каждый из которых должен найти свое отражение в учебниках. Образование при этом не успевало за наукой, а ученики – за образованием. Программы обучения оказались перегруженными и потребовали массового использования уже упомянутых «костылей» в виде индивидуального обучения с родителями. Они стали готовить детей к школе, а затем и учиться с ними. Значительное количество родителей стало прибегать к услугам репетиторов. При этом вера в прогресс стала постепенно уходить в прошлое, и у обучающихся начал развиваться все более рациональный взгляд на бесконечный материал, который заставляют изучать. Этот рациональный взгляд получил дальнейшее развитие в компьютерную эру, когда практически всю необходимую информацию для жизни человека легко получить в интернете. Традиционное образование столкнулась с массовыми проявлениями проблемы безбилетника. А в группе, как известно, «на порядок» легче скрыться от любых форм контроля, чем в одиночку. И вместо того, чтобы изменять подходы к обучению, система образования ответила на эти вызовы многократным увеличением контроля, что происходило в последние десятилетия и не решало проблемы, а скорее усугубляло их.

При этом индивидуальное обучение не только выжило в эпоху тотального доминирования традиционного группового подхода к образованию, но и стало необходимым для его реализации на практике. Кроме того, оно продемонстрировало свою эффективность при изучении языков и различных видов искусства, а также при занятиях спортом.

Какими же представляются направления синтеза группового и индивидуального обучения? Таких направлений может быть много, некоторые из них могут показаться не менее фантастическими, чем предсказания о синтезе человеческого мозга и искусственного интеллекта, но, на самом деле, несмотря на огромные организационные сложности, движение именно в этих направлениях может дать существенный эффект в плане исправления ситуации, сложившейся в эпоху доминирования группового обучения.

Первое и самое легкое, что можно сделать, это ввести в вузах **индивидуальные спецкурсы преподавателей**. По силе своего воздействия на студента они будут многократно превышать традиционные групповые спецкурсы. Во избежание бюрократических проблем и возражений типа, откуда взять столько преподавателей, заметим, что один такой спецкурс может быть приравнен к трем или более групповым,

читаемым сегодня. Студенты будут выбирать не просто предмет, а связку «преподаватель-дисциплина». Очевидны преимущества такого нововведения. Темп освоения дисциплины будет зависеть от способностей и желания обучающегося. Никто не сможет указывать, на каком моменте начать и на каком моменте закончить обучение. Студент не сможет отлынивать. Он должен будет работать и общаться с преподавателем, не скрывая свой реальный уровень знаний. Лучшие студенты получают возможность быстрого освоения знаний и в большем объеме, чем те, кто хочет просто закончить вуз. Если же у бюрократии возникнут всегдашние опасения по части оппортунизма в образовательном процессе, финальный экзамен может принимать комиссия, опять же ориентированная на выявление глубокой подготовки студента, а не на получение ответов на стандартные вопросы.

Второе направление связано с **официальным признанием результатов индивидуального обучения – самообразования и привлечения тьюторов**. Такое признание может начаться в школе и продолжиться в вузе. При постепенном введении сначала оно может затронуть очевидно второстепенные по важности предметы – музыку и рисование. Если ученик посещает музыкальную или художественную школу, а также занимается индивидуально (сам или с тьютором) музыкой и изобразительным искусством, он может быть освобожден от групповых занятий. Оценку ему можно поставить в рамках экстерната. Затем официальное признание полученных вне образовательной организации знаний может быть распространено на информатику и ряд других предметов. В вузе дополнительные, расширяющие кругозор дисциплины, также можно будет осваивать по системе экстерната. Чаще всего это будет затрагивать тех студентов, у которых возникла сильная мотивация к освоению некоторой области знаний и умений, непосредственно не связанных с профилем образования. Можно предусмотреть и возможность превращения хобби в предмет оценивания. Увлекаясь каким-то делом, человек осваивает множество знаний и умений. Часто они будут для него в жизни намного полезнее, чем те, что он получит в результате прослушивания дополнительного курса, ориентированного на анализ какой-то проблемы, к которой у него не сформировалось «личного отношения».

Третье направление может включать в себя не только официальное признание, но и **финансирование индивидуального образования**. Данная мера логично распространяется на изучение иностранных языков. Неэффективность этого процесса в рамках традиционного российского образования очевидна всем. На изучение иностранных языков российское государство тратит огромные средства, а школьники и студенты – массу времени. Большинство этих затрат оказывается бесполезными, и люди знают по две-три фразы на иностранном языке, боятся на нем говорить и почти не используют ни на работе, ни в других жизненных ситуациях. В этих условиях вполне обоснованные опасения, что выделенные родителям, а с определенного возраста самим обучающимся, средства будут потрачены зря и не по назначению, теряют свою силу. Ведь деньги и так расходуются зря. Первый год ученик может осваивать иностранный язык за счет средств родителей, а затем, если он покажет знания и заинтересованность в предмете, он получит ваучер на дальнейшее более глубокое освоение языка.

Эксперимент такого рода напрашивается, когда речь заходит об изучении нашими соотечественниками китайского языка. Потребность в этом есть сейчас, и, как мы

понимаем, она будет сильно возрастать в будущем. Но тратить колоссальные государственные деньги, организационные усилия, чтобы учить китайскому языку по той схеме, по какой изучается сегодня английский язык, представляется совсем неразумным. В нашей стране уже много примеров, говорящих о том, что с тьютором китайский язык можно выучить достаточно глубоко и быстро. Следует развивать эти практики, сделав в данном случае индивидуальное образование базовым, а не дополнительным.

Четвертым направлением может стать **признание репетиторства в качестве закономерного и легитимного вида образовательной деятельности**. Иногда нет ничего сложнее, чем признать правду. Это относится к «реабилитации» репетиторства, понимания его правомочности и неизбежности. Правда заключается в том, что репетиторство неуничтожимо – любые трансформации сферы образования не смогут избавить общество от дефицита мест в престижных школах, училищах, колледжах и университетах. Дефицит всегда создает конкурс, а для победы в конкурсе участники полагаются на содействие помощников – в данном случае репетиторов.

Следует понимать, что конкурсная основа замещения мест в учебных аудиториях неявно приводит к формированию специальных требований к поступающим. Формально многие годы в России институциональный контекст поступления во все учебные заведения включал в себя в качестве основной норму достаточности предыдущего образования. Программы всех вступительных экзаменов практически полностью повторяли и повторяют сейчас программы обучения на предыдущих уровнях образования. Однако конкурс с необходимостью формировал и неформальную институциональную норму, заключающуюся в наличии специальных требований, отличающих лучших от худших. Эти требования опять же с необходимостью выходили за рамки официально публикуемых программ и других документов. И сегодня эту правду следует признать.

Наиболее престижные учебные заведения могут создавать специальные программы вступительных испытаний, содержание которых будет несколько большим, чем изучаемая всеми школьниками и студентами предметная область. Для прохождения такого рода испытаний всем нужно использовать дополнительную подготовку. Она может быть трех видов. Для кого-то достаточным и эффективным способом нарастить знания над школьной программой будет самообразование. Другие будут ходить на подготовительные курсы, устраиваемые учебными заведениями. А третьи – учиться под руководством частных репетиторов. Таким образом репетиторство будет узаконено, а существующая уже многие годы ситуация найдет свое формальное институциональное оформление.

Сложность данной трансформации и институционального закрепления того, что уже существует и не может не существовать, состоит в том, что эти действия вступают в явное противоречие с моральными императивами российского общества, которые сами – в самом общем виде – могут быть признаны неформальными институциями. Эти моральные императивы заключаются в том, что все должны иметь право на образование вне зависимости от дохода, а учебного материала, бесплатно и без специальных усилий усвоенного на предыдущей ступени образования, должно хватать для того, чтобы перейти на следующую. Аргументы против этих «истин» всегда будут вызывать

эмоциональное отторжение и социальное сопротивление.

Несмотря на это, приведем некоторые аргументы в защиту нашей позиции. Во-первых, речь идет только о престижных учебных заведениях – в остальные (как сегодня и ранее), можно будет по-прежнему поступить просто с хорошим знанием общедоступного материала. Во-вторых, практика специальной подготовки к поступлению в престижные вузы существует во многих странах. Во Франции и в ряде других европейских стран на такую подготовку часто отводится целый год, называемый подготовительным классом. Чаще всего это платное обучение. В России традиционно подготовка к поступлению ведется параллельно с основными занятиями, и человек даже не должен будет терять целый год, а платные услуги будут использоваться только в течение нескольких месяцев. Наконец, в-третьих, многообразие форм подготовки позволяет выбрать те из них, которые «по карману» семье. Самые талантливые ученики могут это делать в рамках самообразования, по определению бесплатного.

Наконец, существует еще один, самый весомый с рациональной точки зрения аргумент – репетиторство делает поступающих не глупее, а умнее. В отличие от многих государственных инициатив последних лет – прежде всего ЕГЭ – понизивших интеллектуальный уровень школьников и студентов, традиционное репетиторство развивает человека, увеличивает человеческий капитал личности и общества. Поступающие будут знать и уметь больше, чем при современной «демократической» только на бумаге системе поступления в учебные заведения.

Синтез бесплатного и платного образования

Если обратиться к условиям изменения функционирования системы образования в нашей стране, то для очень большого количества людей на первое место выйдет развитие платного образования. Люди на своем семейном бюджете чувствуют это изменение и часто реагируют на него очень болезненно, особенно, при постоянной риторике о доступности и необходимости образования для людей современной эпохи. Развитие платного образования происходило во многом спонтанно, под влиянием экономических причин, а не продуманных действий со стороны государства.

В период кризиса 1990-х годов реформы осуществлялись в условиях хронической нехватки финансирования многих сфер, включая сферу образования. Такая ситуация непомерно усиливала стремление государственных регулирующих органов к экономии одновременно со стремлением руководства образовательных учреждений к зарабатыванию денег. Явное **недофинансирование сферы образования** стало очевидным экономическим базисом его реформ. Несколько десятилетий ограничений в финансовых средствах обернулись тем, что бедность стала системообразующим фактором российского образования, это сформировало специфический институциональный контекст добывания и распределения финансовых ресурсов в образовательных учреждениях.

Долгие годы видимой частью айсберга финансовых проблем в сфере образования являлись крайне низкие заработные платы преподавателей и учителей. В такой ситуации даже когда деньги у образовательного учреждения появлялись, их в первую очередь старались направить на зарплаты и премии сотрудников. На другие статьи расходов долгое время средства не выделялись или выделялись в очень небольших

объемах. В условиях постоянного недофинансирования страдала и продолжает страдать инфраструктура: ограничиваются командировки сотрудников и поездки студентов, не обновляются библиотечные фонды, вовремя не меняется устаревшее оборудование. Бедность стала не просто экономическим, а институциональным фактором, определяющим параметры управления образовательными организациями.

Ограничение финансирования повлияло на становление практики многочисленных «поборов» в школах. Ситуация, когда на все свои нужды школа вынуждена просить деньги у родителей, фактически привела к тому, что при декларируемой бесплатности образования, родители финансируют образование своих детей и это «софинансирование» приобрело характер российской традиции и объективной необходимости.

В российских ВУЗах в условиях крайне скудного бюджетного финансирования роль «софинансистов» выполняют платные студенты, которые в буквальном смысле позволяют выжить многим учебным заведениям высшего образования: деньги платных студентов тратятся на ремонт, закупку оборудования, оплату освещения и отопления. Указанные обстоятельства сформировали пиетет администрации перед платными студентами, который имеет место во многих вузах, где отчисление платного студента – это практически финансовое преступление.

Единственным рациональным решением данной проблемы является резкое сокращение и даже упразднение бесплатного высшего образования в стране. Но это практически невозможно опять-таки в силу сложившегося институционального контекста его развития. Советское прошлое сформировало устойчивое представление о том, что нормальной ситуацией является именно бесплатное образование и только отсутствие средств у вузов провоцирует платное обучение. Никакие ссылки на зарубежный опыт (а во многих странах: США и Великобритании, Канаде, Италии, Китае, Японии, Южной Корее, все высшее образование платное и в этом случае не создается препятствий к развитию данного общественного института) не могут поколебать это убеждение.

При этом следует отметить, что в последние годы по инициативе государства снижается число бесплатных мест в российских организациях высшего образования. В целом с 2019 по 2024 год количество студентов, обучающихся на платной основе в российских вузах увеличилось на 18%; при этом в стране есть регионы, где большинство студентов учатся на платной основе. Помимо г. Москвы – традиционного лидера по образовательной миграции в России, где в 2024 году рост спроса на платные места в вузах составил 79% (почти в четыре раза больше общероссийского показателя) (Белкова, 2025, 4), есть и другие регионы с высокими показателями интереса к платному образованию. Так, в 2023 году в Ямало-Ненецком автономный округе (89,6%), за ним с большим отрывом в топ трех регионов входила Владимирская область, где на платной основе обучалось 15 тысяч 652 студента (63,3%) от общей численности всех владимирских студентов (по данным Минобрнауки за 2023 год). С каждым годом всё больше регионов, где платных студентов больше, чем бесплатных.

Изменившиеся условия ведут к формированию нового институционального контекста и новых правил игры в сфере образования. Особенно это заметно на примере подготовки специалистов двух направлений – экономистов и юристов. Многие годы

именно эти направления подготовки были самыми востребованными, на них был самый большой поток абитуриентов и это привело к появлению большого числа платных мест по этим специальностям во многих вузах. Сегодня родители (а именно они во многом определяют выбор профессии для своих детей), выбирая для своего ребенка в качестве направления подготовки, например, юриспруденцию, уже прекрасно понимают, что, если они желают видеть своего ребенка студентом, им необходимо заранее откладывать деньги на такое образование. В рамках семейного бюджета происходит перенаправление потока доходов, и такая ситуация воспринимается как данность. При этом изменение институционального контекста в направлении выравнивания статуса платного образования с бесплатным будет идти еще очень долго, а субъекты социального управления будут не слишком стимулировать этот процесс в силу боязни общественного недовольства.

При осознании невозможности перехода на всеобщее платное образование в качестве начальной меры по инициации институционального изменения сложившегося положения вещей можно было бы в качестве эксперимента в ряде вузов вообще отказаться от платного образования или **четко разделить платные и бесплатные профили обучения**. Такое изменение даже при видимой незначительности потребует серьезных пропагандистских усилий. Важно не соединять в обучении на одной специальности платных и бесплатных студентов. Такое изменение может произойти внутри учебных заведений, а может быть осуществлено и между ними.

В стране могут и должны существовать **вузы, в которых студенты учатся только на бесплатной основе**. Преподаватели таких вузов не должны восприниматься как «нахлебники», которым улыбнулось такое счастье и которые поэтому возвысились над обычными «трутнями», вынужденными зарабатывать деньги. Самое главное, должно быть изменено финансирование данных учебных заведений. Чиновники должны смириться, что оно возрастет без видимых результатов, касающихся численности обучаемых, нагрузки, научных достижений и т.п. Оно должно быть увеличено в расчете на повышение качества образования у тех, кто не будет сталкиваться с низкой мотивацией студентов-платников. Опять же сегодня такая перспектива кажется утопической, но для обеспечения социальной поддержки таких институциональных изменений существуют свои, вполне логичные аргументы.

Совсем необязательно, чтобы учреждения культуры и социальной сферы зарабатывали деньги. В мире существуют тысячи бесплатных музеев. Никто не может сказать, что они хуже, а их просветительская роль ниже, чем у музеев, берущих плату за вход. Достижение социальных целей возможно, как на платной, так и на бесплатной основе. Даже экономисты, признающие неоспоримую роль рынка в осуществлении хозяйственных процессов, с этим согласятся. У них есть для этого показательный пример. Это сбор донорской крови. Еще не так давно во многих странах за сдачу крови платили. Это приводило к тому, что на донорские пункты привлекались бомжи, наркоманы и прочие маргинальные группы населения. По понятным причинам получаемая от них кровь часто была низкого качества, а иногда и просто опасной. В результате осознания такой проблемы правительства стран отказались от практики платной сдачи крови. В условиях, когда кровь сдают бесплатно – что называется, «по воле сердца» – она оказывается на порядок качественнее, а ее использование эффективнее с медицинской

точки зрения. Нечто подобное может произойти и в сфере образования: четко разделив платное и бесплатное образование, государство может получить серьезный прирост его качества, тем самым увеличив человеческий капитал страны.

Следует отметить, что первые шаги в этом направлении будут сделаны в нашей стране уже в приемной кампании 2026 года. Согласно принятому законопроекту о регулировании платных мест в российских вузах¹ – государство будет само устанавливать объемы платных мест по образовательным программам и ежегодно их пересматривать. В результате могут появиться специальности, для которых будет предусмотрено только бесплатное обучение. Одновременно практикуемая уже сейчас «ручная», точечная настройка количества бюджетных мест в вузах может расширить список программ, где вообще нет бюджетных мест. Исходя из вышесказанного, такое разграничение следует считать положительным изменением, и высока вероятность того, что в обоих случаях качество образования может повыситься.

Однако есть и существенные факторы, препятствующие такому ходу развития событий. Во-первых, бюрократия от образования никогда не станет класть в основу своей деятельности такие размытые понятия, как качество образования и, тем более, конструктивная атмосфера в группах студентов. Регулирование количества платных мест нацелено на достижение пресловутого соответствия «продукции» вузов запросам рынка труда. Оно представляет собой директивное воздействие на предпочтения молодежи в выборе профиля образования, искусственное стимулирование их смещения от экономических или правовых специальностей в другие сферы (педагогика, IT, инженерные специальности и т.д.). Если же платные места будут каждый год перераспределяться, причем не без субъективных предпочтений тех же бюрократов, никакого положительного эффекта не будет. Во-вторых, упразднение или резкое сокращение платных мест на образовательных программах вуза должно подразумевать серьезное увеличение его бюджетного финансирования. Но этого не предусмотрено. Тогда, столкнувшись с падением и так невысоких зарплат, преподаватели сами первыми попросят возможности за деньги учить кого угодно, не получив никакого удовольствия от повышения мотивации студентов. Поэтому следует изменить парадигму и контекст регулирования платных мест в вузах, хотя уже само желание регулировать и разграничивать виды образования следует приветствовать. Только при соответствующей институциональной поддержке такие административные решения в долгосрочной перспективе способны оказать позитивное влияние на качество образования в нашей стране.

Заключение

Описанные выше, возможные изменения институционального контекста функционирования сферы образования в стране могут многим показаться нереалистичными и даже неприемлемыми. Однако они обозначены с учетом опыта работы преподавателей. Если взять за ориентир институционального управления достижение оптимального баланса группового и индивидуального, а также бесплатного

¹ Федеральный закон от 23.05.2025 N 114-ФЗ "О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»".

и платного образования, значительная часть острых проблем, с которыми преподаватели сталкиваются каждый день и которые самым непосредственным образом снижают качество образования, обретут базу для своего решения. Несомненно, чиновники от образования, увлеченные административным управлением, предложили бы совсем другие направления развития системы образования в ответ на те же проблемы. Борьба со списыванием и неучастием в образовательном процессе в условиях цифровизации они станут, внедряя все более изощренные формы прокторинга и заставляя проставлять оценки обучающимся за каждое занятие (что уже имеет место во множестве учебных заведений) или за каждые несколько минут занятия. Они никогда не согласятся с отказом от платных образовательных услуг и привлечения дополнительных средств в образование. Демотивирующую роль платных студентов при этом они постараются скорректировать внедрением очередных новых и, как им кажется, еще более объективных форм контроля. Качество образования они будут мерить тестами остаточных знаний и количеством дипломов о повышении квалификации у педагогов. Своими действиями они стараются продлить существование того институционального контекста развития образования, когда миллионы людей сначала нужно было научить читать и писать, а потом дать им самые общие знания по предметам и когда те же миллионы людей верили в то, что наука сделает людей счастливыми. Однако жесткое администрирование при таком традиционном подходе лишь усугубляет проблемы.

Предложенные два направления институционального управления образованием предполагают лишь сценарии развития событий, но в рамках этих сценариев создаются реальные возможности для решения наиболее насущных проблем, с которыми сталкиваются и те, кто учит, и те, кто учится, в современных условиях. В любом случае институциональный контекст функционирования системы образования будет меняться. Эти изменения будут основаны как на технических достижениях, так и на трансформации образа мысли, отношения людей к информации и миру в целом. И очень важно, чтобы они были созвучны интересам страны и ее граждан.

Литература

Барков, С.А. Избавление от неопределенности – естественное желание и порочная стратегия человечества / С.А. Барков // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности: в материалах XV Международной научной конференции «Сорокинские чтения» (Москва, 16-17 февраля 2021 г.). – М.: МАКС Пресс, 2021. – С. 331-333.

Барков, С. А. Институциональные матрицы образования: коллективная монография / С.А. Барков., И.В Колодезникова, А.В. Маркеева. – Москва: Изд. У Никитских ворот, 2025. – 448 с.

Барков, С. А. Институциональный и социально-управленческий контекст современного образования / С.А. Барков., И.В. Колодезникова, А.В. Маркеева. // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2025. – Т. 31. – № 1. – С. 63-98. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-1-63-98>

Белкова, Е. Спрос на платные места в ВУЗах Москвы вчетверо опередил показатель по России // Forbes.28.04.2025. URL: <https://www.forbes.ru/society/536132-spros-na-platnye-mesta-v-vuzah-moskvy-vcetvero-operedil-srednij-pokazatel-po-rossii>

Как изменилось образование за последние 5 лет // РБК.24.04.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6628a7ef9a794779ce5ed5d6>

Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ.30.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn>

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

References

Barkov S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. Getting rid of uncertainty is a natural desire and a vicious strategy of mankind. *Sovremennoe obshchestvo v usloviyakh social'no-ekonomicheskoy neopredelennosti: v materialakh XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sorokinskie chteniya» = Modern society in conditions of socio-economic uncertainty": Materials of the XV International Scientific Conference "Sorokin Readings". Moscow: MAKS Press, 2021: 331-333. (In Russ.)*

Barkov S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. Institutional matrices of education: a collective monograph. *Moscow: Publishing House U Nikitskih Vorot = Publishing House At Nikitsky Gate, 2025; 448 p. (In Russ.)*

Barkov, S. A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. The institutional and socio-managerial context of modern education. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science. 2025; 1: 63-98. (In Russ.)*

Belkova, E. The demand for paid places in Moscow universities is four times higher than in Russia. *Forbes.28.04.2025. Available at: <https://www.forbes.ru/society/536132-spros-na-platnye-mesta-v-vuzah-moskvy-vcetvero-operedil-srednij-pokazatel-po-rossii> (In Russ.)*

How education has changed over the past 5 years // RBC = RBC.24.04.2024. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6628a7ef9a794779ce5ed5d6> (In Russ.)

Lifelong learning // ВЦИОМ = VTsIOM.30.08.2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (In Russ.)

Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on December 29, 2025) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2026). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.01.2026

Дата окончания рецензирования: 18.02.2026

Дата принятия к публикации: 19.02.2026

Информация об авторах

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: barkserg@live.ru

Маркеева Анна Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Колодезникова Инна Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: inna0105@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Barkov Sergey Alexandrovich – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: barkserg@live.ru

Markeeva Anna Valeryevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Kolodeznikova Inna Valentinovna – Candidate of Sciences in Economy, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: inna0105@yandex.ru

The authors declare that there is no conflict of interests

Научная статья

УДК 316.354.2; 316.473; 005.342

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.2>

EDN FIHGJN

**Сравнительный анализ отношения к инновациям руководителей и сотрудников
(на примере организаций г. Таганрога)****Андрей В. Рачипа¹**¹Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета в г. Таганроге,

г. Таганрог, Россия

e-mail: avrachipa@yandex.ru

Ирина А. Янкина²²Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

e-mail: i.yankina@tmei.ru

Аннотация

Введение. Развитие технологий обусловило необходимость формирования менеджеров инновационного типа, успешно выстраивающих инновационные процессы в организации и обеспечивающих стратегическое развитие. Эффективность инновационного менеджмента зависит от вовлеченности и руководителей, и рядовых сотрудников в процесс внедрения инновационных технологий. Это актуализирует проблему исследования отношения работников к инновациям в их организациях. Цель работы – провести сравнительный анализ отношения к инновациям руководителей организаций и сотрудников (на примере организаций г. Таганрога).

Новизна исследования заключается в проведении сравнительного анализа оценок руководителей организации и рядовых сотрудников организаций к инновациям и инновационному развитию организаций. Фиксируемые в рамках такого сравнительного анализа несоответствия могут послужить основой для коррекционных управленческих решений и обуславливают практическую значимость полученных результатов.

Методы. Исследование проводилось в 2004 г. в форме анкетного опроса и вторичного анализа результатов исследования 2024 годов, проводимых в г. Таганроге. Обработка полученных данных реализовывалась с помощью индексного метода. Достижение поставленной цели осуществлялось посредством анализа ответов респондентов (в том числе входящих в группу «руководители организации» или в группу «рядовые сотрудники») на анкетные вопросы, характеризующие элементы инновационной деятельности организации, с последующей обработкой и сравнением результатов.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования было проанализировано отношение руководителей и сотрудников к следующим элементам инновационного потенциала: инициативности руководителей в организации; стимулам к переменам в организации; отношению к инновациям в организации; отношению менеджеров к новым возможностям. В целом респонденты из группы «руководитель» дают более положительные оценки, чем из группы «рядовые сотрудники». Данные показали, что

позитивные оценки у руководителей связаны с показателями, описывающими результаты деятельности менеджеров. Если показатель связан с деятельностью всей организации, то даваемые оценки несколько ниже.

Данные показывают, что каждый пятый рядовой сотрудник не видит инициативы со стороны руководства (в то время как руководство считает, что эту инициативу активно проявляет). Во-вторых, каждый третий рядовой сотрудник убежден, что только крах и неудовлетворительные результаты заставляют менеджеров что-то менять в организации. Руководство, в глазах сотрудников, достаточно безынициативно. Так же считает каждый пятый из опрошенных руководителей организаций. Таким образом, одним из способов повышения инновационного потенциала российских организаций является изменение поведения менеджеров в процессе внедрения инноваций.

Ключевые слова: отношение к инновациям; социологическое исследование; рядовые сотрудники; руководители организаций; инновационная деятельность; инициативность руководителей.

Для цитирования: Рачипа А. В., Янкина И. А. (2026). Сравнительный анализ отношения к инновациям руководителей и сотрудников (на примере организаций г. Таганрога). *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 26-38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.2>

Comparative analysis of the attitude of managers and employees towards innovation (using the example of organizations in Taganrog)

Andrey V. Rachipa¹

¹ Polytechnic Institute (branch) of Don State Technical University
Taganrog, Russia

e-mail: avrachipa@yandex.ru

Irina A. Yankina²

²Taganrog Institute of Management and Economics
Taganrog, Russia

e-mail: i.yankina@tmei.ru

Abstract

Introduction. Technological advances have necessitated the development of innovative managers who can successfully build innovative processes within organizations and ensure strategic development. The effectiveness of innovation management depends on the engagement of both executives and employees in the implementation of innovative technologies. This necessitates the study of employee attitudes toward innovation within their organizations. The objective of this study is to conduct a comparative analysis of the attitudes toward innovation among executives and employees (using Taganrog organizations as an example).

The novelty of this study lies in its comparative analysis of the perceptions of organizational leaders and ordinary employees regarding innovation and innovative development. Discrepancies identified in this comparative analysis can serve as the basis for corrective management decisions and determine the practical significance of the results obtained.

Methods. The study was conducted in 2004 using a questionnaire survey and a secondary analysis of the results of a 2024 study conducted in Taganrog. The obtained data were processed using the index method. This objective was achieved by analyzing the responses of respondents

(including those in the "management" or "ordinary employee" groups) to questionnaires characterizing elements of the organization's innovative activities, followed by processing and comparison of the results.

Results and its discussion. The study analyzed the attitudes of managers and employees toward the following elements of innovation potential: managerial initiative within the organization; incentives for change within the organization; attitudes toward innovation within the organization; and managers' attitudes toward new opportunities. Overall, respondents in the "management" group gave more positive assessments than those in the "ordinary employee" group. The data showed that managers' more positive assessments were associated with indicators describing the performance of managers. If the indicator is related to the activities of the entire organization, the ratings given are somewhat lower. The data shows that one in five rank-and-file employees sees no initiative from management (while management believes they actively demonstrate this initiative). Secondly, one in three rank-and-file employees believes that only failure and unsatisfactory results force managers to change anything within the organization. Employees perceive management as relatively uninitiated. One in five of the surveyed executives also believes this. Thus, one way to increase the innovative potential of Russian organizations is to change the behavior of managers during innovation implementation.

Keywords: attitudes toward innovation; sociological research; ordinary employees; heads of organizations; innovation activities; initiative of managers

For citation: Rachipa A. V., Yankina I. A. (2026). Comparative analysis of the attitude of managers and employees towards innovation (using the example of organizations in Taganrog). *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 26-38. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.2>

Введение

Успешность процесса цифровизации отечественной экономики связывается с формированием менеджеров инновационного типа, имеющих инновационно ориентированное мышление. Однако эффективность процесса управления зависит от общего понимания управленческой ситуации не только субъектом управления, но и объектом управления. Как отмечает Н.Ю. Псарева, «ценности каждого индивидуума и группы определяют характер поведения и отношение к работе» (2024, 216). Таким образом, и руководители организации, и рядовые сотрудники должны быть не только вовлечены в процесс внедрения инновационных технологий, но иметь схожие инновационно ориентированные социальные установки. В связи с этим актуализируется проблема исследования отношения работников к инновациям в их организации.

Цель работы – провести сравнительный анализ отношения к инновациям руководителей организаций и сотрудников (на примере организаций г. Таганрога).

Тематика отношения к инновациям и инновационному поведению встает в ряд с наиболее важными вопросами, обсуждаемыми в рамках экономических и социологических исследований. Согласно О.А. Деревянчук инновационное поведение «трактруется как поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов» (2022). Следовательно, формирование инновационных установок связано с развитием творческого потенциала, нестандартного мышления и готовности к риску. Например, О.В. Володина считает инновационную активность «метадеятельностью по трансформации обыденных и

стандартных видов деятельности» (2023, 159). В этой связи поднимаются вопросы исследования текущих установок, способствующих инновационному развитию (Gajić, Lalic, Stankovic J., 2013); инновационного потенциала работников (Кох, Гедзь, Сурженко, 2022; Jiang, Xuan, Zhang, 2024; Тащёва, Арпентьева, Гриднева, 2021, 63); инновационного климата в команде (Zhou, Zhang, Gao, Wang, Chen, 2025). Особый акцент в работах данного проблемного поля делается на установки и деятельность руководителей (менеджеров). Актуализируются исследования, затрагивающие вопросы ценностных ориентаций на инновационных предприятиях (Коваленко, Малышев, 2023); роли лидера (Афанасьев, Куницына, Смородинова, 2023), гендерной специфики отношения к руководству (Рачипа, Янкина, 2025). Согласно данным, приводимым Т.Г. Попадюк, К.А. Мишиной, опрос компании McKinsey показал, что «84% руководителей со всего мира согласились с тем, что инновации играют исключительно важную роль в стратегии развития организации» (Попадюк, Мишина, 2021, 70). Таким образом, важность стимулирования инновационного поведения у сотрудников в организации обусловлена тем, что инновационная деятельность является основой формирования стратегического потенциала и залогом победы в конкурентной борьбе.

Новизна исследования. Новизна исследования обусловлена смещением исследовательских акцентов с оценки инновационных установок личности на оценку инновационных процессов в организации, инициируемых руководством организации. Фактически, когда руководитель высказывает свое мнение об уровне инновационного развития и специфике инновационного менеджмента своей организации, он говорит о себе и результатах своих решений. Когда сотрудник описывает уровень инновационного развития и специфику инновационного менеджмента на предприятии, то он раскрывает свою оценку инновационной деятельности руководства организации. Сравнительный анализ таких данных позволяет зафиксировать соответствие / несоответствие «желаемого состояния организации», для которой целенаправленно работает система управления организации, с тем, что формируется в действительности (как её видят рядовые сотрудники). Фиксируемые в рамках такого сравнительного анализа несоответствия могут послужить основой для коррекционных управленческих решений и обуславливают практическую значимость полученных результатов.

Методология

В основе данного исследования лежат современные теоретические наработки по вопросам инновационного менеджмента, управления изменениями, социологии управления и управления персоналом, освещаемые отечественными и зарубежными исследователями. В процессе исследования теоретического и фактологического материала применялись системный и компаративный подходы, анализ и синтез.

Современные отечественные и зарубежные исследователи ведут активный поиск адекватного метода социально-экономической оценки инновационного поведения работников. Проанализированные разработки исследовательских моделей не в полной мере вписываются в круг задач, которые необходимо решить для достижения целей данного исследования. Рассмотренные подходы либо слишком узкие и затрагивают уровень формирования личных инновационных характеристик сотрудника (Деревянчук, 2022; Mun, Fiedler, Park, 2006), либо слишком «широкие» (Кричевский, Мартынова,

Дмитриева, 2022) и описывают результаты инновационной деятельности всей организации в целом. В рамках же данного исследования предполагается проанализировать инновационную среду организации в контексте оценок сотрудников и руководителей. Достижение поставленной цели осуществлялось посредством анализа ответов респондентов (в том числе входящих группу «руководители организации» или группу «рядовые сотрудники») на анкетные вопросы, характеризующие элементы инновационной деятельности организации, с последующей обработкой и сравнением результатов. Сбор и анализ данных в этом ключе позволяет производить оценку инновационных процессов в организации, инициируемых руководством организации, выявлять слабые стороны и проблемы.

Эмпирическая основа исследования. В ходе анализа используются данные исследований, проведенных в Таганроге в 2004 г. (Чичилимов, 2011) и в 2024 году (опрошено 500 человек), в том числе было опрошено 53 руководителя организаций, 166 руководителей подразделений, 281 рядовой сотрудник организации. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. В ходе опроса респондентам было предложено оценить ряд параметров по пятибалльной шкале (шкала типа Лайкерта). Обработка полученных данных осуществлялась с помощью индексного метода (индекс сравнения групп (ИРГ)) (Рачипа, Янкина, 2025).

Результаты и их обсуждение

Ведущую роль в формировании конкурентных позиций компании играет менеджмент, особенно стратегический менеджмент. Стратегические решения ориентированы на будущее, основой развития которого является цифровизация бизнеса. Одной из главных характеристик стратегического решения является инновационность.

Согласно исследованиям, проведенным в Таганроге в 2022 г., «самыми серьезными проблемами, стоящими перед системой управления проанализированных организаций, являются «Стагнация» и «Демотивирующий стиль руководства» (Янкина, Рачипа, 2024). Суть стагнации – это утрата способности организации реагировать на изменяющиеся условия внутренней и внешней среды, потеря способности к развитию. Преодолеть стагнационные процессы возможно посредством активной инновационной деятельности и проявления инициативы руководителем организации. Данные исследования (см таблицу 1) показывают, что оценка уровня проявления инициативы руководителей в организации со стороны руководителей и рядовых сотрудников имеет отличия. Большинство сотрудников (62%) характеризуют инициативу руководителей в своей организации как умеренную. Однако есть те, кто указывает, что она низкая (17%) и высокая (21%). Несколько иначе видят ситуацию руководители: 41% характеризует инициативу как умеренную, 59% - как высокую.

Таблица 1 Оценка инициативности руководителей в организации

Ответы	Руководители	Рядовые сотрудники
очень низкая	0%	4%
низкая	0%	13%
умеренная	41%	62%
высокая	40%	18%
очень высокая	19%	3%
ИРГ	0,39	0,015

У руководителей имеется четкое понимание важности инициатив в организации и роли руководства – как ведущего звена в инновационной деятельности. Однако для рядовых сотрудников ситуация видится иначе: только каждый пятый из опрошенных в этой группе видит в своей организации инициативных менеджеров. Остальные – либо недостаточно инициативны, либо последствия их деятельности слабо сказываются на эффективности деятельности организации, поэтому остаются не замеченными.

У руководителей и рядовых сотрудников существует разное представление о стимулах к переменам в организации (таблица 2). Больше всего руководителей (47%) считают, что стремление изменить все в организации к лучшему порождает «непрерывный процесс инноваций». Это значит, что в организации существует налаженная система (план или стратегия) постоянного инновационного развития, обеспечивающая непрерывность и логическую преемственность внедряемых инноваций. Однако среди рядовых сотрудников такое мнение поддерживают только 8%. Большая часть рядовых сотрудников (42%) считает стимулом к переменам «поиск нового». На это же указывает 25% руководителей. Меньше трети сотрудников считают, что главная причина изменений – неудовлетворительные результаты.

Таблица 2 Стимулы к переменам в организации

Ответы	Весь массив	Руководители	Рядовые сотрудники
кризис, крах	3%	0%	3%
неудовлетворительные результаты	25%	28%	29%
угрозы и возможности	21%	0%	19%
поиск нового	41%	25%	42%
непрерывный процесс инноваций	10%	47%	8%
ИРГ	0,15	0,455	0,115

В исследовании, проведенном в 2008 году в Таганроге, было выявлено, что 35% респондентов считают стимулом к переменам в их организации кризис или неудовлетворительные результаты. Подобные решения свидетельствуют о невысоком уровне качества менеджмента. В 2024 г. подобного мнения придерживаются 28% от всех опрошенных (в том числе 28% руководителей и 32% рядовых сотрудников). Это показывает рост качества принимаемых управленческих решений, уход от стратегии «тушения пожара». В то же время у пятой части руководителей, по мнению респондентов (в 2004 г. – 20%, в 2024 г. – 21%), стимулом к переменам являются угрозы и возможности (Янкина, 2010). Это позволяет сделать вывод о формировании у отечественных менеджеров навыков стратегического управления (в том числе освоение методик SWOT-анализа и PEST-анализа) и активное использование в организации инструментов стратегического анализа, позволяющих «успешно справляться с ситуацией неопределенности» (Янкина, Татарканов, 2022), опираясь на инновационный потенциал компании и её стратегическую гибкость. Согласно данным, 72% менеджеров используют методы стратегического анализа и стратегического планирования, что позволяет тонко чувствовать изменения во внешней среде и выстраивать логику развития организации по наиболее предпочтительному сценарию, опираясь на соотношение ресурсов

внутренней среды и наиболее существенные факторы внешней среды.

Согласно данным экспертного опроса (проведенного в 2020 г.), которые приводит А.Ю. Смирнов (2023, 52), к факторам, препятствующим развитию инновационной деятельности, причисляются «высокая стоимость нововведений» (25,7%), «низкий инновационный потенциал организации» (15,2%).

Таблица 3 Отношение к инновациям в организации

Ответы	Весь массив	Руководители	Рядовые сотрудники
Инновации отторгаются с использованием определенных моделей и схем поведения	8%	40%	7%
Инновации инстинктивно отторгаются как помеха привычному образу действий	8%	12%	4%
Инновации воспринимаются индифферентно, вызывают у сотрудников опасения за свой статус	20%	0%	19%
Некоторые инновации принимаются позитивно, а некоторые отторгаются без пояснений	28%	8%	39%
Инновации воспринимаются как возможности развития	36%	40%	31%
ИРГ	0,38	-0,02	0,415

Одной из причин низкого инновационного потенциала организации может являться отношение сотрудников и руководителей к инновациям. Согласно данным таблицы 3, мнение руководителей по данному поводу разделились на две большие группы: 40% считают, что инновации отторгаются с использованием определенных моделей и схем поведения, ещё 40% считают, что инновации воспринимаются как возможность развития. При этом рядовые сотрудники придерживаются иного мнения: 39% считают, что некоторые инновации принимаются позитивно, а некоторые отторгаются без пояснений; 31% указывает, что инновации воспринимаются как возможности развития. Таким образом, существенная часть опрошенных менеджеров убеждены, что сотрудники тормозят инновационное развитие, в то время как среди сотрудников данную точку зрения поддерживает 11%. Отмечается тенденция, согласно которой и руководители, и рядовые сотрудники считают свои действия инновационно ориентированными, осознают важность инновационного развития организации. В то же время антиинновационные действия усматриваются в поведении других (для руководителей – это рядовые сотрудники; для рядовых сотрудников – это руководители). Если для рядовых сотрудников – это «взгляд снизу» на ситуацию в организации, то для руководителей сложившееся положение дел – это результат их управленческих решений и пространство для совершенствования внутренней среды.

Оценка отношения менеджеров к новым возможностям показывает их уровень инновационной активности или инновационной пассивности. Последнее Е.Ю. Плешакова

называет «антиинновационным поведением» (Плешакова, 2016) и считает организационной патологией, проявляющейся в склонности руководителя к пассивному риску и отказу от изменений. Согласно данным Е.Ю. Плешаковой антиинновационное поведение является наименее распространенной патологией в российском менеджменте. Исходя из уровня ИРГ, по мнению представителей анализируемой выборки, в их организациях данная патология тоже проявляется в меньшей степени (см. таблицу 4).

Таблица 4 Отношение менеджеров к новым возможностям

Ответы	Весь массив	Руководители	Рядовые сотрудники
Менеджер ориентирован на статус-кво, склонен упускать возможности	3%	11%	3%
Менеджер использует новые возможности только в исключительных случаях	23%	6%	24%
Менеджер не хочет упускать возможности	23%	0%	21%
Менеджер стремится реализовывать новые возможности	32%	64%	26%
Менеджер активно ищет и реализует новые возможности	20%	19%	26%
ИРГ	0,215	0,37	0,24

У руководителей и рядовых сотрудников разное понимание того, как относятся менеджеры к изменениям в организации. Склонность менеджеров отказываться от изменений рефлексируют 11% руководителей и 3% рядовых сотрудников. В целом руководители более позитивно оценивают инновационные установки менеджеров, делают акцент на активность в этой сфере. Мнение рядовых сотрудников сегментировано на четыре приблизительно равные группы (от утверждения, что менеджер имеет склонность к минимизации риска путем «использования новых возможности только в исключительных случаях» до уверенности в том, что менеджер «активно ищет и реализует новые возможности», таким образом принимает все сопутствующие нововведениям риски). В целом оценки ИРГ достаточно высоки (одни из самых высоких как у руководителей, так и у рядовых сотрудников).

Обсуждение результатов

Сравнение результатов характеристик элементов инновационной деятельности организации показывает отличия между руководителями и рядовыми сотрудниками. Респонденты из группы «руководитель» дают более положительные оценки, чем из группы «рядовые сотрудники». Существенный разрыв между мнениями руководителей и рядовых сотрудников фиксируется в оценке инициативности руководителей в организации. Руководители указывают на высокий уровень инициативы, в то время как рядовые сотрудники на умеренный уровень. Видимо это связано с тем, что руководители, фактически, говорят о своей собственной инициативности (что сопровождается пониманием важности инициативности руководителя для организации и целеориентацией на повышение конкурентоспособности).

В целом в оценках респондентов из группы «руководители организации»

прослеживается закономерность: если анкетный вопрос связан с деятельностью всей организации, то даваемые оценки несколько ниже (например, «Отношение к инновациям в организации» (ИРГ= -0,02)). Более позитивные оценки связаны с анкетными вопросами, описывающими результаты деятельности менеджеров или их качества («Оценка инициативности руководителей в организации» (ИРГ= 0,39), «Отношение менеджеров к новым возможностям» (ИРГ= 0,37), «Стимулы к переменам в организации» (ИРГ= 0,455)). Для рядовых сотрудников самые высокие оценки связаны с вопросами «Отношение менеджеров к новым возможностям» (ИРГ=0,24), «Отношение к инновациям в организации» (ИРГ= 0,415).

Самым большим разрыв в оценках респондентов из двух групп зафиксирован по поводу «отношения к инновациям в организации». У руководителей индекс равенства групп имеет явно негативное значение (ИРГ=-0,02) и одно из самых низких. У сотрудников (ИРГ= 0,415) здесь зафиксированы одни из самых позитивных оценок. Данная ситуация может быть обусловлена следующими факторами. Во-первых, для сотрудников, живущих в современном информационном потоке, инновации – это всегда хорошо, современно, перспективно. Поэтому, будучи частью организации они дают позитивные оценки. Во-вторых, для руководителей вопрос об отношении к инновациям в организации – это не столько про личное отношение, сколько о том, насколько успешно инновационные технологии интегрируются в его организацию. Если учесть сопротивление изменениям, большие финансовые затраты на внедрение НИОКР, недостаток компетентных кадров и сложность освоения новых технологий рядовыми сотрудниками, то можно объяснить сдержанные оценки, сделанные руководителями.

Заключение

Инновационные технологии стали неотъемлемой частью функционирования российских предприятий. Все сотрудники признают важность инноваций для развития организации. Крайне отрицательные оценки по элементам инновационной деятельности дают, в большинстве случаев, 3-4% опрошенных.

По результатам анализа были выявлены следующие проблемы и слабые стороны в управленческой практике. Во-первых, почти каждый пятый рядовой сотрудник не видит инициативы со стороны руководства (в то время как руководство считает, что эту инициативу активно проявляет). Во-вторых, каждый третий рядовой сотрудник убежден, что только крах и неудовлетворительные результаты заставляют менеджеров что-то менять в организации. Таким образом руководство, в глазах сотрудников, достаточно безынициативно. Каждый пятый руководитель думает также.

В результате анализа был зафиксирован разрыв между оценками руководителей и рядовых сотрудников. У последних чаще фиксируются негативные оценки. Для руководителей организаций более низкие оценки связаны с описанием инновационной деятельности всей организации, а более позитивные – с показателями, фиксирующими результаты инновационной деятельности менеджеров или их инновационные качества. Остается открытым вопрос: «является ли подобный разброс оценок у руководителей следствием большей информированности или стремлением не признавать неуспешность организации, низкую эффективность инновационного менеджмента и недостаточную компетентность в области инновационной деятельности?». Таким образом

перекладывается часть ответственности за невысокие результаты на всех сотрудников, неспособных освоить инновационные практики. Ответ на данный вопрос может быть получен посредством сравнительного анализа оценок руководителей организации с руководителями подразделений. Что и предполагается реализовать в дальнейших исследованиях.

Литература

Афанасьев, В.В. Лидер в инновационном коммуникативном пространстве организации/ В.В. Афанасьев, С.М. Куницына, М.В. Смородинова // Казачество. – 2023. – № 68 (3). – С. 82-89. – EDN: [RVICNR](#).

Володина, О.В. Инновации как механизм развития человека и общества/ О.В. Володина // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 4 (145). – С. 159-164. – EDN: [UFDMUR](#).

Деревянчук, О.А. Отношение к инновациям сотрудников строительных организаций/ О.А. Деревянчук // Universum: психология и образование. – 2022. – №7 (97). – С. 29-36. – <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2022.97.7.14036>. – EDN: MJRCDD.

Коваленко, А.А. Ценностные ориентации руководителей и управление инновациями на предприятиях/ А.А. Коваленко, М.А. Малышев// Общественные науки и современность. – 2023. – №3. – С.146–164. –<https://doi.org/10.31857/S0869049923030103>. – EDN: GISASI.

Кох, М.Н. Восприимчивость к инновации работника в организации: психологический аспект проблемы/ М.Н. Кох, Ю.В. Гедзь, Л.В. Сурженко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – №4. – EDN: OJWDDL.

Кричевский, М.Л. Оценка цифровой зрелости предприятия/ М.Л. Кричевский, Ю.А. Мартынова, С.В. Дмитриева // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т.12. - №4. – С.2546-2560. – <https://doi.org/10.18334/vinес.12.4.116786>. – EDN: CUMTRZ.

Плешакова, Е.Ю. Патологии менеджмента современных организаций/ Е.Ю.Плешакова // Эффективное антикризисное управление. – 2016. – №6. – (99). – С. 72-75. – EDN: [XSOC TD](#).

Попадюк, Т.Г. Новое отношение руководителей к инновациям в 21 веке/ Т.Г. Попадюк, К.А. Мишина// Инновационное развитие экономики. – 2021. – №2-3 (62-63). – С. 69-77. – https://doi.org/10.51832/2223-7984_2021_2-3_69. – EDN: UPNNTS.

Псарева, Н.Ю. Ценностно-ориентированный подход в инновационном развитии корпорации/ Н.Ю. Псарева // Вестник Московского Международного Университета. – 2024. – № 1(1). – С. 216-220. – EDN: [BLHUFE](#).

Рачипа, А.В. Отношение к организации и ее менеджменту: гендерная дифференциация оценок работников (на примере г. Таганрога)/ А.В. Рачипа, И.А. Янкина // Caucasian Science Bridge. – 2025. – Т.8. – № 2 (28). – С.32-42. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.3>. – EDN: DGFWQY.

Смирнов, А.Ю. Развитие инновационной деятельности в России и факторы, ей препятствующие/ А.Ю. Смирнов // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2023. – № 2 (38). – С. 50-57. – EDN: DKUCFV.

Тащёва, А.И. Отношение к инновациям и стресс инноваций в высшем образовании/ А.И. Тащёва, М.Р. Арпентьева, С.В. Гриднева // Профессиональное образование в

современном мире. – 2021. – Т. 11. – №3. – С. 63-76. – <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-07>. – EDN: VRRHWN.

Чичилимов, В.В. Живой капитал России/ В.В.Чичилимов. – М.: Логос. – 2011. – EDN: QOMLHT.

Янкина, И.А. Социологический подход к анализу процесса управления персоналом в кризисной ситуации/И.А. Янкина// Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4 (6). – С.57- 61.

Янкина, И.А. Анализ патологий российских организаций/ И.А. Янкина, А.В. Рачипа // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2 (67). – С.138-143. – <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2024.67.983>. – EDN: KDWCPN.

Янкина, И.А. Роль стратегического анализа в совершенствовании деятельности организации/ И.А. Янкина, А.Р. Татарканов // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия: материалы XXI Международной научно-практической конференции (Пенза, 24–25 февраля 2022г.)/Под редакцией Ф.Е. Удалова, В.В. Бондаренко. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 318-321. EDN: PLISEB.

Jiang, L. Unlocking innovation potential: the impact of artificial intelligence transformation on enterprise innovation capacity / L. Jiang, Y. Xuan, K. Zhang // European Journal of Innovation Management. 2024. – Vol. 28. – No. 8. – P. 4112-4131. – <https://doi.org/10.1108/EJIM-07-2024-0809>.

Mun, Y. Yi. Understanding the Role of Individual Innovativeness in the Acceptance of IT-Based Innovations: Comparative Analyses of Models and Measures / Y. Yi. Mun, K. D. Fiedler, J. S. Park // Decision Sciences. 2006. – Vol. 37. – No. 3. – P. 393-426.

Gajic, S. The role of individuals in the process of innovation / S. Gajic, D. Lalic, J. Stankovic // «Regional economic resilience through innovation and enterorise” Conference: 6th International Conference for Entrepreneurship, Inovation and Regional Development (ICEIRD 2013). Istanbul, Turkey, June 20-21, 2013. – P.412-418.

Zhou, X. Understanding Individuals’ Innovative Characteristics and Innovative Behaviors in Information Systems: A Mediating Role of Perceptions of Team Innovation Climate / X. Zhou, Y. Zhang, Y.Gao, Y. Wang, Y. Chen // SAGE Open. 2025. –Vol.15. – No. 2. <https://doi.org/10.1177/21582440251336982>.

References

Afanasyev V.V., Kunitsyna S.M., Afanasyev V.V., Smorodinova M.V. Leader in the innovative communicative space of the organization. *Kazachestvo=Cossacks*. 2023; 68 (3): 82-89. (In Russ.).

Volodina O.V. Innovations as a mechanism for the development of man and society. *Global'nyy nauchnyy potentsial=Global scientific potential*. 2023; 4 (145):159-164. (In Russ.).

Derevyanchuk O.A. Attitude to innovations of employees of construction organizations. *Universum: psikhologiya i obrazovaniye = Universum: psychology and education*. 2022; 7(97): 29-36. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2022.97.7.14036>. (In Russ.).

Kovalenko A.A., Malyshev M.A. Value orientations of managers and innovation management at enterprises. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Sciences and Modernity*. 2023; 3:146–164. <https://doi.org/10.31857/S0869049923030103>. (In Russ.).

Kokh M.N., Gedz Yu.V., Surzhenko L.V. Susceptibility to innovation of employees in an organization: psychological aspect of the problem. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2022; 10(4). (In Russ.).

Krichevsky M.L., Martynova S.V., Dmitrieva Yu.A. Assessing the digital maturity of an enterprise. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of innovative economics*. 2022; 12(4): 2546-2560. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116786>. (In Russ.).

Pleshakova E. Yu. Pathologies of management of modern organizations. *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye = Effective anti-crisis management*. 2016; 6(99): 72-75. (In Russ.).

Popadyuk T.G., Mishina K.A. New attitude of managers towards innovations in the 21st century. *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki=Innovative development of the economy*. 2021; 2-3(62-63): 69-77. https://doi.org/10.51832/2223-7984_2021_2-3_69. (In Russ.).

Psareva N.Yu. Value-oriented approach in the innovative development of a corporation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Moscow International University*. 2024; 1(1): 216-220. (In Russ.)

Rachipa A.V., Yankina I.A. Attitude towards the organization and its management: gender differentiation of employee assessments (using the city of Taganrog as an example). *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2025; 8.2 (28): 32-42. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.3>. (In Russ.).

Smirnov A.Yu. Development of innovative activity in Russia and factors hindering it. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i menedzhmenta= Actual problems of economics and management*. 2023; 2 (38): 50-57. (In Russ.)

Tashcheva A.I., Arpentyeva M.R., Gridneva S.V. Attitude towards innovation and innovation stress in higher education. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2021; 11(3): 63-76. <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-07>. (In Russ.)

Chichilimov V.V. Living capital of Russia. *Moskva: Logos= Moscow: Logos*. 2011. (In Russ.).

Yankina I.A. Sociological approach to the analysis of the personnel management process in a crisis situation. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'=Historical and socio-educational thought*. 2010; 4 (6): 57-61. (In Russ.).

Yankina I.A., Rachipa A.V. Analysis of pathologies of Russian organizations. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo= Business. Education. Law*. 2024; 2(67): 138-143. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2024.67.983>. (In Russ.).

Yankina I.A., Tatarkanov A.R. The Role of Strategic Analysis in Improving Organizational Performance. *Opyt i problemy reformirovaniya sistemy menedzhmenta na sovremennom predpriyatii: taktika i strategiya: materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii=Experience and Problems of Reforming the Management System at a Modern Enterprise: Tactics and Strategy. Materials of the XXI International Scientific and Practical Conference*. Penza: Penza State Agrarian University, 2022: 318-321. (In Russ.).

Jiang L., Xuan Y., Zhang K. Unlocking innovation potential: the impact of artificial intelligence transformation on enterprise innovation capacity. *European Journal of Innovation Management*. 2024; 28 (8): 4112-4131. <https://doi.org/10.1108/EJIM-07-2024-0809>.

Mun Y. Yi, Fiedler K. D., Park J. S. Understanding the Role of Individual Innovativeness in the Acceptance of IT-Based Innovations: Comparative Analyses of Models and Measures. *Decision Sciences*. 2006; 37: 393-426.

Sladjana G., Lalic D., Stankovic J. The role of individuals in the process of innovation. Regional economic resilience through innovation and enterorise. *Materials of the 6th International Conference for Entepreunership, Inovation and Regional Development (ICEIRD 2013)*. Turkey. Istanbul. 2013: 412-418.

Zhou X., Zhang Y., Gao Y., Wang Y., Chen Y. Understanding Individuals' Innovative Characteristics and Innovative Behaviors in Information Systems: A Mediating Role of Perceptions of Team Innovation Climate. *SAGE Open*. 2025; 15. <https://doi.org/10.1177/21582440251336982>.

Дата получения рукописи: 28.01.2026

Дата окончания рецензирования: 01.03.2026

Дата принятия к публикации: 02.03.2026

Информация об авторах

Рачипа Андрей Валерьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Гуманитарные и социально-экономические науки», Политехнический институт (филиал) Донского государственного технического университета в г. Таганроге, г. Таганрог, Россия; e-mail: avrachipa@yandex.ru

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления, Таганрогский институт управления и экономики; e-mail: i.yankina@tmei.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Andrey Valerievich Rachipa – Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences at the Polytechnic Institute (branch) of “Don State Technical University”, Taganrog, Russia; e-mail: avrachipa@yandex.ru

Irina Anatolyevna Yankina – Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of Management, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia; e-mail: i.yankina@tmei.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.62

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.3>

EDNDZKPYE

Социальный рейтинг как технология социального маркетинга**Валерий Л. Музыкант¹**¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

г. Москва, Россия

e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Гульнора К. Овруцкая²²Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: gkovrutskaya@sfnu.ru

Александр В. Овруцкий³³Российский государственный социальный университет

г. Москва, Россия

e-mail: alexow1@yandex.ru

Аннотация

Введение. Теоретический анализ позволил раскрыть содержание понятия «социальный рейтинг» как системы формирования у граждан социально одобряемых форм поведения на основе экономических позитивных и негативных стимулов, привязанных к ключевым измеримым параметрам.

Методология исследования включает принципы экономической социологии: 1. Социальное поведение рассматривается как интегративное, детерминированное экономическими и социальными факторами; 2. Постулируется возможность взаимной конвертации социальных и экономических благ; 3. В объяснении экономических форм поведения акцент делается на поиске социальных механизмов.

Результаты и обсуждение. Описана китайская система социального рейтинга (история, актуальное состояние, области мониторинга, приведены примеры позитивных и негативных стимулов). Обозначена перспективная отечественная разработка социального рейтинга «Мы», представлены методологические принципы системы.

Сделан вывод, что социальные цели и используемые экономические инструменты в социальном рейтинге (прибыль, издержки) позволяют рассматривать исследуемые технологии как технологии социального маркетинга. К дискуссионным вопросам авторы отнесли общественную критику относительно возможного ограничения свобод.

Выделены возможные социальные последствия внедрения социального рейтинга: появление новых оснований для социальной стратификации, новые практики вертикальной мобильности, возможное усиление социального неравенства и появление новых форм рейтинговой дискриминации, трансформация системы мотивации социального поведения с доминантой экстернатальных факторов (внешний локус

контроля), геймификация, возможное повышение объема конформистских паттернов поведения.

Сделаны выводы об аксиомах и допущениях относительно концепции и практик социального рейтинга. В частности, вывод о том, что методология рейтинга основана на механизме коммодификации, а также вывод, что числовой и/или порядковый показатель социального рейтинга валиден и отражает показатель индивидуальной репутации гражданина.

К маркетинговым требованиям относительно социального рейтинга отнесены следующие: требования информационной транспарантности, справедливости, валидности, наличия механизма апелляции, наличие общественного контроля, конфиденциальность и безопасность личной информации, позитивная асимметрия стимулов, выравнивание рейтинговых процедур, сегментация аудиторий.

Ключевые слова: социальный рейтинг; социальный маркетинг; социальное поведение; позитивные стимулы; негативные стимулы; коммодификация; социальная стратификация; социальный обмен; мониторинг; контроль.

Для цитирования: Музыкант В. Л., Овруцкая Г. К., Овруцкий А. В. (2026). Социальный рейтинг как технология социального маркетинга. *CaucasianScienceBridge*, 9 (1), С. 39-52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.3>

Social rating as a social marketing technology

Valery L. Musikant¹

¹Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba

Moscow, Russia

e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Gulnora K. Ovrutskaya²

²Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: gkovrutskaya@sfedu.ru

Alexander V. Ovrutsky³

³Russian State Social University

Moscow, Russia

e-mail: alexow1@yandex.ru

Abstract

Introduction. Theoretical analysis has made it possible to clarify the concept of «social credit» as a system for shaping socially approved forms of behavior among citizens through economic positive and negative incentives linked to key measurable parameters.

Theoretical justification. The research methodology incorporates the principles of economic sociology: 1. Social behavior is viewed as integrative and determined by both economic and social factors; 2. The possibility of mutual conversion between social and economic benefits is postulated; 3. In explaining economic forms of behavior, emphasis is placed on identifying underlying social mechanisms.

Results and its discussion. The Chinese social credit system is described, including its history, current status, monitored areas, and examples of positive and negative incentives. A promising

domestic social credit initiative called «My» («Мы» in Russian) is outlined, and the system's methodological principles are presented.

It is concluded that the social objectives and economic tools used within social credit systems (profit, costs) allow these technologies to be regarded as forms of social marketing. The authors identify public criticism regarding potential restrictions on individual freedoms as a subject for debate.

The possible social consequences of implementing a social credit system are identified: the emergence of new bases for social stratification, new practices of vertical mobility, a potential increase in social inequality and the appearance of new forms of rating-based discrimination, transformation of the motivation system for social behavior with a dominance of external factors (external locus of control), gamification, and a possible rise in conformist behavioral patterns.

Conclusions have been drawn regarding the axioms and assumptions underlying the concept and practices of social credit. In particular, it is concluded that the rating methodology is based on a mechanism of commodification, and that the numerical and/or ordinal indicator of social credit is valid and reflects an individual citizen's reputation.

The following are identified as marketing requirements for social credit systems: information transparency, fairness, validity, availability of an appeal mechanism, public oversight, confidentiality and security of personal data, a bias toward positive incentives, and standardization of rating procedures.

Keywords: social credit; social marketing; social behavior; positive incentives; negative incentives; commodification; social stratification; social exchange; monitoring; control.

For citation: Musikant V. L., Ovrutskaya G. K., Ovrutsky A. V. (2026). Social rating as a social marketing technology. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 39-52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.3>

Введение

Тема социального рейтинга в последние десятилетия все чаще привлекает внимание обществоведов. Обусловлено это активным распространением различных рейтингов. В.Г. Иванов характеризует актуальную социо-экономическую ситуацию в большинстве стран мира как «рейтинговую революцию» (Иванов, 2015, 89). Автор обозначает ее как создание, стремительное распространение и постепенную легитимизацию многочисленных межстрановых индексов, сравнивающих объекты по большому числу критериев: от политической стабильности до уровня свободы слова, от качества государственного управления до привлекательности национальной культуры (там же).

Кроме разнообразных внешних рейтингов набирает силу и система внутреннего рейтингования – национальные и корпоративные шкалы. Социальный рейтинг является специфичным феноменом, затрагивающим не только экономические факторы, но и обладающим выраженным социальным, психологическим и духовным содержанием.

Целью теоретического исследования стало обоснование подхода к анализу социального рейтинга как технологии социального маркетинга.

Задачи исследования включали следующие. 1. Раскрыть исторические и содержательные аспекты практик социального рейтинга. 2. Применить объяснительную схему социального маркетинга к практикам социального рейтингования. 3. Обозначить

возможные социальные негативные последствия практического использования социального рейтинга. 4. Сформулировать маркетинговые требования к технологии социального рейтинга, направленные на повышение эффективности ее функционирования.

Научная новизна исследования определяется оригинальной трактовкой социального рейтинга как технологии социального маркетинга. Анализ специальной литературы (отечественной и англоязычной) и поиск по ключевым словам в библиографических описаниях баз данных не зафиксировал примеров такого подхода. Теоретические исследования и практика социального маркетинга в первую очередь сосредоточены на сферах общественного здравоохранения, образования, управления бизнесом, области делового администрирования, коммуникации и психологии (Truong V. Dao, Garry T., Hall M., 2014, 207). Кроме тематической новизны, отметим, что рассмотрение социального рейтинга как технологии социального маркетинга позволяет апробировать маркетинговые технологии на макроуровне, уровне всего общества. В большинстве своем практики социального маркетинга затрагивают микро- и мезоуровни социума.

Практическая новизна определяется предложенными маркетинговыми требованиями к технологии социального рейтингования, которые, на наш взгляд, способны оптимизировать его применение.

Методология исследования

Теоретическое исследование базируется на методологических принципах экономической социологии. Используются следующие методологические принципы: 1. Интеграция экономических и социальных факторов для описательных и объяснительных моделей социального поведения; 2. Принцип конвертации (коммодификации) социальных и экономических благ, когда те или иные формы социального поведения могут соотноситься и переводиться в экономические показатели и блага, и наоборот; 3. Ориентация на выявление социального механизма экономических форм поведения; 4. Рассмотрение интегративного механизма социальных и экономических процессов на макроуровне.

Предметом исследования является механизм регулирования социального поведения посредством экономических стимулов, используемый в существующих моделях социального рейтинга. Объектом исследования являются научные представления и соответствующие теме практики социального рейтингования.

В большинстве теоретических исследований в области социального маркетинга используются следующие объяснительные модели: теория запланированного поведения/осознанного действия И.Айзена, теория диффузии инноваций Э. Роджерса, модель веры в здоровье (Г. Хокбаум, С. Кегельс, И. Розенсток), модель этапов изменений, теория социальной экологии и социально-когнитивная теория А. Бандуры (Truong V. Dao, Garry T., Hall M., 2014, 208). Все эти теории можно отнести к теориям среднего уровня и их прикладное использование ограничено микро- и мезоуровнями социума. Например, предметами их применения были коррекция аддикций, формирование практик здорового образа жизни или повышение электоральной активности у конкретных групп населения.

В контексте тематики социального рейтинга эти объяснительные модели, на наш

взгляд, имеют существенные ограничения. Макроуровень предполагает рассматривать маркетинг в расширительной трактовке, как общую социальную теорию, направленную на интегративный эффект на уровне всего общества или достижение уровня критической массы изменений (Черенков, 2013, 104), (Акимов, 2009, 186). Существующие маркетинговые инструменты позволяют эффективно осуществлять управление не только спросом на товары и услуги, но и социальными процессами, технологично формировать гражданина, организацию, социальную группу, все общество в целом.

В общем виде, методологической основой технологии социального рейтингования является бихевиоризм. Социальное научение выстраивается в системе применения разнообразных позитивных и негативных стимулов, когда граждане осуществляют добровольный обмен своих личных затрат (время, усилия по контролю за своим поведением и т.д.) на экономические блага. Вместе с тем, использование маркетингового подхода (социальный маркетинг) направлено на создание наиболее эффективных способов обмена (с наименьшими издержками для субъектов обмена), формирование с помощью системы маркетинговой коммуникации максимальной лояльности граждан к участию в проекте и получение системной обратной связи для корректировки и оптимизации процесса, что предполагает работу также и с когнитивными эффектами.

Результаты

В общем виде под социальным рейтингом понимается система, направленная на формирование у граждан социально одобряемых форм поведения на основе поощрений и наказаний, определяемыми начисленными или списанными условными баллами с использованием сложной программно-аппаратной системы мониторинга поведения со стороны органов власти (Косоруков, 2020, 57). В некоторых источниках исследуемый феномен обозначается как «система социального кредитования» (SCS).

Такая система включает ряд измеримых и прозрачных параметров (Катрашова, Митяшин, Плотников, 2021, 101), призвана укрепить стабильность общества в целом (Рувинский, Тарасов 2020), а интеграция таких параметров осуществляется на основе анализа больших данных с использованием модулей искусственного интеллекта. Таким образом, процесс рейтинговой оценки включает в себя следующие позиции: субъект оценки, объект оценки, измеримые показатели, механизм оценки (регламент), последствия – дискриминационные (ограничения) и позитивные (стимулы).

Отметим, что практики нерейтингового мониторинга граждан (достижение пороговых значений) уже более 50 лет активно используются в сферах государственного управления и бизнеса большинством стран мира. Например, к таким практикам относим оценку потенциала мигрантов, «штрафные баллы» нарушителям правил дорожного движения (в России стоимость автостраховки в том числе зависит от наличия/отсутствия таких нарушений), оценка кредитной истории и кредитного потенциала заемщика и т.д. и т.п. Нерейтинговые практики стали привычными, и сегодня не вызывают серьезной общественной критики.

Кроме того, бизнес стал активно использовать и рейтинговые подходы, ранжируя реальных и потенциальных потребителей (аренда недвижимости, покупка на маркетплейсах) и т.д. Например, американская фирма Tala, работающая в развивающихся странах Африки и Азии, утверждает, что анализирует до 10 000 «точек данных» для

создания собственного клиентского рейтинга (Cheney, 2016). Многим пользователям известны и другие западные системы рейтингования, в частности рейтинги компаний Uber или Airbnb.

Представлены и более экзотические варианты, например, в Швеции функционирует кредитная карта «Do Black», а в Швейцарии аналогичная ей климатическая кредитная карта Cornèrcard.² Такие финансовые инструменты созданы специально для граждан, которые разделяют экологические ценности и стремятся ограничить выбросы углекислого газа. Электронная банковская система подсчитывает углеродный след покупок, совершенных с помощью этих карт и при достижении их владельцами лимита выбросов CO₂ покупки по карте становятся невозможными.

Технология социального рейтинга включает не только принципы и процедуры измерения, оценку социального поведения, но по сути это интегративная модель перевода благ – из социальных в экономические, и наоборот. Полученные баллы в рейтинге, например, за волонтерство или за отсутствие финансовых задолженностей, конвертируются определенным способом в экономические блага, например, на уровне социальной защищенности в большую доступность кредита, доступность отдельных видов транспорта, более высокую скорость тарифного плана Интернета или возможность скидок на авиабилеты или проживания в курортных гостиницах.

Лидером в концептуальных разработках и практическом применении такой системы сегодня является КНР. В 2002 году Центральный банк Китая впервые предложил систему оценки кредитоспособности граждан, на основе которой впоследствии возникла концепция социального кредита. В 2007 году Государственный совет КНР опубликовал документ, в котором впервые была официально представлена идея создания общенациональной системы социального кредита (Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего, 2018), а уже к 2014 году система социальной оценки была реализована на практике (Luo, 2018, 24).

На сегодняшний день социальный рейтинг в Китае функционирует пока в пилотном режиме. В 43 городах апробируются различные рейтинговые модели. Например, в Ханчжоу используется система «Городской кредит», оценивающая поведение граждан в общественных местах; в Жунчэн – система «Честный Жунчэн» с «черными списками» нарушителей, а в Сучжоу – система с акцентом на оценку финансовой надежности и т.д.

Пешехода, который решил перейти на красный свет, в Жунчэне автоматически запишет уличная камера, программа мгновенно распознает лицо, а нарушитель получит штраф на электронную почту, к тому же произойдет вычет баллов из персонального рейтинга.

В южном Шэньчжэне в функционировании социального рейтинга использована крупнейшая сеть видеонаблюдения. Китайские СМИ опубликовали в 2017 году историю чудесного спасения трехлетнего ребенка, которая стала возможной только благодаря используемым здесь рейтинговым аппаратным технологиям. Когда отец ребенка

²Climate Credit Card – Switzerland // <https://unfccc.int/climate-action/momentum-for-change/activity-database/momentum-for-change-climate-credit-card>

обнаружил пропажу и обратился в полицию, благодаря камерам видеонаблюдения и программе распознавания лиц (составные части социального рейтинга города) была быстро установлена похитительница, и уже через 15 часов невредимый ребенок был передан своим счастливым родителям (Lus, 2018, 27). Иными словами, дорогостоящие технологии, которые используются в функционировании системы социального рейтинга, приводят также и к другим очевидным позитивным эффектам, например, к помощи в решении конкретной криминальной ситуации.

В общем виде китайский социальный рейтинг фиксирует семь областей жизнедеятельности граждан: лояльность к власти (оценка поведения гражданина с точки зрения поддержки действующего политического курса), соблюдение законов, финансовая дисциплина, поведение в интернете, потребительское поведение (соответствие «правильному» образу жизни), социальная активность (участие в общественно полезной деятельности, волонтерство), социальный капитал (оценка социальных контактов) (Амурская, Куликов, Вэнь Чжан, 2023). А конкретные виды поведения, которые становятся объектом мониторинга – это, например, соблюдение правил дорожного движения; отказ от курения в запрещенных местах; своевременная оплата коммунальных услуг, налогов и кредитов; соблюдение моральных норм в семье; прохождение военной службы; поведение в цифровой среде; распространение фейковых новостей в интернете и т.д. (Lus, 2018, 25).

Негативные последствия попадания в низкорейтинговую страту в существующей китайской системе разнообразны и зависят от конкретной территории, но, как правило, могут включать: запрет на приобретение билетов на высокоскоростные поезда и самолеты, ограничение доступа к качественному образованию, снижение скорости интернета, отказ в предоставлении кредитов и других финансовых услуг, ограничения в трудоустройстве на престижные должности, и в крайних случаях – лишение социальных льгот и пенсий.

Одним из принципов системы социального рейтинга в Китае стал принцип, согласно которому нарушения гражданина в одной сфере могут привести к издержкам в других (Lus, 2018, 25). Иными словами, закрепляется принцип взаимной конвертации экономических и социальных благ. Те или иные измеримые паттерны социального поведения переводятся в балльную шкалу рейтинга (увеличивают его или уменьшают), а полученные результаты конвертируются в экономические блага (скидки, доступ к образовательным программам, кредитам и т.д.). Точная методология расчета и отдельные аспекты, которые учитываются при оценке в КНР, остаются неизвестными.

Китайская система активно критикуется в западных источниках, вместе с тем, многие страны предпринимают попытки создать аналогичные или воспользоваться китайским опытом. Так, по данным на 2018 год более 30 стран заявили о внедрении цифровых средств наблюдения для мониторинга поведения своих граждан, а по состоянию на 2019 год более 18 стран внедрили китайскую методологию (Xu, Kostka, Cao, 2022, 2230).

Инициаторами первого отечественного проекта национального социального рейтинга с рабочим названием «Мы» стали руководство и ученые Российского

государственного социального университета (РГСУ).³ По мнению методологов проекта, в ближайшей перспективе авторским коллективом на основе вероятностных и статистических моделей оценки будет создана современная национальная система социального скоринга (4С).

Уникальность разработки состоит в том, что система будет включать два интегративных показателя, первый из которых будет репрезентировать социальный статус человека (метрика накопленных качеств и особенностей человека, отражение его совокупного опыта, образования, возраста, социальных особенностей и т.д., характеризующих его значимость в социальном плане), а второй – оценку зоны развития, социального потенциала человека (там же).

Наличие двух интегральных показателей позволяет рассматривать социальную систему в динамике, обозначать направления ближайшего развития, что может стать дополнительным стимулом для граждан. Кроме того, разрабатываемая система позволит выявлять коррелируемые социальные показатели, устанавливать причинно-следственные связи между различными социальными и экономическими факторами.

Исходя из декларируемых целей и используемых экономических инструментов (прибыль, издержки) технологии социального кредита можно отнести к технологиям социального маркетинга. Социальный маркетинг предстает как практики, направленные на получение пользы для общества и для отдельного человека, а технологии такого воздействия основаны на принципах и методах коммерческого маркетинга (Ли, Ротшильд, 2025). Социальный кредит как раз и создавался для целей технологичной гармонизации социума, а инструменты принуждения здесь носят экономический характер, относятся к типу «мягкого принуждения» (условия кредитования, скидки, возможность пользоваться бесплатными услугами и т.д.).

Социальный маркетинг использует структурную концепцию коммерческого маркетинга – концепция 4 Р (продукт, место, цена и продвижение). «Продукт» в социальном маркетинге предстает как новая модель поведения или закрепление социально приемлемых поведенческих паттернов. «Цена» определяется издержками таких поведенческих изменений. Например, человек вынужден отказываться от вредных привычек, осуществлять дополнительный волевой контроль над своим поведением, формировать у себя новые социально желательные навыки и т.д. «Место» характеризует пространство, где человек может получить информацию о новой модели поведения и необходимых средствах, ресурсах для этого (Котлер, Ли, 2008, 55-57). Продвижение в социальном маркетинге определяется как деятельность, которая описывает выгоды предложения, его цену и доступность для целевой аудитории (Ли, Ротшильд, 2025).

Обсуждение

Технология социального рейтинга является новой и активно развивающейся. Важнейшим фактором ее появления и интенсивного развития стали новые цифровые и технические инструменты. Большие базы данных, возможность глобального

³Алиев Д. Ф., Бородулина С.А. Проект платформы социального скоринга (материалы к Учёному совету РГСУ)// https://rgsu.net/about/activities/press_centre/life/platform/rgsu-life_20.html (дата обращения 15.01.2024).

мониторинга и оперативность обработки позволяют использовать рейтинговые процедуры максимально эффективно.

Однако, очевидны и негативные следствия такой ситуации. Тотальный контроль за жизнью человека, включая технологии распознавания лиц, мониторинг активности в интернете, отслеживание финансовых операций, сбор и анализ данных о биометрии, трудоустройстве, работе, индивидуальной мобильности и т.д. и т.п. – воспринимаются частью любого общества как признаки ограничения свобод.

Другими словами, рейтинговые технологии трансформируют представления людей о приватности. По сути, в ситуации глобального рейтинга приватность становится практически недостижимой задачей. Эту ситуацию усложняют высокие риски утечки данных, потери или злонамеренной порчи информации, риски хакерских атак или технических коллапсов. Полагаем, что вопросы приватности будут актуальной и достаточно сложной социологической и правовой задачей будущего общества социального рейтинга.

Одной из экономических причин отсутствия интегрированной национальной системы социального рейтинга в Китае является недостаток компьютерных ресурсов и существенные энергетические затраты на поддержание функциональности системы в целом (Лис, 2018, 29). Для менее богатых стран эта цель становится еще менее достижимой. Однако, очевидно, что внедрение квантовых вычислений и снижение стоимости электроэнергии (за счет альтернативной энергетики или других способов) могут сделать систему жизнеспособной в национальном масштабе. Полагаем, что реализация такого сценария возможна в среднесрочной перспективе (25 лет) и в большей степени возможна для нескольких стран – Китай, Россия, США.

Отметим ряд социальных последствий внедрения социального рейтинга. Технологии социального рейтингования создают новые основания для социальной стратификации. Сегментация общества на группы с низким, средним и высоким социальным рейтингом способна создать новые элиты, средний класс и группы аутсайдеров.

Как следствие, социальный рейтинг может создать новые практики вертикальной мобильности, когда наряду с традиционными факторами (образование и карьерные достижения) социальный рейтинг станет фактором социальной динамики. Отметим и обратный процесс – низкий рейтинг может затруднять или блокировать вертикальную мобильность посредством ограничения доступа к социальным ресурсам. В используемых рейтинговых системах в качестве негативных стимулов зачастую используются барьеры к образовательным услугам, высокооплачиваемой работе, финансовым услугам, путешествиям и т.д. Отметим также и межпоколенческие факторы передачи статуса, когда рейтинг родителей косвенно может влиять (как в позитивном, так и в негативном направлении) на социальную мобильность детей.

Вопросы влияния социального рейтингования на социальное неравенство и появление новых форм рейтинговой дискриминации, на наш взгляд, остаются открытыми, но, безусловно, требуют своего теоретического и эмпирического изучения. Отметим, что рейтинговые процедуры должны в обязательном порядке учитывать географические, национальные и иные социальные факторы. Особое значение это имеет в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране.

Рейтинг – это технология, механизм которой базируется на внешнем локусе контроля. Такая ситуация способна сформировать установку исключительно на внешнюю мотивацию, что может трансформировать всю систему социальной мотивации общества. Существует риск формирования поколения, для которого социально одобряемое поведение будет восприниматься не как моральная норма, а как стратегия получения экономических выгод в рамках существующей рейтинговой системы.

В цифровую эпоху фиксируют общий тренд на геймификацию социального поведения, что можно применить и к ситуации социального рейтинга. Полагаем, что определенная часть общества, в большей степени молодежь, будет воспринимать рейтинговую ситуацию как игровую, где аналогично ролевым компьютерным играм человек стремится получить как можно больше бонусов и как можно меньше штрафов за счет управления своим поведением (по аналогии управления своим персонажем в игре). Игровой контекст восприятия социального рейтинга выполняет также психологические функции снижения тревоги и страха перед возможными негативными последствиями, что может иметь как позитивные (не воспринимается как стрессовый), так и негативные последствия (недооценка возможных негативных последствий, которые потом сложно исправить).

Эффективно работающий механизм социального рейтингования способен стимулировать конформистские паттерны поведения. Существует ли оптимальный уровень таких форм поведения и как это может повлиять на развитие общества – эти вопросы также можно отнести к перспективным социологическим теоретико-эмпирическим задачам.

Выводы

На наш взгляд, технологии социального рейтинга основаны на следующих аксиомах или допущениях:

1. Государство всегда предпринимает попытки контролировать и управлять поведением своих граждан. Отметим, что этот принцип верен и применительно к корпорациям, а желание корпораций контролировать своих стейкхолдеров мало чем отличается от реализации функций контроля со стороны государственной власти, за исключением, разве что, несопоставимого объема ресурсов и ассортимента легитимных методов принуждения.
2. Такой контроль является необходимым условием позитивного общественного развития.
3. Современные цифровые технологии позволяют осуществлять контроль за поведением граждан эффективно как в социальном аспекте (коррекция поведения граждан), так и в экономическом (ожидаемые эффекты превышают затраты на обеспечение функционирования системы).
4. Методология рейтинга основана на механизме коммодификации – социальные свободы, интересы, поведение могут быть конвертируемы в потребительские свободы и интересы, иметь стоимостное выражение.
5. Числовой и/или порядковый показатель социального рейтинга валиден и отражает показатель индивидуальной репутации гражданина.

Рассмотрение социального кредита в рамках социального маркетинга позволяет сформулировать ряд маркетинговых требований к технологии социального

рейтингования. Это:

1. Прозрачность – понимание обществом целей, последствий и общей методологии используемой технологии.
2. Справедливость – субъективная оценка большинством населения соответствия конкретных видов социального поведения экономическим последствиям рейтингования.
3. Валидность – достоверность, эффективность измеримых показателей.
4. Наличие механизма апелляции (правовое регулирование).
5. Наличие общественного контроля.
6. Конфиденциальность и безопасность личной информации.
7. Позитивная асимметрия стимулов – отказ от явных негативных стимулов, превышение объема позитивных стимулов над негативными.
8. Выравнивание рейтинговых процедур, например, за счет использования принципа равный-равному. Принцип активно используется в корпоративном рейтинговании, например, взаимное рейтингование пассажиров и водителей в такси, арендодателей и туристов в туристических сервисах, покупателей и продавцов на маркетплейсах и т.д. Возможно использование симметричных рейтингов, когда властные структуры оценивают граждан, а граждане властные структуры.
9. Сегментация – разделение общества на рейтинговые сегменты, для которых адаптируются рейтинговые регламенты (набор и вес факторов и т.д.).

Рассмотрение социального кредита как технологии социального маркетинга позволит, на наш взгляд, повысить эффективность практик социального кредита.

Литература

Акимов, Д. Социальный маркетинг: предмет и основные типы // Д. Акимов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. – № 1. – С. 186-203.

Амурская, М. А. Система социального кредита в Китае и ее роль в социально-экономическом развитии страны / М. А. Амурская, А. М. Куликов, Ч.Вэнь // Экономические науки. 2023. – №4 (221). – С. 432-436.

Галиуллина, С. Д. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего / С. Д. Галиуллина, М. Г. Бреслер, А. Р. Сулейманов, А. А. Рабогошвили, Н. Н. Байрамгулова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. – №4 (26).

Иванов, В. Г. «Chartspower» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия / В. Г. Иванов. М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.

Катрашова, Ю. В. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации / Ю. В. Катрашова, Г. Ю. Митяшин, В. А. Плотников // Управленческой консультации. 2021. – № 2. – С. 100–109. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-100-109>.

Косоруков, А. А. Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления / А. А. Косоруков // Теории и проблемы политических исследований. 2020. – Том 9. – № 5А. – С. 56-64. <https://doi.org/>

10.34670/AR.2020.91.12.007

Котлер, Ф. Маркетинг для государственных и общественных организаций / Ф.Котлер, Н.Ли. СПб.: Питер, 2008.– с. 55 – 57.

Рувинский, Р.З.«Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена / Р.З.Рувинский, А.А.Тарасов // Национальная безопасность. –2020. –№ 3. –С.72-88. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.3.33021>.

Черенков, В.И. Общая теория маркетинга: текущее состояние и подходы к разработке / В.И. Черенков // Вестник С.-Пб. ун-та. Сер. Менеджмент. –2013. –Вып. 2. – С. 98-127.

Luc, I. L. China's Social Credit System / I. L. Luc // System approaches'18 Can the system approach be useful in solving current problems of modern technologies? 24rd International Conference Prague, November 22, 2018. – P. 24-30.<https://doi.org/0.18267/pr.2018.pav.2247.0-4>.

Truong, V. D.Social Marketing as the Subject of Doctoral Dissertations. / V. D. Truong, T. Garry, M. Hall.// Social Marketing Quarterly. August 2014. –20(1):199-218. <https://doi.org/10.1177/1524500414546230>.

Xu X.Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China /X .Xu., G. Kostka, X. Cao// Journal of Politics. 2022. – Vol. 84. – No. 4. – P. 2230-2245.

Ли Н.Р., Ротшильд М.Л., Смит У. Декларация об уникальных принципах и особенностях социального маркетинга. URL: <http://www.soclaboratory.ru/lab/socmarketing.php>

Cheney, C. How Alternative Credit Scoring Is Transforming Lending In The Developing World / C. Cheney // Devex, 8 September 2016. URL: <https://www.devex.com/news/how-alternative-credit-scoring-is-transforming-lending-in-the-developingworld-88487>

References

Akimov D. Social Marketing: Subject and Main Types. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing =Sociology: Theory, Methods, Marketing*. 2009; 1: 186-203.(In Russ.).

Amurskaya M. A., Kulikov A. M., Wen Zh. The Social Credit System in China and Its Role in the Country's Socio-Economic Development. *Ekonomicheskiiyenuki =Economic Sciences*. 2023; 4 (221): 432-436. (In Russ.).

Galiullina S. D., Bresler M. G., Suleimanov A. R., Rabogoshvili A. A., Bayramgulova N. N. The Social Credit System in China as an Element of the Digital Future. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Seriya: Ekonomik = Bulletin of USPTU. Science, Education, Economics. Series: Economics*. 2018; 4 (26). (In Russ.).

Ivanov V.G. "Charts power" - "rating power" as an instrument of soft power and an economic weapon: technologies of use and counteraction strategies. *M.: INFRA-M = Moscow: INFRA-M*, 2015; 188 p. (In Russ.).

Katrashova Yu.V., Mityashin G. Yu., Plotnikov V.A. The social rating system as a form of state control over society: prospects for implementation and development, threats to implementation. *Upravlencheskoykonsul'tirovaniye = Management Consulting*. 2021; 2:100–109. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-100-109> (In Russ.).

Kosorukov A.A. "Smart Surveillance" and Social Rating Technologies in Public Administration. *Teoriiiproblemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Research*. 2020; 9; 5A: 56-64. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.91.12.007> (In Russ.).

Kotler F., Lee N. Marketing for Government and Public Organizations. *Sankt Peterburg: Piter = St. Petersburg: Piter*, 2008: 55-57 (In Russ.).

Ruvinsky R.Z., Tarasov A.A. "The Social Credit System": Historical Prerequisites and Doctrinal Foundations of the Phenomenon. *Natsional'nayabezopasnost = National Security*. 2020; 3: 72-88. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.3.33021>. (In Russ.).

Cherenkov V.I. General Marketing Theory: Current State and Approaches to Development. *Vestnik S.-Pb. un-ta. Ser. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Series: Management*. 2013; 2: 98-127. (In Russ.).

Luc I. L. China's Social Credit System. *System approaches'18 Can the system approach be useful in solving current problems of modern technologies? 24rd International Conference. Prague, November 22, 2018*. 2018: 24-30. <https://doi.org/10.18267/pr.2018.pav.2247.0-4>

Truong V. Dao, Garry T., Hall M. Social Marketing as the Subject of Doctoral Dissertations. *Social Marketing Quarterly*. August 2014; 20(1):199-218. <https://doi.org/10.1177/1524500414546230>

Cheney C. How Alternative Credit Scoring Is Transforming Lending In The Developing World. *Devex*, 8 September 2016. URL: <https://www.devex.com/news/how-alternative-credit-scoring-is-transforming-lending-in-the-developingworld-88487>

Lee N.R., Rothschild M.L., Smith W. Declaration on the Unique Principles and Features of Social Marketing. URL: <http://www.soclaboratory.ru/lab/socmarketing.php> (In Russ.).

Xu X., Kostka G., Cao X. Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China. *Journal of Politics*. 2022; 84; 4: 2230-2245.

Дата получения рукописи: 13.12.2025

Дата окончания рецензирования: 21.01.2026

Дата принятия к публикации: 27.02.2026

Информация об авторах

Музыкант Валерий Леонидович – доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия; e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Овруцкая Гульнора Каримовна – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: gkovrutskaya@sfedu.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия; e-mail: alexow1@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Muzykant Valeriy Leonidovich–Doctor of Sciences in Sociology, Professor of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation; e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Ovrutskaya Gulnora Karimovna–Candidate of Sciences in Political Science, Associate Professor at the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; e-mail: gkovrutskaya@sfedu.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich– Doctor of Sciences in Philosophy, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation; e-mail: alexow1@yandex.ru

The authors declare that there is no conflict of interests

Социология образования

Научная статья

УДК 378.4:316.4

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

EDN CDRCDA

Анализ доходов российских университетов: проблема прозрачности**Евгений В. Романов¹**¹ Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,

г. Магнитогорск, Россия

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Аннотация.

Введение. Проблема финансового обеспечения вузов может быть рассмотрена в социологическом контексте, поскольку ее решение детерминирует социальные изменения, связанные с кадровым производством/воспроизводством и проблемой социальной справедливости. Цель исследования состоит в проверке гипотезы о том, что между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от образовательной, научно-исследовательской (НИР) и интеллектуальной (РИД) деятельности может существовать «разрыв», размер которого определяется спецификой финансирования вузов.

Методы. Информационную базу исследования составляли результаты мониторинга эффективности деятельности вузов, вошедших в топ-20 предметного рейтинга по экономике за 2025 год (период 2017–2015 гг.); анализировались данные: а) об удельном весе средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности; б) о доходах вуза от образовательной деятельности и НИР; в) о совокупном приведенном контингенте студентов и приведенном контингенте по УГН 38.00.00 «Экономика и управление». Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа результатов финансовой деятельности вузы были разделены на две группы в зависимости от доли доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза: а) доля доходов от НИР превышала 10%; б) доля доходов от НИР – менее 10%. В свою очередь каждая группа была разделена на подгруппы в зависимости от суммарных значений доходов от трех видов деятельности, отраженных в мониторинге: образовательной (основой), научно-исследовательской, интеллектуальной. На основе разработанного авторского алгоритма определяются два вида «разрывов»: «бюджетный» и «внебюджетный» – разность между доходами вуза от совокупных бюджетных/внебюджетных ассигнований и доходами от бюджетных/внебюджетных ассигнований образовательной деятельности и НИР. Мониторинг эффективности вузов не дает ответа, каким образом «заполняются» указанные «разрывы». Наличие такой информации делало бы более прозрачной картину бюджетного и внебюджетного финансирования вузов, минимизировало возможные

злоупотребления (включая коррупционную составляющую) при распределении финансовых ресурсов. Предлагается в соответствующие разделы мониторинга включить информацию обо всех источниках финансирования вузов: государственные субсидии, доходы от деятельности эндаумент-фондов, управления собственностью и т.д. Это будет способствовать разработке эффективных финансовых стратегий в региональных университетах на основе обобщения опыта ведущих вузов и с учетом специфики их финансирования. В статье приведены данные, свидетельствующие о существовании проблемы кадрового воспроизводства у части финансово стабильных вузов. Это позволяет определить в качестве перспективы дальнейших исследований выявление зависимости между финансовым обеспечением вуза и кадровым воспроизводством.

Ключевые слова: предметный рейтинг вузов; структура доходов вузов; «бюджетный» и «внебюджетный» разрыв; прозрачность доходов; кадровое воспроизводство.

Для цитирования: Романов Е.В. (2026). Анализ доходов российских университетов: проблема транспарентности. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 54-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

Revenue analysis of Russian universities: the problem of transparency¹

Evgeny V. Romanov¹

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University

Magnitogorsk, Russia

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of financial support for universities can be considered in a sociological context, since its solution determines social changes related to personnel production/reproduction and the problem of social justice. The purpose of the study is to test the hypothesis that there may be a "gap" between the total budgetary/extra-budgetary income of universities and income from educational, research (R&D) and intellectual (RID) activities, the size of which is determined by the specifics of university funding.

Methods. The information base of the study consisted of the results of monitoring the effectiveness of universities included in the top 20 of the subject rating on economics for 2025 (the period 2017-2015); data were analyzed: a) on the share of funds received by an educational organization from the use of intellectual property; b) about the income of the university from educational activities and research; c) the total number of students and the number of students in the enlarged group of areas 38.00.00 "Economics and Management". Theoretical research methods were used: analysis (literature on the research problem, website materials), comparison and generalization, induction, synthesis.

Results and its discussion. Based on the analysis of financial performance, universities were divided into two groups, depending on the share of income from research and development (R&D) in the total income of the university.: a) the share of R&D income exceeded 10%; b) the share of R&D income was less than 10%. In turn, each group was divided into subgroups depending on the total income from three types of activities reflected in the monitoring: educational (basic), research, intellectual. Based on the author's algorithm, two types of "gaps" are determined: "budgetary" and "extra-budgetary" - the difference between the university's income from total budgetary/extra-budgetary allocations and income from budgetary/extra-

budgetary allocations of educational activities and research. Monitoring the effectiveness of universities does not provide an answer as to how these "gaps" are "filled". The availability of such information would make the picture of budgetary and extra-budgetary financing of universities more transparent, and minimize possible abuses (including corruption) in the allocation of financial resources. It is proposed to include information on all sources of university funding in the relevant monitoring sections: government subsidies, income from endowment funds, property management, etc. This will contribute to the development of effective financial strategies in regional universities based on the generalization of the experience of leading universities and taking into account the specifics of their financing. The article provides data indicating the existence of a problem of personnel reproduction in some financially stable universities. This allows us to identify the relationship between the financial provision of the university and personnel reproduction as a prospect for further research.

Keywords: subject rating of universities; income structure of universities; the "budgetary" and "extra-budgetary" gap; income transparency; personnel reproduction.

For citation: Romanov E.V. (2026). Revenue analysis of Russian universities: the problem of transparency. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 54-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.4>

Введение

В современных условиях проблема создания эффективной системы финансирования вузов может быть рассмотрена в социологическом контексте, поскольку ее решение детерминирует социальные изменения посредством: а) подготовки востребованных кадров, необходимых для технологического «прорыва» в условиях турбулентной внешней среды и санкционных ограничений; б) создания необходимых условий для кадрового воспроизводства в высшей школе; в) разрешения (или сглаживания) противоречий между «богатыми» и «бедными». В совокупности это приводит к уменьшению безработицы (в идеале все выпускники востребованы рынком труда); обеспечивается проблема преемственности в передаче «спрессованного» человеческого опыта (опытные преподаватели передают явные и неявные знания молодым преподавателям); снижается социальная напряженность: в результате доступности образования процессы социализации обучающихся проходят более эффективно («проще и дешевле социализировать личность в вузе, чем в тюрьме»).

В этой связи представляются актуальными исследования, нацеленные на выявление особенностей финансового обеспечения российских университетов, степени прозрачности в получении и распределении бюджетных и внебюджетных доходов и корректного сравнения университетов по финансовым показателям их деятельности.

Некоторые итоги реформирования высшего образования в России

Анализируя итоги реформирования высшего образования в России, подавляющее большинство исследователей склонны их оценивать негативно. Как отмечал Е.В. Балацкий, российские реформы системы высшего образования (СВО) «беспрецедентны по масштабу и изощренности. В этом смысле их аналоги искать бесполезно» (Балацкий, 2014, 112). В данном исследовании были описаны два принципиально разных этапа регулирования СВО – «дерегулирование, которое привело к надуванию образовательного пузыря...», и гиперрегулирование, которое спровоцировало обвальное

высвобождение кадров из вузов. Если для первого был характерен дефицит регулирующих действий, то для второго – избыток активности регулятора» (там же).

М.В. Курбатова, рассматривая реформу высшего образования в России в качестве институционального проекта российской бюрократии, оценивает переход к новой системе оплаты труда (НСОТ) в 2008 году в качестве одного из ключевых элементов реформы, когда руководство вузов «из членов вузовского сообщества... превратилось в менеджеров и работодателей для сотрудников вузов» (Курбатова, 2016, 60). При этом стимулирующие выплаты ректорам макрорегулятором (Минобрнауки) «стали назначаться по министерским критериям не только без учета мнения вузовского сообщества, но и без его информирования» (Курбатова, 2016, 73).

По нашему мнению, в результате Министерство образования и науки «убило двух зайцев»: с одной стороны, обеспечило лояльность ректорского корпуса проводимым реформам, с другой стороны, у ректоров появился инструмент, позволяющий обеспечить лояльность ППС к преобразованиям внутри вуза» (Романов, 2024, 18).

Анализируя «провалы» институционального проектирования в процессе реформирования высшего образования, М.В. Курбатова с соавторами первые два «провала» связывает с попыткой трансплантации (импорта) зарубежных институтов (Курбатова и др., 2020). Присоединение России к Болонскому процессу (первый «провал») и попытки импортировать в отечественную систему высшего образования зарубежные модели управления (менеджеризм) (второй «провал») привели, по мнению Д.П. Фролова, к «атрофии трансплантированной европейской модели высшего образования и ее перерождения» (Фролов, 2016, 96). В известной степени данные «провалы» коррелируют и с не совсем удачными попытками внедрения «академического капитализма» в российскую высшую школу.

Концепция «академического капитализма» (Slaughter, Leslie, 1997, 2001; Rhoades, Slaughter 1997) предполагает стимулирование «рыночного поведения», которое состоит не только в конкуренции учреждений за источники финансирования, но и конкуренции между преподавателями (Slaughter, Leslie, 2001, 154) (здесь и далее перевод мой – Е. Р.). Следствием внедрения «академического капитализма» стало признание зарубежными исследователями потери университетским образованием своей сущности, его превращения в имитацию бизнеса (Donatiello, Gherardini, 2019; Hall, 2018). В частности утверждается, что «университеты переориентируются на служение рынку вместо служения общественному благу» (Holmwood, Marcuello Servós, 2019, 309), «теряется философия высшего образования как общественного блага, в равной степени доступного как для бедных, так и для представителей среднего класса, и для богатых студентов» (Somers et al., 2018, 37). Внедрение «академического капитализма» неизбежно приводит к «пролетаризации» преподавателей (Ellis et al., 2014) и прекаризации преподавательского труда, связанного с неполной занятостью (Comois, O'Keefe, 2015). В исследовании М. L. Spinrad с соавторами (2022) отмечается, что американские государственные университеты переняли бизнес-ориентированные практики и нормы, которые предполагают последовательное снижение затрат: «учреждения передали образовательные миссии на аутсорсинг преимущественно временным сотрудникам». В результате за последние два десятилетия число внештатных преподавателей составляет 70% от общего числа преподавателей (Spinrad et al., 2022, 912).

В работах E. Egen (2025), M. Poutanen (2023) исследуется проблема отчуждения ученых от результатов своего труда в результате «присвоения капиталом науки как общественного блага» (Poutanen, 2023, 85), отмечается, что «идентичность ученого начала уступать идентичности делового человека... Развитие науки в условиях господства капитализма и корпоратизации университетов таит в себе опасность искажения научных открытий и искажения объективной реальности (как природной, так и социальной) в угоду прибыли» (Egen, 2025, 298). В исследовании С. А. LaBrenz с соавторами подчеркивается, что подчинение, а не критическое участие становится новой нормой (LaBrenz et al., 2025, 46).

В контексте внедрения в отечественную образовательную систему «академического капитализма» (Романов, 2023) «в качестве обязательного механизма повышения эффективности высшей школы на передний план вышло участие вузов в конкурентной борьбе за более выгодные, приносящие дополнительные финансовые поступления, условия ведения образовательной деятельности» (Сенашенко, 2017, 9). В результате этого, по мнению В.С. Сенашенко, высшее образование утрачивает свои «родовые свойства» – **системность, фундаментальность, научность**.

Менеджеристская политика, проводимая в отношении науки, утратила научную обоснованность, что помимо прочего проявилось в намерениях финансировать исследования исключительно на конкурсной основе и стремлении развивать науку преимущественно в университетах, причём силами преподавателей (Тамбовцев, 2020, 28). Мы разделяем точку зрения В.В. Ковалева и А.В. Дятлова, что «менеджеризм разрушает профессиональную этику, превращает ученого в придаток сфальсифицированной бюрократической отчетности, коммерциализирует высшую школу, ведет к неэффективному использованию образовательных ресурсов, дезавуирует цели высшего образования» (Ковалев, Дятлов, 2024, 38). Как убедительно доказано в исследовании В.В. Ковалева и А.А. Беспаловой, менеджеризм стал важнейшим фактором снижения качества высшего образования (Ковалев, Беспалова, 2025).

Мы разделяем точку зрения, сформулированную в исследовании А.Г. Костерева и М.Ю. Кима: «Высшее учебное заведение (и тем более университет) – это не бизнес-инкубатор и не генератор стартапов, а центр продуцирования идей и смыслов, непосредственная монетизация которых целью его функционирования не является» (Костерев, Ким, 2025, 161-162). В известной степени в результате маркетинга российское высшее образование утратило эту функцию.

Как справедливо было отмечено М.А. Болговой и А.В. Подлегаевым, финансовые характеристики деятельности вуза «не являются критериальными, ибо получение финансовых ресурсов не может выступать самоцелью для высшего учебного заведения» (Болгова, Подлегаев, 2015, 117).

Нам представляется интересным вывод, который сделан в исследовании Т. Oliveira с соавторами (Oliveira et al., 2025) относительно построения академической карьеры в маркетингованных университетах (“marketized universities”). Авторы выделили два аспекта: первый – материальный, когда «академическая карьера развивается на все более жестких условиях эксплуатации, которые в основном связаны с увеличением рабочей нагрузки (как оплачиваемой, так и неоплачиваемой), снижением гарантий занятости, ...нехваткой времени... на исследования» (Oliveira et al., 2025, 281). Второй

аспект – идеологический, и он касается широко распространенного среди ученых мнения, что «игра по неолиберальным “правилам игры” – это “единственный способ” построить академическую карьеру» (там же).

В совокупности эти тенденции ограничивают исследовательскую автономию и, следовательно, возможности для достижения научных прорывов (Chu, Evans 2021; Park et al. 2023). Фундаментальный прогресс может быть приостановлен, если количественный рост (ученых, институтов и публикаций) «не будет уравниваться структурами, поощряющими прорывные исследования и фокусирующими внимание на новых идеях» (Chu, Evans 2021).

В российских условиях внедрение «академического капитализма» привело к третьему «провалу» в процессе реформирования высшего образования – формированию в сфере высшего образования и науки «анклава богатства» (инновационные и научно-образовательные центры нового типа) – «поглощает ресурсы страны, подрывая в долговременном периоде возможности собственного развития и даже выживания» (Курбатова и др., 2020, 106).

Данное утверждение в определенной степени базируется на исследованиях Джозефа Стиглица, который зафиксировал появление феномена анклавной двойственной экономики. В частности, он отмечал, что «двойственность, при которой развиваются только изолированные анклавы, представляет собой провал процесса развития» (Stiglitz, 1998, 91). Исследователь особо указывал на необходимость широкого вовлечения граждан при решении вопросов, связанных с выработкой политики по широкому спектру вопросов, отмечая, что «ни одно учреждение, будь то национальное или международное, не обладает монополией на мудрость» (Stiglitz, 2002, 177). В российских условиях решение проблемы вовлеченности работников вузов в процессы выработки образовательной политики нам представляется исключительно актуальным.

Внедрение «академического капитализма» в российскую высшую школу обусловило и изменение системы финансирования вузов. Мониторинг эффективности деятельности вузов, который проводится с 2012 г., и информационно-аналитические материалы по результатам его проведения, публикуемые на сайте главного информационно-вычислительного центра ГИВЦ⁴, дают крайне обобщенное представление о доходах университетов и источниках их формирования. Впервые на отличие в структуре доходов вузов мы указали в нашем исследовании, отметив, что по показателям мониторинга невозможно сделать вывод относительно того, какую долю составляют внебюджетные поступления от вспомогательной деятельности, приносящей вузу доход (эндаумент-фонд, аренда помещений и т.д.). Приводя конкретные примеры, мы указывали, что некорректно, например, сравнивать вуз, у которого 37,24% доходов формируется за счет образовательной деятельности и НИОКР, с вузом, который за счет таких доходов формирует 96,35% от общего объема доходов (Романов, 2021, 116).

В соответствии с вышеизложенным мы формулируем следующую гипотезу: между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от видов деятельности, с наибольшим удельным весом в совокупных доходах (образовательной и

⁴ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

научно-исследовательской) может существовать «разрыв», размер которого определяется спецификой финансирования вузов.

Цель статьи состоит в выявлении «разрывов» между совокупными бюджетными/внебюджетными доходами вузов и доходами от видов деятельности, с наибольшим удельным весом в совокупных доходах (образовательной и научно-исследовательской), формулировке предложений по повышению прозрачности информации в части доходов для проведения корректного сравнительного анализа университетов.

Особенности финансового обеспечения российских университетов

Как отмечено в исследовании М.Г. Успаевой и А.М. Гачаева, с 2010 по 2023 годы наблюдался стабильный рост государственного финансирования высшего образования с 280 млрд. руб. до 450 млрд. руб. Параллельно с этим доля внешних источников финансирования увеличилась с 35% до 60%. За указанный период увеличилось количество публикаций в международных научных журналах и количество исследовательских проектов на 40% и 35% соответственно (Успаева, Гачаев, 2023, 216). Этот рост авторы связывают с увеличением государственного финансирования.

В соответствии с подходом Минобрнауки⁵ по источникам получения финансовых ресурсов и видам деятельности выделяют доходы от:

1. образовательной деятельности;
2. научных исследований и разработок (в том числе средства, выделенные в рамках государственного задания; оплата исследований за счет грантов РФФИ и РНФ);
3. оказания научно-технических услуг;
4. использования результатов интеллектуальной деятельности;
5. творческих проектов;
6. осуществления капитальных вложений;
7. прочих видов.

Помимо этих источников учитываются общий объем средств целевого капитала и доходы от него; бюджетные средства, выделяемые организации в рамках специальных программ акселерации; безвозмездная материальная помощь от физических и юридических лиц; доходы от управления собственностью.

Особое внимание государство уделяет развитию фондов целевого капитала (ФЦК) (эндаумент-фондов). В соответствии с рекомендациями Минобрнауки (распоряжение от 18.10.2024 № 388-р)⁶ программу создания ФЦК в системе высшего образования предлагается реализовывать в три этапа:

1. 2024–2025 гг. создание платформы для долгосрочных преобразований, в том числе анализ и мобилизация имеющихся ресурсов;

⁵ Распоряжение Минобрнауки России от 18.07.2025 № 249-р «О проведении мониторинга по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования за 2024 год». Нормативно-правовые акты: URL: <https://bazanpa.ru/minobrnauki-rossii-rasporiazhenie-n249-r-ot18072025-h6809999/?ysclid=mfo09y7s5u10100424> (дата обращения: 20.10.2025)

⁶ Распоряжение Минобрнауки России от 18 октября 2024 г. № 388-р «Об утверждении методических рекомендаций по формированию Программы развития фондов целевого капитала образовательных организаций высшего образования». Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/> (дата обращения: 20.10.2025)

2. 2025–2028 гг. запуск Программы – внедрение ФЦК в финансовую модель ООВО, систематический фандрайзинг и финансирование проектов;

3. 2028–2035 гг. получение результатов от Программы. Масштабирование деятельности и определение стратегических задач и целей развития для ФЦК.

В соответствии с распоряжением Минобрнауки, в котором утверждена методика формирования рейтинга подведомственных образовательных организаций, по показателю развития ФЦК⁷ вузы делятся на три группы в зависимости от индекса состоятельности.

Следует отметить, что сформированная система финансирования высшего образования в России во многом схожа с системой финансирования вузов в Китайской Народной Республике. В КНР существует три основных источника финансирования вузов (Донецкая, Лян, 2024, 153–154):

1. Государственный бюджет – покрытие операционных расходов, исследования и развитие.

2. Доходы от предпринимательской деятельности: доходы, полученные от образовательной деятельности и научных исследований. Под доходами от образовательной деятельности понимается доход от преподавательской и вспомогательной деятельности в области образования, включая плату за обучение, проживание, за прием экзаменов и другие образовательные мероприятия, расходы на проведение которых взимаются с отдельных студентов. Под доходами от научных исследований понимаются доходы, полученные от проведения научных изысканий и вспомогательной деятельности в научной сфере, включая доходы, полученные от реализации научно-исследовательских проектов, осуществления научно-технического сотрудничества и проведения научно-технического консультирования.

3. Другие доходы: инвестиционный доход, пожертвования, доход от аренды, процентный доход по банковским депозитам и т. д.

Исследование 29 ведущих вузов Китая показывает, что «каждый из них имеет следующую среднюю структуру бюджета: 35,2% – государственное финансирование, 42,6% – доходы от предпринимательской деятельности, 22,1% – прочие доходы» (Донецкая, Лян, 2024, 164).

Материалы и методы

В исследовании принимали участие вузы, которые вошли в предметный рейтинг вузов (раздел «Экономика»)⁸. Рейтинг ежегодно публикует рейтинговое агентство RAEX: в апреле 2025 года был опубликован очередной рейтинг вузов России, которые входят в семейство «Три миссии университета».

Из рассмотрения были исключены вузы, в которых приведенный контингент студентов, обучающихся по укрупненной группе 38.00.00. Экономика и управление,

⁷ Распоряжение Минобрнауки России от 18 октября 2024 г. № 387-р «Об утверждении методики формирования рейтинга образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, по показателю развития фонда целевого капитала». Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds/> (дата обращения: 20.10.2025)

⁸ Предметные рейтинги вузов: экономика (2025 год). Сайт рейтинговой группы RAEX. URL: https://raex-gr.com/education/subject_ranking/Economy/2025/ (дата обращения: 20.10.2025)

составлял менее 600 человек: Российская экономическая школа и Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II.

Информационную базу исследования составляли результаты мониторинга эффективности вузов 2017-2025 гг.: а) данные об удельном весе средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации (раздел «Научно-исследовательская деятельность»); б) данные о доходах вуза, долях доходов от образовательной деятельности и НИР, приведенном контингенте (подразделы «Финансово-экономическая деятельность» и «Образовательная деятельность» раздела «Дополнительные характеристики образовательной организации»); в) данные о приведенном контингенте УГН 38.00.00 Экономика и управление (раздел «Роль организации в системе подготовки кадров для региона»).

Следует указать, что в разделе «Научно-исследовательская деятельность» мониторинга эффективности вузов выделено два самостоятельных показателя: «удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации» и «удельный вес средств, полученных образовательной организацией от результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации». Для упрощения расчетов мы будем оперировать первым показателем.

Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты исследования: структура доходов вузов, взаимосвязь доходов и численности студенческого контингента

В результате анализа структуры доходов вузы были разделены на 2 группы:

а) I группа – вузы, в которых доля доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза **превышала 10%**;

б) II группа – вузы, в которых доля доходов от научных исследований и разработок (НИР) в общих доходах вуза **не превышала 10%**.

В свою очередь вузы первой группы были разделены на четыре подгруппы:

1) суммарные доли доходов от образовательной деятельности (ОД), НИР и от использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в общих доходах вуза (ОДВ) **приближались к 100%** (превышали 90% по результатам большинства мониторинговых замеров) (Южный федеральный университет, МГУ им. М.В. Ломоносова);

2) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **80–90%** по результатам большинства мониторинговых замеров (ВШЭ; УрФУ; СПбПУ Петра Великого; Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ); МГТУ им. Н.Э. Баумана⁹);

3) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **70–80%** по результатам большинства мониторинговых замеров (КФУ; НИТУ МИСИС; НИЯУ МИФИ);

⁹ В данную группу включен МГТУ им. Н.Э. Баумана: по результатам четырех мониторинговых замеров доли доходов варьировали в диапазоне 88–90: в трех случаях превышали 90% и в трех случаях были ниже 80%.

4) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от использования РИД в ОДВ **менее 70%** по результатам большинства мониторинговых замеров (СПбГУ; РАНХиГС).

Вузы, отнесенные ко второй группе, разделены на две подгруппы:

1) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **80–95%** по результатам большинства мониторинговых замеров (МГИМО МИД России; СПбГЭУ; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Финансовый университет; Сибирский федеральный университет);

2) суммарные доли доходов от ОД, НИР и от РИД в ОДВ варьировали в диапазоне **70–80%** по результатам большинства мониторинговых замеров (РУДН).

Таким образом, в представленных ниже таблицах показаны три группы показателей:

1. Характеризующие доли доходов по каждому виду деятельности:

1.1. ОД в ОДВ – доля доходов от образовательной деятельности (ОД) в общих доходах вуза (ОДВ), %.

1.2. НИР в ОДВ – доля доходов от НИР в общих доходах вуза, %.

1.3. РИД в ОДВ – доля доходов от РИД в общих доходах вуза, %.

1.4. Сумма долей – ОД+НИР+РИД, %.

2. Доходы вуза из всех источников и из внебюджетных источников, млрд. руб.

3. Численность приведенного студенческого контингента (чел.): общая и обучающихся по направлениям, связанным с экономикой и управлением.

Информация о студенческом контингенте позволяет установить корреляцию между численностью студентов и доходами вуза. Как будет видно из представленных материалов, эта зависимость не является линейной.

Ограничения по объему статьи не позволяют привести результаты всех университетов. В табл. 1 и 3 представлены показатели вузов, отнесенных к первой группе (первая и четвертая подгруппа соответственно). Для классических университетов представлен комментарий в отношении динамики изменений приведенного студенческого контингента по УГН 38.00.00 Экономика и управление.

Таблица 1 – Показатели доходов университетов и приведенной численности студентов (по результатам мониторинга 2017–2025 гг.)

Показатель	Значения показателя по результатам мониторинга эффективности деятельности вузов, (год)								
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
I Группа (1 подгруппа – суммарные доли доходов более 90%)									
<i>Южный федеральный университет</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	47,79	61,30	66,33	69,47	63,50	62,19	60,63	51,19	55,52
НИР в ОДВ	26,62	27,67	26,09	25,80	29,01	31,37	31,76	34,27	35,55
РИД в ОДВ	5,50	6,58	0,06	0,09	0,08	0,10	0,43	1,09	1,34
Сумма	79,41	95,55	92,45	95,36	92,59	93,66	92,82	86,55	92,41
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	4,870	4,979	5,560	5,578	6,199	6,351	6,739	7,671	8,477
Внебюджет	1,593	1,608	1,746	1,927	2,397	2,590	2,702	3,081	2,403
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									

Общий	17 102	16 884	16 937	17 525	17 806	18 625	20 182	21 370	21 689
38.00.00	1 685	1 467	1 359	1 320	1 378	1 397	1 593	1 740	1 871
<p>По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 11,6% (второе место); первое место у УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки – 15,7%; третье (5,7%) у УГН 09.00.00 Информатика и вычислительная техника.</p> <p>По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 8,6% (второе место); первое место у УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки –17,5%; третье (8,3%) у УГН 09.00.00 Информатика и вычислительная техника</p>									
<i>Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	64,52	75,77	67,76	62,49	74,64	65,86	66,78	65,95	65,84
НИР в ОДВ	28,45	23,88	26,92	29,58	20,63	20,23	18,47	22,42	23,76
РИД в ОДВ	0	0	0	0	0	0	0	0,01	0
Сумма	92,97	99,65	94,68	92,07	95,27	86,09	85,25	88,38	89,60
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	23,37 7	25,41 9	30,45 8	26,43 6	33,62 9	38,32 0	43,76 8	43,18 1	49,63 9
Внебюджет	10,94 0	11,75 0	14,18 4	8,536	13,97 4	15,89 9	14,36 5	17,83 9	23,63 6
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	31 585	33 241	33 543	33 982	36 111	36 874	38 279	40 115	43 503
38.00.00	4 633	4 908	4 876	4 703	4 998	5 228	5 659	6 300	7 618
<p>По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 15,2 % (первое место); второе место 01.00.00. Механика и математика – 12,7%; третье (9,8%) у УГН 40.00.00 Юриспруденция.</p> <p>По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 17,5 % (первое место); второе место 01.00.00. Механика и математика – 10,9%; третье (9,4%) у УГН 40.00.00 Юриспруденция.</p>									

Составлено автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

Как видно из таблицы, в МГУ им. М.В. Ломоносова укрупненная группа направлений и специальностей подготовки УГН (С) 38.00.00. Экономика и управление занимает лидирующие позиции по удельному весу приведенного студенческого контингента в общей численности. В Южном федеральном университете данное направление подготовки удерживает вторую позицию после УГН 44.00.00. Образование и педагогические науки.

В МГУ им. М.В. Ломоносова, судя по представленным результатам, достаточно проблемным был 2019 год (мониторинг 2020 г.): существенно снизилось значение внебюджетных доходов, что отразилось на общих доходах университета. Однако сумма долей доходов из трех источников была выше 90%. Начиная с мониторинга 2022 г., сумма удельных весов доходов из трех источников ниже 90%. Мы можем предполагать, что «недостающие» (до 100%) проценты в период 2022–2025 гг., составившие в денежном выражении 5,33; 6,45; 5,02; 5,16 млрд. руб. соответственно, – результат государственной поддержки (субсидии).

Для более точного вывода произведем расчет на основе данных мониторинга за 2022–2025 гг. С этой целью следует воспользоваться разработанным нами алгоритмом, в котором используется информация, приведенная в разделе V. **«Дополнительные характеристики образовательной организации»** мониторинга эффективности вузов, где помимо прочего представлены данные о финансово-экономической деятельности вуза (полужирным шрифтом выделены показатели, представленные в данном подразделе). В данном алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности.

1. Ввод информации о финансово-экономической деятельности вуза:

а) доходы вуза из всех источников;

б) доходы вуза из внебюджетных источников.

2. Определение объема доходов вуза из бюджетов (федерального, субъекта РФ и местного бюджета): разность доходов вуза из всех источников и доходов из внебюджетных источников.

3. Ввод информации о **доле доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза** и определение доходов от образовательной деятельности.

4. Ввод информации о **доле внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности** и определение объема внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности.

5. Определение объема доходов вуза от образовательной деятельности, финансируемой из бюджетов (федерального, субъекта РФ и местного бюджета): разность совокупных доходов вуза от образовательной деятельности и внебюджетных доходов от образовательной деятельности.

6. Повторение п. 3–5 в отношении доходов от научных исследований и разработок – в результате определяется объем внебюджетных и бюджетных средств в доходах от НИР. Используется информация о **доле доходов вуза от научных исследований и разработок в общих доходах вуза** и о **доле внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок.**

7. Определение суммарного объема бюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР.

8. Определение суммарного объема внебюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР.

9. Определение разности значений («разрыва») доходов вуза от совокупного бюджетного финансирования и бюджетного финансирования образовательной деятельности и НИР.

10. Определение разности значений («разрыва») доходов вуза от совокупного внебюджетного финансирования и внебюджетного финансирования образовательной деятельности и НИР.

Отметим, что бюджетное финансирование МГУ им. М.В. Ломоносова осуществляется исключительно из средств федерального бюджета.

Как видно из табл. 2, в результате расчетов (9 и 10 пункты алгоритма) в мониторинге 2022 года «бюджетный разрыв» практически отсутствовал – минимум бюджетных средств ушло на финансирование видов деятельности, не связанных с образовательной деятельностью и НИР; «внебюджетный разрыв» составил 5,329 млрд. руб. В мониторингах 2022 и 2023 гг. «бюджетный разрыв» существенно превышал «внебюджетный». А в мониторинге 2025 г. фиксируется существенное превышение «внебюджетного разрыва» над «бюджетным».

Таким образом, можно утверждать, что в 2022 и 2023 годах (мониторинг 2023 и 2024 года соответственно) государственная поддержка была достаточно существенной – 5,616 и 4,143 млрд. руб. соответственно. В мониторинге 2025 года фиксируется снижение «бюджетного разрыва» (1,780 млрд. руб.), а «разрыв» между совокупными внебюджетными доходами и внебюджетными доходами от образовательной деятельности и НИР превышает 3 миллиарда рублей (3,383 млрд. руб.) («внебюджетный разрыв»).

Можно только предположить, что «заполнение» «бюджетного разрыва» было осуществлено за счет бюджетных ассигнований, которые были выделены в рамках специальных программ акселерации, для осуществления капитальных вложений и т.д.

«Внебюджетный разрыв» может быть «заполнен» за счет средств, полученных в результате реализации творческих проектов, от управления собственностью, деятельности эндаумент-фондов и т.д.

Как мы отмечали выше в используемом алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности. По результатам мониторинга 2024 года это значение составило 0,01% в общих доходах образовательной организации, т.е. 4,318 млн. руб. В зависимости от источника поступления средств (бюджетного или внебюджетного) это значение является составляющей соответствующего «разрыва».

Таблица 2 – Показатели МГУ им. М.В. Ломоносова (по результатам мониторинга 2022–2025 гг.)

№ п/п	Показатель	Значение показателей в мониторинге			
		2022	2023	2024	2025
1	Доходы вуза из всех источников, млн. руб.	38 320	43 768	43 181	49 639
2	Доходы вуза из внебюджетных источников, млн. руб.	15 899	14 365	17 839	23 636
3	Доходы вуза из федерального бюджета, млн. руб.	22 421	29 403	25 342	26 003
4	Доля доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза, %	65,86%	66,78%	65,95%	65,84%

5	Доходы вуза от образовательной деятельности, млн. руб.	25 237	29 228	28 478	32 682
6	Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности, %	48,17%	45,69%	39,37%	45,54%
7	Внебюджетные средства в доходах от образовательной деятельности, млн. руб.	12 157	13 354	11 212	14 883
8	Средства федерального бюджета в доходах от образовательной деятельности, млн. руб. (строка 5-строка 7)	13 080	15 874	17 266	17 799
9	Доля доходов от научных исследований и разработок в общих доходах вуза, %	20,23%	18,47%	22,42%	23,76%
10	Доходы вуза от научных исследований и разработок, млн. руб.	7 752	8 084	9 681	11 794
11	Доля внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок, %	48,24%	2,12%	59,37%	45,53%
12	Внебюджетные средства в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб.	3 740	171	5 748	5 370
13	Средства федерального бюджета в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб. (строка 10-строка 12)	4 012	7 912	3 933	6 424
14	Бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 8+строка13)	17 092	23 786	21 199	24 223
15	Внебюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 7+строка12)	15 897	13 525	16 960	20 253
16	«Бюджетный разрыв», млн. руб. (строка 3-строка 14)	2	5 616	4 143	1 780
17	«Внебюджетный разрыв», млн. руб. (строка 2-строка 15)	5 329	839	879	3 383

Рассчитано автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1725 (дата обращения: 20.10.2025)

Резюмируя вышеизложенное: информация о долях доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД в общих доходах вуза может способствовать определению факта «разрыва» между общим объемом финансирования и финансирования указанных видов деятельности, т.е. определить объем финансовых ресурсов для финансирования иных видов деятельности.

Для определения распределения бюджетных и внебюджетных средств в этом объеме финансовых ресурсов («бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва») необходима дополнительная информация о доли внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР.

Что касается взаимосвязи между численностью студенческого контингента (приведенной) и объемом доходов вуза, то зависимость не является линейной. Однако можно говорить о корреляции между бюджетными доходами вуза и приведенным студенческим контингентом. Бюджетные доходы (мониторинг 2020 г.) составили 17,90 млрд. руб., а годом ранее – 16,27 млрд. руб.

В ЮФУ результаты мониторинговых измерений в 2017 и 2024 годах требуют пояснений: в первом случае суммарная доля доходов из трех основных источников составила 79,41%, при этом значения суммарных доходов университета из всех источников и доходов из внебюджетных источников были наименьшими на протяжении всего рассматриваемого периода. В мониторинге 2024 г. суммарная доля доходов из трех источников составила 86,55%, при этом доходы из внебюджетных источников достигли максимального значения, которое зафиксировано на протяжении всего периода измерений – 3,081 млрд. руб. Мониторинг не дает ответа на вопрос, за счет каких источников были получены 20,59% доходов в первом случае и 13,45% – во втором. Результаты расчета по приведенному выше алгоритму показывают, что по результатам мониторинга 2017 года значения **бюджетных и внебюджетных «разрывов»** составили **761,114** млн. руб. и **485,156** млн. руб. соответственно. По результатам мониторинга 2024 года эти значения составили **93,514** млн. руб. и **1021,91** млн. руб. соответственно¹⁰.

Объяснить данный феномен достаточно сложно, учитывая, что значения долей внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР относительно стабильны.

В 8 мониторинговых замерах «недостающие» (до 100%) проценты варьируют в диапазоне 7,59% (643,4 млн. руб.) до 4,45% (221,5 млн. руб.).

Как мы отмечали выше, зависимость между численностью студенческого контингента и доходами вуза не является линейной. Так, в ЮФУ численность студентов существенно сократилась в 2018 году (мониторинг 2019 г.) по сравнению в данными 2016 г., однако доходы из всех источников – увеличились.

¹⁰ В мониторинге 2017 г. доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 21,64%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 46,62%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2017 года. ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2017/_vpo/inst.php?id=337)

По результатам мониторинга 2024 г. доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 21,24%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 46,59%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2024 года. ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_vpo/inst.php?id=337).

Поскольку в используемом алгоритме не учтен удельный вес средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, то, как мы отмечали выше, доходы от РИД могут быть составной частью или «бюджетного» или «внебюджетного» разрыва.

В табл. 3 представлены результаты университетов, у которых в большинстве мониторинговых замеров сумма долей доходов от трех видов деятельности была ниже 70%.

Таблица 3 – Показатели доходов университетов и приведенной численности студентов (по результатам мониторинга 2017–2025 гг.)

Показатель	Значения показателя по результатам мониторинга эффективности деятельности вузов, (год)								
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
I Группа (4 подгруппа – суммарные доли доходов менее 70%)									
<i>Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	59,31	53,40	51,09	55,62	52,16	44,72	60,36	68,46	74,44
НИР в ОДВ	14,26	13,44	14,59	13,39	12,91	10,03	8,48	9,16	11,04
РИД в ОДВ	0	0	0	0	0	0	0,01	0,01	0,01
Сумма	73,57	66,84	65,68	69,01	65,07	54,75	68,85	77,63	85,49
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	10,07 0	13,09 3	13,51 1	15,41 0	17,24 3	22,18 9	25,98 8	25,63 6	23,55 6
Внебюджет	4,600	6,868	5,960	6,502	6,760	11,10 0	13,76 8	13,02 3	12,60 9
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	14 571	14 734	15 238	16 246	18 673	21 800	24 139	25 787	26 651
38.00.00	10 016	9 757	9 495	9 575	10 338	11 489	12 637	13 674	14 287
<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>									
Доли доходов от основной деятельности, НИР, ИД, %									
ОД в ОДВ	72,25	75,42	55,48	52,81	54,23	51,29	48,91	48,54	44,34
НИР в ОДВ	15,13	15,94	14,24	17,29	14,65	15,25	14,03	12,14	12,80
РИД в ОДВ	0,80	1,52	0,97	0,89	0,92	0,87	0,83	0,82	0,85
Сумма	88,18	92,88	69,69	70,99	69,80	67,41	63,77	61,50	57,99
Доходы вуза из всех источников и внебюджетных источников, млрд руб.									
Суммарные	12,44 0	12,37 2	17,15 6	18,74 6	19,98 0	22,04 2	23,75 0	26,88 9	28,47 1
Внебюджет	2,525	2,411	4,617	5,802	6,422	7,980	9,555	10,28 3	11,61 6
Приведенный контингент: общий и обучающихся по УГН(С), чел.									
Общий	18 781	18 360	18 877	19 148	21 224	22 434	23 018	22 943	24 986
38.00.00	2 587	2 449	2 536	2 484	2 818	3 039	3 108	3 079	3 249
По результатам мониторинга 2016 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента составила 14,0 % (первое место); второе место 41.00.00. Политические науки и регионоведение – 12,0%; третье (9,8%) у УГН 45.00.00. Языковедение и литературоведение.									
По результатам мониторинга 2025 г. доля приведенного контингента студентов по УГН 38.00.00. Экономика и управление от общего приведенного контингента									

составила 13,0 % (первое место); второе место 40.00.00. Юриспруденция – 8,6%; третье (7,7%) у УГН 01.00.00. Математика и механика.

Составлено автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ГИВЦ. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=mh9pvmr983232244894> (дата обращения: 20.10.2025)

Следует указать, что Санкт-Петербургский государственный университет является единственным среди всех рассматриваемых вузов, у которого в каждом мониторинговом замере фиксировалось значение «удельного веса средств, полученных образовательной организацией от использования результатов интеллектуальной деятельности, в общих доходах образовательной организации». Максимальное значение (в денежном выражении) было зафиксировано в мониторинге 2025 г. – 242 млн. руб. в соответствии с долей 0,85% в общих доходах; минимальное значение в мониторинге 2016 г. – 53,1 млн. руб.

В мониторинге 2025 г. зафиксировано **минимальное** значение суммарной доли доходов из трех источников – 57,99%. Мы можем предположить, что остальные 42,01% (11,96 млрд. руб.) – являются в основном результатом государственного субсидирования. Поскольку в данном значении учтены доходы от РИД, то корректнее говорить о 42,86% и соответствующих им 12,20 млрд. руб. доходов.

Для подтверждения данного вывода произведем расчеты по аналогии с расчетами, сделанными для МГУ им. М.В. Ломоносова на основе данных мониторинга за 2022–2025 гг.

Результаты расчетов, представленных в табл. 4, опровергают предположение, что объем средств свыше 12 млрд. руб. является в основном результатом господдержки. **Объем внебюджетных средств превышает бюджетные в 1,46 раза.** Вместе с тем интерес вызывает вопрос, на какие цели выделены 4,966 млрд. руб. бюджетных средств, что составляет более 80% всего бюджетного финансирования Южного федерального университета в анализируемом году. Возникает вопрос и в отношении внебюджетных доходов в 7,236 млрд. руб.: Какие виды деятельности позволяют генерировать такие доходы? Данные вопросы можно отнести ко всему рассматриваемому периоду.

Думается, что ответы на эти вопросы будут интересны как теоретикам, так и практикам, работающим в сфере высшего образования.

Что касается взаимосвязи между увеличением студенческого контингента и увеличением доходов, то мы повторяем ранее сформулированный тезис – эта зависимость не является линейной. Сравнение результатов мониторинга 2023 и 2024 гг. в отношении данных показателей это подтверждает: в мониторинге 2024 года зафиксировано снижение приведенного контингента по сравнению с предыдущим годом, при этом суммарный объем доходов увеличился более чем на 3 млрд. руб.

Таблица 4 – Показатели Санкт-Петербургского государственного университета (по результатам мониторинга 2022–2025 гг.)

№ п/п	Показатель	Значение показателей в мониторинге			
		2022	2023	2024	2025
1	Доходы вуза из всех источников, млн. руб.	22 042	23 750	26 889	28 471
2	Доходы вуза из внебюджетных источников, млн. руб.	7 980	9 555	10 283	11 616
3	Доходы вуза из федерального бюджета, млн. руб.	14 062	14 195	16 606	16 855
4	Доля доходов вуза от образовательной деятельности в общих доходах вуза, %	51,29%	48,91%	48,54%	44,34%
5	Доходы вуза от образовательной деятельности, млн. руб.	11 305	11 616	13 052	12 624
6	Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности, %	28,13%	29,72%	28,66%	32,10%
7	Внебюджетные средства в доходах от образовательной деятельности, млн. руб.	3 180	3 452	3 741	4 052
8	Средства бюджетов в доходах от образовательной деятельности, млн. руб. (строка 5-строка 7)	8 125	8 164	9 311	8 572
9	Доля доходов от научных исследований и разработок в общих доходах вуза, %	15,25%	14,03%	12,14%	12,80%
10	Доходы вуза от научных исследований и разработок, млн. руб.	3 361	3 332	3 264	3 644
11	Доля внебюджетных средств в доходах от научных исследований и разработок, %	9,87%	9,87%	13,92%	8,98%
12	Внебюджетные средства в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб.	332	329	454	327
13	Средства бюджетов в доходах от научных исследований и разработок, млн. руб. (строка 10-строка 12)	3 029	3 003	2 810	3 317
14	Бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 8+строка13)	11 154	11 167	12 121	11 889
15	Внебюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР, млн. руб. (строка 7+строка12)	3 512	3 781	4 195	4 379
16	«Бюджетный разрыв», млн. руб. (строка 3-строка 14)	2 908	3 028	4 485	4 966
17	«Внебюджетный разрыв», млн. руб. (строка 2-строка 15),	4 468	5 774	6 088	7 236

Рассчитано автором. Источник: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1771 (дата обращения: 20.10.2025)

Примечание: доля финансирования из бюджетов субъекта РФ и местного бюджета составляла: **0,08%** (мониторинг 2025 г.); **0,07%** (мониторинг 2024 г.); **0,05%** (мониторинг 2021 г.); **0,07%** (мониторинг 2020 г.); **0,71%** (мониторинг 2016 г.).

Из результатов мониторинга 2025 г. следует, что в РАНХиГС в 2024 году зафиксирована **максимальная** доля доходов от трех видов деятельности – 85,49% (20,138 млрд. руб.). Учитывая, большую долю внебюджетных доходов в общих доходах вуза по сравнению с бюджетными доходами, можно предположить, что более 3 млрд. руб. (23,556–20,138) были получены в результате деятельности, например эндаумент-фонда, от управления собственностью и т.д. Однако это предположение опровергается на основании расчетов, проведенных по алгоритму, представленному выше: **доля бюджетных средств составила 2,988 млрд. руб., а внебюджетных – 0,432 млрд руб.**¹¹.

В мониторинге 2023 г. были зафиксированы максимальные значения доходов из всех источников и из внебюджетных источников за весь рассматриваемый период – 25,988 и 13,768 млрд. руб. соответственно. Суммарная доля доходов составила 68,85%, т.е. 17,89 млрд. руб. На основе проведенных нами расчетов по аналогии с приведенными выше пропорции в распределении оставшихся 8,10 млрд. руб. таковы: **6,832 млрд. руб. – бюджетные средства и 1,276 млрд. руб. – внебюджетные средства**¹². Таким образом, «бюджетный разрыв» превысил объем бюджетных средств, выделенных для финансирования образовательной деятельности и НИР (5,398 млрд. руб.). Проведенные нами дополнительные расчеты по определению размеров «бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва» по результатам мониторинговых замеров 2019–2022 гг. показывают, что размер «бюджетного» разрыва или превышает, или сопоставим с объемом бюджетных средств для финансирования образовательной деятельности и НИР. Соотношение бюджетные средства для финансирования образовательной деятельности и НИР/«бюджетный разрыв» составило (млрд. руб.) в мониторинге: 2019 г. – 3,722/3,828; 2020 – 4,591/4,317; 2021 – 4,663/5,820; 2022 – 5,142/5,947.

В отношении численности студенческого контингента и суммарных доходов укажем, что сравнение результатов мониторинга 2023, 2024 и 2025 гг. гг. показывают, что в результатах 2024 и 2025 гг. г. фиксируется существенное увеличение приведенного контингента по сравнению с результатами мониторинга 2023 г. на фоне снижения доходов из всех источников.

Резюмируя вышеизложенное: для понимания соотношения бюджетных и внебюджетных средств («бюджетного» и «внебюджетного» «разрыва») в финансировании видов деятельности, не относящейся к образовательной, и НИР

¹¹ Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 69,40%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 0,28%. (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2025 года. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_vpo/inst.php?id=1783)

¹² Доля внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности составляла 77,73%; доля внебюджетных средств в доходах от НИР – 13,56% (см. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2023 года. ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации». ГИВЦ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/inst.php?id=1783)

необходимы дополнительные расчеты для каждого периода (финансового года). Это не позволяет объективно оценить реальное финансовое состояние вуза – отсутствие прозрачности в отношении бюджетного и внебюджетного финансирования может провоцировать злоупотребления (включая коррупционную составляющую) при распределении финансовых ресурсов.

Заключение

Результаты исследования дают основание утверждать, что существует проблема сравнительного анализа финансового состояния университетов, поскольку в аналитических материалах мониторинга эффективности вузов отсутствует полная информация обо всех источниках финансирования вузов. Возникает вопрос: в какой степени корректно сравнивать вуз, у которого доля доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД составляет 57,99% с вузом, у которого эта доля равна 85,49% (СПбГУ и РАНХиГС соответственно, мониторинг 2025 г.)?

Информация о долях доходов от образовательной деятельности, НИР и РИД в общих доходах вуза может способствовать определению факта «разрыва» между общим объемом финансирования и финансирования указанных видов деятельности, т.е. объема финансовых ресурсов для финансирования иных видов деятельности.

На основе разработанного алгоритма расчета «бюджетного» и «внебюджетного» «разрывов» в зависимости от долей внебюджетных средств в доходах от образовательной деятельности и НИР можно рассчитать соотношение бюджетных и внебюджетных доходов вуза от других видов деятельности (помимо образовательной и НИР). Эти соотношения могут существенно меняться от года к году, что свидетельствует об отсутствии прозрачности в отношении бюджетного и внебюджетного финансирования, и могут служить основанием для злоупотреблений.

Нам представляется, что установленный феномен «финансового разрыва» является прямым следствием используемой модели финансирования вузов, которая допускает возможность «финансовых протечек».

Для повышения прозрачности в раздел «Дополнительные характеристики образовательной организации» мониторинга вузов следует включить информацию обо всех источниках финансирования: государственные субсидии, доходы от деятельности эндаумент-фондов, управления собственностью и т.д.

На основе обобщения опыта ведущих вузов с учетом специфики распределения бюджетных и внебюджетных источников финансирования региональные вузы будут совершенствовать собственные финансовые стратегии.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в выявлении зависимости между финансовым обеспечением вуза и кадровым воспроизводством. Предварительно мы можем говорить, что проблема кадрового воспроизводства существует у СПбГУ. Изучались показатели за десятилетний период (результаты мониторинга 2016-2025 гг.): численность штатных ППС последовательно снижалась с 3998 человек (мониторинг 2016 г.) до 2 992 человек (мониторинг 2025 г.), при этом доля ППС до 40 лет также снижалась 27,44% и 19,88% соответственно в мониторинге 2016 и 2025 гг.

Аналогичная проблема существует в РЭУ им. Г.В. Плеханова: численность ППС существенно снизилась в период 2016–2022 гг. с 1330 до 962 человек, в последующих

мониторинговых замерах фиксируется незначительный рост (977 человек по результатам мониторинга 2025 г.).

Устойчиво снижается численность штатных ППС в НИТУ МИСИС: с 864 человек (мониторинг 2016 года) до 518 человек (мониторинг 2025 г.).

В Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) численность ППС снижалась в период 2016–2023 гг. с 1149 до 972 человек, в последующих мониторинговых замерах фиксируется рост (1059 человек по результатам мониторинга 2025 г.).

В УрФУ численность ППС резко снизилась с 2535 человек (мониторинг 2016) до 2152 человек (мониторинг 2019 года), далее на фоне увеличения численности студентов и объема доходов численность ППС увеличивалась и составила 2207 человек в 2024 году (мониторинг 2025 г.).

В СПбГЭУ университете численность ППС устойчиво снижалась с 1163 до 722 человек (мониторинг 2016 и 2024 гг. соответственно.) По результатам мониторинга 2025 года она составила 752 человека.

Аналогичную ситуацию мы фиксируем и в Сибирском федеральном университете: численность ППС устойчиво снижалась с 2483 до 2012 человек (мониторинг 2016 и 2024 гг. соответственно.) По результатам мониторинга 2025 года она составила 2040 человек.

Выяснение причин сокращения численности носителей «спрессованного» человеческого опыта, которое осуществляется (как правило) на фоне увеличения численности студенческого контингента и доходов университетов, нам представляется весьма актуальным.

Литература

Балацкий, Е.В. Синдром аритмии реформ в системе высшего образования/Е.В. Балацкий// Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014 – Т. 24.– № 4. – С. 111–140.

Глазьев, С.Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе/ С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2022. –№ 2. – С. 4–20. – <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20>.

Болгова, М. А. Стратегии деятельности образовательных организаций высшего образования в условиях модернизации высшего образования в Российской Федерации. Социально-экономический анализ/ М. А. Болгова, А.В. Подлегаев // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. –2015. – Т 52. – № 4. – С. 117–122.

Донецкая, С.С. Финансирование ведущих китайских университетов: размер имеет значение? / С.С.Донецкая, Б. Лян // Высшее образование в России. – 2024. – Т.33. – № 11. – С. 149–168. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168>.

Ковалев, В.В. Качество высшего образования и менеджериализм: есть ли польза от новой модели управления?/ В.В. Ковалев, А.А. Беспалова //Caucasian Science Bridge. – 2025. – Т. 8. – № 2. – С. 8-21. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>.

Ковалев, В.В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления/ В. В. Ковалев, А. В. Дятлов // Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т.30. – № 2. – С. 37–51. – <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>.

Костерев, А.Г. Современная российская высшая школа накануне преобразований/ А.Г. Костерев, М.Ю. Ким // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34. – № 7. – С. 153–166. – [https://doi.org/ 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166).

Курбатова, М. В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия/ М. В. Курбатова // Мир России. – 2016. – Т. 25. – № 4. – С. 59–86.

Курбатова, М. В. «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России/ М. В. Курбатова, С. Н. Левин, К. С. Саблин // Journal of Institutional Studies. – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 994–111. – [https://doi.org/ 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111).

Романов, Е. В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму?/ Е. В. Романов // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 6. – С. 84–125. – [https://doi.org/ 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125).

Романов, Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму»/ Е.В. Романов // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 100–115. – [https://doi.org/ 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115).

Романов, Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов в контексте проблемы кадрового воспроизводства/ Е.В. Романов // Образование и наука. – 2024. – Т.26. – №10. – С. 12–47. – [https://doi.org/ 10.17853/1994-5639-2024-10-12-47](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47).

Сенашенко, В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги/ В.С. Сенашенко // Высшее образование в России. – 2017. – Т. 213. – № 6. – С. 5–15. – [https://doi.org/ 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115).

Тамбовцев, В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт/ В. Л. Тамбовцев // Управление наукой: теория и практика. – 2020. – Т. 2. – №1. – С. 15–39. – [https://doi.org/ 10.19181/sntp.2020.2.1.1](https://doi.org/10.19181/sntp.2020.2.1.1).

Успаева, М. Г. Моделирование финансовой устойчивости вузов в России: анализ влияния государственного финансирования и внешних источников дохода / М. Г. Успаева, А.М. Гачаев А.М. // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – Т. 71. – № 11-2. – С. 2212–219. – [https://doi.org/ 10.25726/r3463-0520-5243-u](https://doi.org/10.25726/r3463-0520-5243-u).

Фролов, Д.П. Российская система университетского образования: вопросы институциональной эффективности / Д.П. Фролов // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 94–102.

Chu, J. S. G. Slowed canonical progress in large fields of science / Chu J. S. G., J. A. Evans // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 118(41). – e2021636118. – [https://doi.org/ 10.1073/pnas.2021636118](https://doi.org/10.1073/pnas.2021636118).

Comois, A. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector/ A.Comois , T.O’Keefe // Journal for Critical Education Policy Studies. – 2015 –Vol. 13(1). –Pp. 43–66.

Donatiello, D. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy/ D.Donatiello , A. Gherardini // Higher Education Policy. – 2019. – Vol. 32(2). – P. 203–226. – <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>.

Ellis, V. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators / V.Ellis, J.McNicholl, A.Blake, J.McNally // Teaching and Teacher Education. – 2014 – Vol. 40(1). – P. 33–43.

Eren, E. The Neoliberal Transformation of Universities: A Critical Assessment of Academic Capitalism, Academic Autonomy and the Production of Scientific Knowledge / E. Eren // Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS). – 2025. – Vol. 22(3). – P. 256-305.

Hall, H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends/ H. Hall // *Ekonomia i Prawo*.– 2018. –Vol. 17(1). P. 33–42.

Holmwood, J. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity/ J. Holmwood, C. Marcuello Servós // *Social Epistemology*. – 2019. – Vol. 33(4) – P. 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>.

Kwiek, M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in European universities/M. Kwiek // *Science and Public Policy*. –2018. –Vol. 45(1). – P. 1-13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>.

Slaughter, S. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university/ S.Slaughter, L.L. Leslie // Johns Hopkins University Press, 1997. – 296 p.

Slaughter, S. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism / S.Slaughter, L.L.Leslie // *Organization*. – 2001. – Vol. 8(2). – P. 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

LaBrenz, C. A. “This Is Not Normal”: The Global Academy’s Resistance to Authoritarianism and Academic Capitalism/ C. A. LaBrenz, C. Adeleke, M. L. T. Garcia, A.Pandolfi, M. Mattioni, F. X. Leal, M. Nava // *Fast Capitalism*. – 2025. – Vol. 22(1). – P. 39-48.

Oliveira, T. Navigating an academic career in marketized universities: mapping the international literature / T. Oliveira, C. Nada, A. Magalhães // *Review of Educational Research*. – 2025. – Vol. 95(2). – P. 255-292. <https://doi.org/10.3102/00346543231226336>.

Park, M. Papers and patents are becoming less disruptive over time/ M.Park, E. Leahey, R. J. Funk // *Nature*. – 2023. – Vol. 613(7942).– P. 138-144. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05543-x>

Poutanen, M. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. In: *The Palgrave International Handbook of Marxism and Education* / M. Poutanen // *Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation*. Cham : Springer International Publishing. – 2023. – P. 71-92.

Rhoades, G. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education/ G.Rhoades, S. Slaughter // *Social Text*. – 1997. –No. 51. – P. 9–38.

Slaughter, S. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism/ S.Slaughter, L.L.Leslie// *Organization*. – 2001. – Vol. 8(2). – P. 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

Slaughter, S. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university / S.Slaughter, L.L. Leslie // Johns Hopkins University Press. 1997. –296 p.

Somers, P. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas / P. Somers, C. Davis, J.Fry, L. Jasinski, E. Lee// *Roteiro*. – 2018. –Vol. 43(1). – P. 21-42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>.

Spinrad, M. L. Not in the greater good: Academic capitalism and faculty labor in higher education / M. L. Spinrad, S. R. Relles, D. L. Watson // *Education Sciences*. – 2022. – Vol. 12(12). – P. 912. <https://doi.org/10.3390/educsci12120912>.

Stiglitz, J. Towards a new paradigm of development. In: *Making globalization good* / J. Stiglitz // *Towards a new paradigm of development*. New York: Oxford University Press. – 1998. – P. 76-107. – <https://doi.org/10.1093/0199257019.003.0005>.

Stiglitz, J. E. Participation and development: Perspectives from the comprehensive development paradigm / J. E. Stiglitz // *Review of development economics*. – 2002. – Vol. 6(2). – P. 163-182. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00148>.

References

Balatsky E.V. Syndrome of reforms' arrhythmia in the higher education. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2014; 24(4): 111–140. (In Russ.)

Bolgova M. A., Podlegayev A. V. Strategies for the activities of higher education institutions in the context of the modernization of higher education in the Russian Federation. Socio-economic analysis. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova = Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University*. 2015; 52(4): 117–122. (In Russ.)

Chu J. S. G., Evans J. A. Slowed canonical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021;118(41): e2021636118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2021636118>.

Comois A., O'Keefe T. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2015; 13(1): 43–66.

Donatiello D., Gherardini A. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy. *Higher Education Policy*. 2019; 32(2): 203-226. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>.

Donetskaya S.S., Liang B. Funding for China's Top Universities: Does Size Matter? *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(11):149-168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168> (In Russ.)

Ellis V., McNicholl J., Blake A., McNally J. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators. *Teaching and Teacher Education*. 2014; 40(1): 33–43.

Eren E. The Neoliberal Transformation of Universities: A Critical Assessment of Academic Capitalism, Academic Autonomy and the Production of Scientific Knowledge. *Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS)*. 2025; 22(3): 256-305.

Frolov D.P. The Russian system of university education: issues of intuitional effective strength. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2016; 11: 94–102. (In Russ.)

Hall H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends. *Ekonomia i Prawo*. 2018;17(1): 33–42.

Holmwood J., Marcuello Servós C. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity. *Social Epistemology*. 2019; 33(4): 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>.

Kosterev A.G., Kim, M.Yu. Modern Russian Higher Education on the Eve of Transformations. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(7): 153–166. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166> (In Russ.)

Kovalev V. V., Diatlov A. V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Nauka. Kultura. Obshchestvo= Science. Culture. Society*. 2024; 30(2): 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3> (In Russ.)

Kovalev V.V., Beshpalova A.A. Quality of higher education and managerism: is there any benefit from the new management model? *Caucasian Science Bridge*. 2025; 8(2): 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>. (In Russ.)

Kurbatova M. V. Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes. *Mir Rossii*. 2016; 25(4): 59-86. (In Russ.)

Kurbatova M. V., Levin S. N., Sablin K. S. (2020). The “tripled failure” of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies*. 2020; 12(4): 94-111. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111> (In Russ.)

Kwiek M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in European universities. *Science and Public Policy*. 2018;45(1): 1-13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>.

LaBrenz C. A., Adeleke C., Garcia M. L. T., Pandolfi A., Mattioni M., Leal F. X., Nava M. “This Is Not Normal”: The Global Academy’s Resistance to Authoritarianism and Academic Capitalism. *Fast Capitalism*. 2025; 22(1): 39-48.

Oliveira T., Nada C., Magalhães A. Navigating an academic career in marketized universities: mapping international literature. *Review of Educational Research*. 2025; 95(2): 255-292. <https://doi.org/10.3102/00346543231226336>.

Park M., Leahey E., Funk R. J. Papers and patents are becoming less disruptive over time. *Nature*. 2023;613(7942):138-144. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05543-x>.

Poutanen M. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. In: The Palgrave International Handbook of Marxism and Education. Breaking bonds: How academic capitalism feeds processes of academic alienation. *Cham : Springer International Publishing*. 2023: 71-92.

Rhoades G., Slaughter S. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education. *Social Text*. 1997; 51:9–38.

Romanov E. V. Publication activity of Russian universities: from “academic capitalism” to “academic socialism”. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;2:100–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115> (In Russ.)

Romanov E. V. Evaluation of the efficiency of Russian universities: Do we need to change the paradigm? *Obrazovanie i nauka=The Education and science journal*. 2021; 23(6):84–125. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125> (In Russ.)

Romanov E.V. Evaluation of the effectiveness of Russian universities in addressing personnel development challenges. *Obrazovanie i nauka=The Education and science journal*. 2024;26(10): 12-47. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47> (In Russ.)

Senashenko V.S. On the reforming of national higher education system. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017;213(6): 5–15. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115> (In Russ.)

Slaughter S., Leslie L.L. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism. *Organization*. 2001;8(2):154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>.

Slaughter S., Leslie L.L. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university. *Johns Hopkins University Press*. 1997; 296 p.

Somers P., Davis C., Fry J., Jasinski L., Lee E. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas. *Roteiro*. 2018; 43(1): 21-42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>.

Spinrad M. L., Relles S. R., Watson D. L. Not in the greater good: Academic capitalism and faculty labor in higher education. *Education Sciences*. 2022;12(12): 912. <https://doi.org/10.3390/educsci12120912>.

Stiglitz J. E. Participation and development: Perspectives from the comprehensive development paradigm. *Review of development economics*. 2002; 6(2): 163-182. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00148>.

Stiglitz J. Towards a new paradigm of development. In: Making globalization good. Towards a new paradigm of development (pp. 76-107). *New York: Oxford University Press*. 1998. <https://doi.org/10.1093/0199257019.003.0005>

Tambovtsev V.L. Validity of Russian science policy's instruments: what the world's experience says. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika = Science Management: Theory and Practice*. 2020;2(1):15–39. <https://doi.org/10.19181/smtp.2020.2.1.1> (In Russ.)

Uspaeva M. G., Gachaev A.M. Modeling the financial stability of universities in Russia: analysis of the impact of government financing and external sources of income. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2023; 71(11-2): 212-219. <https://doi.org/10.25726/r3463-0520-5243-u> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.01.2026

Дата окончания рецензирования: 18.02.2026

Дата принятия к публикации: 22.02.2026

Информация об авторе

Романов Евгений Валентинович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Romanov Evgeny Valentinovich – Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.5>

EDN GZIHYZ

**Методологические проблемы исследования
профессиональной социализации студентов-юристов****Раиса А. Левина¹**¹Донской государственной технической университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: levina09011@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена особым значением юридической профессии для формирования правового государства и высокими требованиями к качеству подготовки кадров. В условиях массовизации юридического образования и его реформирования возникает необходимость в комплексном социологическом осмыслении процесса профессиональной социализации студентов-юристов. Цель данной статьи – определить и систематизировать методологические подходы к исследованию профессиональной социализации студентов-юристов, позволяющие учесть многофакторность и специфику этого процесса.

Методы. Методологическую основу работы составляет анализ и синтез теоретических подходов, представленных в классической и современной социологии. Исследование опирается на структурно-функциональный анализ, понимающую социологию, социокультурный и неинституциональный подходы, а также – на элементы акторно-сетевой теории.

Результаты и их обсуждение. В статье обоснована необходимость использования интегральной модели исследования. Показано, что структурно-функциональный подход задает понимание социальной роли юриста и функций образования. Понимающая социология позволяет выявить субъективные смыслы и место ценности права в иерархии ценностей студентов. Социокультурный подход учитывает влияние глубинных пластов правовой ментальности. Неинституциональный подход и акторно-сетевая теория фокусируют внимание на неформальных практиках и роли социокультурного пространства вуза как агента социализации. Сделан вывод о том, что качество профессиональной социализации определяется характером усвоения ценности права: как смысложизненной (терминальной) или как инструментальной. Предложена авторская интегральная модель эмпирического исследования, объединяющая ключевые вопросы, методы и индикаторы в рамках выделенных подходов.

Ключевые слова: профессиональная социализация; студенты-юристы; методология социологического исследования; ценность права; структурный функционализм; социокультурный подход; правовая культура; институциональные дисфункции.

Для цитирования: Левина Р. А. (2026). Методологические проблемы исследования профессиональной социализации студентов-юристов. *CaucasianScienceBridge*, 9 (1), С. 80-95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.5>

Methodological Problems of Research of Professional Socialization of Law Students

Raisa A. Levina ¹

¹Don State Technical University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: levina09011@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the special importance of the legal profession for the formation of a rule-of-law state and the high requirements for the quality of personnel training. In the context of the massification of legal education and its reform, there is a need for a comprehensive sociological understanding of the process of professional socialization of law students. The purpose of this article is to identify and systematize methodological approaches to the study of the professional socialization of law students, taking into account the multifactorial nature and specificity of this process.

Methods. The methodological basis of the work is the analysis and synthesis of theoretical approaches presented in classical and modern sociology. The study relies on structural-functional analysis, interpretive sociology, socio-cultural and neo-institutional approaches, as well as elements of actor-network theory.

Results and its discussion. The article substantiates the need for an integrated research model. It is shown that the structural-functional approach sets the understanding of the social role of a lawyer and the functions of education. Interpretive sociology reveals the subjective meanings and the place of the value of law in the hierarchy of students' values. The socio-cultural approach takes into account the influence of the deep layers of legal mentality. The neo-institutional approach and actor-network theory focus on informal practices and the role of the socio-cultural environment of the university as an agent of socialization. It is concluded that the quality of professional socialization is determined by the nature of the assimilation of the value of law: as a life-meaning (terminal) or as an instrumental one. The author proposes an integrated model for empirical research, combining key questions, methods and indicators within the framework of the identified approaches.

Keywords: professional socialization; law students; methodology of sociological research; value of law; structural functionalism; socio-cultural approach; legal culture; institutional dysfunctions.

For citation: Levina R. A. (2026). Methodological Problems of Research of Professional Socialization of Law Students. *Caucasia nScience Bridge*, 9 (1), P. 80-95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.5>

Введение. Постановка проблемы

В условиях формирования правового государства и гражданского общества в России особую актуальность приобретает проблема качества подготовки юридических кадров. Профессиональная деятельность юриста выходит далеко за рамки прикладного применения нормативных знаний; она представляет собой деятельность, от которой непосредственно зависит уровень доверия граждан к правовым институтам, эффективность правосудия и, в конечном счете, устойчивость социального порядка. Принятие в 1993 г. Конституции РФ, в которой зафиксированы фундаментальные принципы российского государства – независимость судебной власти и обеспечение

защиты гражданских прав личности, - вызвало реформу всех правовых институтов. Председатель Конституционного суда В.Зорькин считает, что такой путь должен был начинаться с реформы юридического образования(Зорькин, 2011, 581), что свидетельствует о значимости этого института для всей системы правовых учреждений.

Социальная функция юристов как профессиональной группы определена комплексом задач, направленных на упорядочивание общественных отношений на основании законности и правопорядка, защиты гражданских прав и свобод. Объектом профессиональной деятельности юристов выступает поведение людей во всех сферах общественной жизни, а предметом – вопросы, споры и конфликты, разрешение которых опирается на правовое регулирование. Такая характеристика объясняет большое влияние юристов на социальную жизнь общества в целом и отдельного человека, а поэтому – высокие требования к профессиональной подготовке юристов.

Анализ исторической динамики юридического образования в России показывает, что на его содержание непосредственное влияние оказывали политические преобразования. Открытие юридических факультетов в России и рост подготовки юристов приходится на первую половину XIX в., что обеспечило возможность проведения Судебной реформы 1864 г. Октябрьская революция прервала эту тенденцию. Однако по мере укрепления политической системы в СССР вновь возникла потребность подготовки юристов. Распад СССР и курс на формирование правового государства в России вызвал бурный рост численности юридических институтов (включая их филиалы) и факультетов (Томсинов, 2013). Если в конце 80-х гг. в СССР было всего 30 вузов, реализовывавших программы по подготовке юристов, то к 2012 г. их число выросло до 938. Сокращение вузов и юридических образовательных программ произошло к 2015 г.: 190 вузов было сокращено, а также были закрыты еще 90 юридических образовательных программ в действующих вузах(Бочаров, Дмитриева, 2021, 78).

Массовизация юридической профессии и ее социальное значение обуславливают большое внимание исследователей к подготовке студентов в системе юридического образования, особенно среди представителей теории права и педагогической науки. Основное внимание в этих работах уделяется формированию правосознания учащейся и студенческой молодежи (Жинко А.Н.(Жинко, 2012), Усимова И.П. (Усимова, 2006), Костина К.А. (Костина, 2013)). Достаточно широко обсуждается проблема формирования профессиональной идентичности студентов-юристов и развития их правового сознания (Исаева Н.В. ((Исаева, 2015), Ладухина М.В. (Ладухина, 2019), Лихтман Я.И., Шипилова З.С.(Лихтман, Шипова, 2017)). В последнее десятилетие обсуждается также проблема качества юридического образования, которая была поставлена в 2009 г. Указом Президента РФ (Указ Президента РФ № 599, 2009) и вызвала дискуссии среди юристов, работающих в системе юридического образования. Оценке качества юридического образования и поиску его новых стандартов было посвящено комплексное исследование социологов в 2013 г.(Юридическое образование в России: Анализ количественных данных и изменений с 2012 года, 2013), в котором рассматривались социальные ожидания от выпускников российских юридических вузов и анализировался зарубежный опыт подготовки юристов. Эта же проблема, но в ракурсе динамики современного юридического образования России с точки зрения социологии профессии, исследуется социологами Института проблем правоприменения(Бочаров, Дмитриева,

2021). Анализ статистических данных, в которых отражается состояние российского юридического образования, показывает, что при сокращении количества вузов, предлагающих юридическое образование, спрос на него остается высоким. Сохраняются и характеристики, которые вызвали критику в силу их негативного влияния на качество подготовки юристов: значительная доля студентов (45%) по-прежнему получает юридическое образование в непрофильных вузах; остается высокой доля студентов, получающих юридическое образование заочно (Моисеева, 2018, 4–5). Иными словами, предпринимаемые в последнее десятилетие усилия по реформированию юридического образования пока не обеспечивают искомого результата. Акцентируя внимание на различных аспектах современного юридического образования, социологи признают его невысокое качество в среднем по стране. При этом отмечается значительный разрыв в качестве образовательной подготовки студентов-юристов в столичных центрах и в регионах. Невысокая оценка качества подготовки юристов обуславливает выдвижение претензий к содержанию профессиональной социализации студентов-юристов. Более того, в вузовском сообществе юристов не сложилось консолидированного мнения о желаемой модели выпускника юридических образовательных программ. В центре обсуждения находятся альтернативные модели: академический фундаментализм, который соответствует национальной традиции образования (Синюков, 2009, 15–18) и технологический прагматизм американского типа, ориентированный на формирование компетенций и навыков (Курилов, Фалалеев, 2014, 1–25). Многоаспектность проблемы профессиональной социализации студентов-юристов обуславливает выявление методологических проблем его исследования с целью обоснования концепции эмпирического исследования.

Профессиональная социализация студентов-юристов в контексте структурно-функциональной методологии

В понятийно-методологический арсенал социологической науки понятие социализации изначально вошло в коннотациях, заложенных Дюркгеймом, и в целом обозначает процесс встраивания индивида в общество путём направленной интериоризации им ценностей, смыслов, социальных компетенций, выработанных обществом, ассоциированных с социальной идентичностью общества как целого. Успешное прохождение индивидом процесса социализации обеспечивает формирование его в качестве социальной личности, то есть личности именно того типа и характера, который отвечает социальным ожиданиям и требованиям. Профессиональная социализация включается в процесс общей социализации на более позднем этапе, поскольку расширяет социальные качества личности за счет освоения ролей и норм деятельности, связанных с определенной профессией. С этой точки зрения профессиональная социализация является не только производственным, но и социальным процессом. Рассматривая неоднозначные, сложные ситуации профессиональной жизни, индивид вынужден решать мировоззренческие вопросы, совершать выбор жизненной позиции, которая требует социального одобрения (или, наоборот, преодоления устоявшихся стереотипов). Таким образом, профессиональная социализация может быть определена как процесс всесторонней подготовки молодых людей к профессиональной деятельности, понимаемой именно как социальное и ролевое

функционирование, а также как социальное действие, основанное на выборе целей и ценностей, по своей личностной значимости выступающих как смысложизненные.

Содержание профессиональной социализации определяется спецификой конкретной профессии. По мере ее исторического становления сформировались основные требования и нормы профессиональной деятельности, которые обычно рассматриваются в трех ракурсах: функционально-ролевом (праксеологическом), когнитивном и аксеологическом. Основы функционально-ролевого анализа профессии заложены структурно-функциональной теорией Т.Парсонса. Рассматривая специфику профессии юриста, он выделяет драматическую коллизию: с одной стороны юристы выступают носителями ценности права как регулятора социального поведения (социального блага), с другой стороны, в условиях рынка размывается профессиональная этика, поскольку услуги юристов имеют свою цену (Парсонс, 2015, 153-170). Тем самым, в рыночных условиях юристы могут манипулировать своим профессиональным знанием, руководствуясь защитой частного интереса и отступая от принципа права как социального блага. Другая коллизия вызвана двойственным положением юристов в обществе: с одной стороны, юристы профессионально обсуживают интерес государства в обеспечении правопорядка, с другой стороны – должны обеспечивать верховенство права по отношению к структурам государственной власти, т.е. контролировать границы их деятельности (Parsons, 1952). Описанная ситуация объясняет внутреннюю противоречивость функционирования юристов как профессиональной группы: она выступает агентом развития рациональности в обществе на уровне повседневных практик индивидов, утверждает защиту гражданских интересов и прав личности, обеспечивает независимость судопроизводства, но, одновременно, в силу глубокой погруженности в юридическое профессиональное знание, обладает широкими возможностями для манипуляции этими знаниями для защиты и утверждения частного интереса. Социальные функции данной профессиональной группы определяют экспектации общества к подготовке студентов-юристов. Укажем также, что в условиях системных реформ, связанных с изменением базовых (социетальных) ценностей в обществе возникают и противоречивые требования к юристам в целом, и к подготовке студентов-юристов. В частности, в программах их подготовки может доминировать тот или иной компонент освоения профессиональной культуры (когнитивный, аксеологический или праксеологический) или их гармоничная представленность. Таким образом, ведущей методологией исследования концепции и практики профессиональной социализации студентов-юристов выступает структурно-функциональная теория, рассматривающая профессиональную культуру юристов и ее освоение студентами в рамках образовательной подготовки в ракурсе освоения функциональных ролей этой профессиональной группы и их историко-культурной динамики.

Институциональные рамки социализации студентов-юристов. Институт образования, который реализует профессиональную социализацию студентов, тесно связан с другими правовыми институтами общества, которые в совокупности определяют социальный статус профессиональной группы юристов. В частности, высокая репутация суда, полиции, прокуратуры, адвокатуры определяют не только высокий ранг права в структуре ценностей общества, но и ориентированность на правовую ценность студентов-юристов. В то же время, внешняя успешность

представителей различных правоохранительных органов, которые были привлечены к уголовной ответственности за коррупцию, превышение должностных полномочий и др. правовые нарушения, свидетельствуют об институциональной дисфункциональности правовых институтов. Распространенность таких явлений обуславливает латентную форму правового нигилизма не только в обществе, но и среди студентов-юристов. Несформированность у студентов-юристов ценности права как регулирующей нормы профессиональной культуры, в свою очередь, оказывает негативное влияние на функционирование правовых учреждений и организаций вместе с началом их профессиональной деятельности. Выявленная связь объясняет привлечение к исследованию профессиональной социализации студентов-юристов институционального и неинституционального подходов. Иными словами, объяснять профессиональную социализацию студентов-юристов только в рамках образовательного учреждения недостаточно. Институциональный подход определяет формальные «правила игры» и нормы взаимодействий в обществе, которые рассматриваются как рациональные и внешние по отношению к действующим лицам. Неинституционализм позволяет выявить влияние нерациональных факторов (власть привычки, культурных стереотипов, обычаев и др.) на поведение индивида. В совокупности эти подходы выступают основой для объяснения влияния социокультурной среды на профессиональную социализацию студентов-юристов.

Социокультурная специфика профессиональной социализации студентов-юристов. Выявление влияния культурного менталитета общества на профессиональную социализацию студентов-юристов объясняет привлечение к анализу этого процесса социокультурного подхода. Его основные принципы и идеи были разработаны П.А.Сорокиным, который любое социокультурное явление рассматривал в неразрывной связи личности как действующего субъекта, общества как совокупности взаимодействующих индивидов, и культуры, как совокупности ценностей и норм, которые определяют мотивы и паттерны поведения индивидов (Сорокин, 1992, 218). Развивая идеи Сорокина применительно к анализу социальных процессов в современной России, Н.И.Лапин указывал: «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три фундаментальных измерения человеческого бытия: человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности. Каждый блок этой триады не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей» (Лапин, 2000, 6). Опираясь на этот теоретический подход, можно выявить культурно-историческую специфику правопонимания в России, которое в той или иной мере воспроизводится в современном обществе и оказывает влияние не только на отношение к праву разных социальных групп, но также и профессиональных юристов. Влияние культурного менталитета на правовую культуру признают юристы, которые указывают, что он стимулирует воспроизводство поведенческих норм, которые удобны и привычны с точки зрения традиционных норм общественного поведения (Гуляхин, 2013, 135-158).

Социокультурные предпосылки, влияющие на формирование правовой культуры и ее трансляцию в процессе социализации, имеют достаточно широкий спектр. Среди них следует, как нам представляется, выделить в отдельную группу те, которые влияют на

становление и специфику общекультурных и гражданско-культурных основ профессиональной социализации будущих юристов, а также те, действие которых распространяется именно на сферу профессиональной правовой культуры.

Ценностное содержание профессиональной культуры юристов. Рассмотрение освоения студентами-юристами ценностного содержания профессиональной культуры юристов определяет привлечение к изучению этого процесса идей понимающей социологии М.Вебера. Он выделил типологию социального действия на основании соотношения в нем ценностного и рационального мотивов. Общественное развитие в логике этой концепции рассматривается как постепенный рост рационального компонента в мотивации поведения. Право, которое регулирует социальные взаимодействия, выступает образцом рациональной мотивации. На основании этого различия построена типология ценностных ориентаций, разработанная М. Рокичем. Он жёстко разделяет ценности на два типа: смысложизненные, т.е. ценностные (терминальные), которые имеют мировоззренческий характер, наиболее фундаментальны и значимы для личности, определяют ключевые цели её существования и деятельности (например, справедливость, свобода); и инструментальные, «ценности-средства», которые не являются самодостаточными и определяющими, но обладают значимостью в качестве средств достижения фундаментальных личностных целей (например, честность, компетентность, прагматизм). Однако ценность права сочетает в себе рационально-прагматический (целерациональный) и смысложизненный (ценностно-рациональный) компоненты. Та или иная коннотация ценности права задается социокультурной спецификой общества, культурным менталитетом или мировоззрением личности. Возможно расхождение и даже противоречие прагматического и ценностного аспектов ценности права, что создает для индивида коллизию выбора стратегии поведения. Современное правовое государство предполагает ориентацию граждан на добровольный выбор правового поведения, отношению к праву как самостоятельной культурной ценности, безотносительно к достижению каких-либо прагматических целей. Юристы выступают той профессиональной группой, идентичность которой сформирована на базе этой ценности и утверждают ее в обществе. С этой точки зрения значимым индикатором успешности освоения основ профессиональной культуры студентами-юристами выступает сформированность терминального отношения к праву. В случае успешной профессиональной социализации студентов-юристов ценность права закрепляется в их сознании как терминальная, то есть смысложизненная ценность, определяющая во всех без исключения случаях характер их поведения и направленность профессиональной деятельности. В случае дефицитарного, дисфункционального качества профессиональной социализации будущих юристов ценность права остаётся репрезентированной в их личностном сознании в качестве инструментальной, используемой как средство в различных ситуациях профессиональной сферы деятельности. Следовательно, в таких случаях ценность права не выступает определяющей, смыслополагающей ценностью, её место в иерархии ценностей и в системе практических установок может варьироваться, что проявляется в неопределенной, изменчивой профессиональной позиции, допускающей те или иные траектории неправового поведения. Изучение характера ориентации на ценность права

студентов-юристов ряда юридических факультетов вузов Москвы и Санкт-Петербурга показало, что более трети из них ориентированы на прагматику профессии, выбирают этику «юриста, играющего свою роль», а не стратегию служения общественному благу. Такие студенты готовы использовать «лазейки» в законе и ориентироваться на вердикт, а не на истину (Казун, 2013). Дефицит внимания в юридической подготовке студентов к освоению аксеологического аспекта профессиональной культуры ведет к глубоким дисфункциям: формальное знание закона при инструментальном к нему отношении может быть источником правового нигилизма, коррупционных практик, «обхода» закона под видом его толкования. Социологическое исследование профессиональной социализации студентов-юристов, таким образом, должно быть направлено на диагностику того, формируются ли у студента ценностно-рациональная мотивация, основанная на вере в безусловную значимость права, или же доминируют целерациональный мотив, где право – лишь одно из многих средств достижения личных прагматических целей.

Роль социокультурного пространства вуза в профессиональной социализации студентов-юристов. Рассматривая профессиональную социализацию как всестороннюю подготовку молодых людей к профессиональной деятельности, которая реализуется в образовательных учреждениях соответствующего уровня и профиля, невозможно исключить из изучения данного процесса влияние самого образовательного учреждения. Следует отметить, что подавляющее большинство исследований рассматривают этот вопрос с позиции разных аспектов организации социокультурного или образовательного пространства, на что обращается внимание прежде всего в педагогической науке (Ненахова, 2010, 172-181). Исследователи-педагоги понимают социокультурное пространство как совокупность отношений между субъектами образовательного процесса образовательного учреждения и сегментируют его на различные сферы (основная образовательная среда, среда дополнительного образования), принципы их организации, потребности субъектов (Ненахова, 2010, 177). Социологический анализ профессиональной социализации предполагает рассмотрение вуза как совокупного агента, что говорит о значимости социологического изучения влияния состояния образовательной среды вузов на степень успешности профессиональной социализации. Этот аспект имеет важное методологическое значение, поскольку именно вуз выступает пространством, насыщенным ценностно-символическим содержанием. Здесь одновременно должны быть представлены смыслы образовательной деятельности и ценностного содержания осваиваемой профессии. Смысловое содержание социокультурного пространства юридического вуза (факультета) – ориентированность образовательной деятельности студентов и преподавателей на терминальную ценность права. В этом отношении юридический вуз (факультет) выступает светским эквивалентом религиозного храма как пространства религиозных ценностей или музея как пространства ценностей народа, страны. Во всех этих случаях социокультурное пространство представляет собой ограниченную часть физического пространства, в котором сохраняются и порождаются смысло-жизненные ценности. Такой смысл обосновывается, в частности, культурологами: «Социокультурное пространство выступает как социокультурный феномен, отражающий условия создания, сохранения, презентации, передачи и интерпретации культурных и

социальных ценностей посредством непосредственного контакта с человеком» (Тельманова, 2014, 153). Методологическая сложность исследования социокультурного пространства вуза заключается не только в неоднозначности трактовки этого понятия, но и в неочевидности смыслового взаимодействия акторов образовательного процесса. По мнению известного современного социолога Б.Латура, социологу-исследователю доступно не само социальное взаимодействие, а лишь оставленные им «следы». Поэтому требуется исследовательское внимание к месту, где происходит взаимодействие, и производится «таинственная эфирная жизнь»: «Эта самая возвышенная продукция [идеи, знания, символы] производится в особых местах, особыми институтами, будь то академические кабинеты на верхнем этаже дома Маршалла Салинса в кампусе Чикагского университета или толстые папки с результатами полевых исследований, хранящиеся в музее Питтс-Ривер в Оксфорде» (Латур, 2014, 246). Исследовательский подход, предложенный Латуром в акторно-сетевой теории (АСТ), состоит в рассмотрении социальной агентности как единства интенциональных и неинтенциональных акторов (людей, и «не людей», т.е. в данном случае, элементов образовательной инфраструктуры, учебных программ, основной и дополнительной образовательной литературы, внеаудиторных исследовательских форм деятельности, элементов символического оформления образовательной среды, и т.д.).

Как отмечает Е.В. Орлова, «структурированность социокультурного пространства говорит о его способности вмещать в себя различные модусы бытия: виртуальное и реальное, знаковое и символическое» (Орлова, 2017, 149-152). Социальный институт высшего профессионального образования и, следовательно, на уровне реальной практики – современный вуз можно, как нам представляется, рассматривать как специфическое социокультурное пространство, которому свойственна указанная выше многомерная структурированность. Такая многомерность социокультурного пространства вуза обеспечивает символическую значимость его внутренней инфраструктуры, которая не только физически обеспечивает ход и содержание учебного процесса, но и каждой своей частью транслирует ценности и смыслы профессиональной культуры, функционируя тем самым как один из ключевых агентов профессиональной социализации, формируя установки, ориентации и представления будущих профессионалов, которые в дальнейшем будут определять характер их деятельности в производственных сферах. Таким образом, концепт социокультурного пространства не только представляется уместным для изучения специфики профессиональной социализации студентов-юристов, но и служит важным методологическим инструментом, позволяющим выявлять и оценивать состояние образовательного и социализационного процессов, их функциональную нормативность или дефицитарность в динамике текущих изменений.

Заключение. Интегральная модель эмпирического изучения профессиональной социализации студентов-юристов

Рассмотрение специфики профессиональной социализации студентов-юристов показывает многофакторность этого процесса, которая требует применения различных социологических теорий. Они относятся к различным парадигмам социологической науки (Волков, 1998, 26), которые в настоящее время сосуществуют, поскольку

описывают различные аспекты многомерной реальности. Определение профессиональной культуры, овладение основами которой выступает одной из главных целей профессионального образования, обуславливает применение различных теоретических концепций для исследования этого процесса. При этом рамочной теорией выступает структурно-функциональный анализ, показывающий социальный смысл и функции юридической профессии, а также – функции института образования. Однако выявление характера профессиональной социализации и ее дисфункций требует привлечения теоретических принципов понимающей социологии, социокультурного анализа и элементов более современных концепций (неоинституционализма, АСТ). Социокультурный подход позволяет учесть влияние глубинных пластов правовой ментальности и культурного контекста. Концепция вуза как социокультурного пространства и элементы акторно-сетевой теории фокусируют внимание на том, как материальная и организационная среда формирует установки студентов. Применение принципов неоинституционального анализа позволяет выявить противоречие между декларируемыми ценностями и реальными, часто «теневыми», практиками, усваиваемыми в процессе обучения.

На основе проведенного анализа различных теоретических подходов к предмету профессиональной социализации студентов-юристов предлагается интегральная модель эмпирического исследования профессиональной социализации студентов-юристов.

Таблица 1. Методологическая рамка эмпирического исследования профессиональной социализации студентов-юристов

Методологический подход	Ключевой фокус исследования	Основные исследовательские вопросы	Методы и индикаторы (примеры)
Структурно-функциональный анализ	Объективные требования к роли юриста; функции института образования; социальные ожидания;	Какова специфика социальной роли юриста в правовом государстве? Какие функции должна выполнять система юридического образования? Насколько вузы соответствуют этим функциям?	Анализ документов (образовательные стандарты, учебные планы, этические кодексы). Экспертные интервью с деканами, зав. кафедрами, преподавателями
Понимающая социология (М. Вебер)	Субъективные смыслы, ценностные ориентации, мотивации студентов	Как студенты понимают ценность права? Какое место право занимает в иерархии ценностей студентов (терминальное/инструментальное)? Каковы мотивы выбора профессии юриста? Каковы установки на последующую работу, выбор приоритетных юридических профессий?	Анкетирование с использованием принципов методики Рокича; Глубинные интервью, реакция на смоделированные профессиональные дилеммы и др.
Акторно-сетевая теория	Выделение социокультурного пространства вуза как агента социализации	Как пространство вуза (аудитории, библиотека, символика) формирует отношение к праву? Какие акторы влияют на процесс и как они связаны?	Включенное наблюдение (этнография вуза). Анализ материальной среды.

Неоинституциональный подход	Взаимодействие формальных правил и неформальных практик в вузе	Какие негласные нормы и практики существуют в учебном процессе? Как они соотносятся с формальными требованиями и как влияют на усвоение ценностей?	Наблюдение, глубинные интервью со студентами и преподавателями неформальных практиках взаимодействий студентов и преподавателей, анкетный опрос
-----------------------------	--	--	---

Предложенный в статье синтез методологических подходов создает теоретическую основу для проведения конкретных эмпирических исследований. Такого рода исследования позволят определить области дисфункциональных сбоев профессиональной социализации. Практическим итогом может стать обоснование конкретных рекомендаций по трансформации образовательных программ, методик преподавания и самой среды юридического вуза с целью формирования не просто компетентных, но и ценностно-ориентированных носителей правовой культуры, способных стать опорой правового государства.

Литература

Parsons, T.A. Sociologist Looks at the Legal Profession / T.A. Parsons // Essays in Sociological Theory / Ed. by T. Parsons. – N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1952.

Бочаров, Т. Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком : монография / Т. Бочаров, А. Дмитриева. – М.: Норма, 2021. – 232 с. – DOI 10.12737/1816213.

Волков, Ю.Г. Социология: Учебник для вузов/ Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая // Под ред. проф. В.И. Добренькова. – М.: Гардарики, 1998. – 244 с.

Гуляихин, В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки / В.Н. Гуляихин // Юридические исследования, 2013. – № 4. – С. 135–158. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.4.635>

Жинко, А.Н. Правовая социализация и правовая культура / А.Н. Жинко // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2012. – № 4.
Жинко, А.Н. Правовая социализация личности и юридическое образование в современной России / А.Н. Жинко // Право и государство: теория и практика, 2012. – №7.

Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 581 с.

Исаева, Н.В. Подготовка юристов в контексте правовой идентичности / Н.В. Исаев // Lexrussica, 2015. – С. 112-119.

Казун, А.П. Выбор юристов между выгодой и профессиональной ответственностью: развитие индивидуального уровня контроля / А.П. Казун // Экономическая социология. 2013. – Т. 14. – № 5.

Костина, К.А. Правовое воспитание в России и его значение в формировании правовой культуры / К.А. Костина // Вестник ТГУ. 2013. – вып.5(121), –С.266–270.

Курилов В.И. О реформе российского юридического образования: использование опыта Республики Корея, США и юридической школы Дальневосточного федерального университета /

В.И. Курилов, А.Г. Фалалеев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. – Т. 16. – № 3-4. – С. 1-25.

Ладухина, М.В. Уровневая характеристика развития правового сознания студентов юридического вуза / М.В. Ладухина // Вестник Московского университета МВД России. 2019. – № 4. – С. 273-278.

Лапин, Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. 2000. – № 3. – С. 3-47.

Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур // пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Лихтман, Я.И. Исследование эмпирического правосознания у студентов юридического вуза / Я.И. Лихтман, Л.В. Шипова // Образование в современном мире.: Сб. науч. ст. / Под ред. проф. Ю.Г. Голуба. Саратов, 2017.

Ненахова, Е.Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения / Е.Н. Ненахова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – С. 172–181.

Орлова, Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е.В. Орлова // Манускрипт. 2017. – № 7 (81). – С. 149-152.

Парсонс, Т. Профессии и социальная структура / Т. Парсонс // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – № 4. – С. 153–170.

Шипилова, З.С. Развитие правосознания у будущих юристов в вузе / З.С. Шипилова // Вестник Красноярского университета им. В. Астафьева. 2015. – № 1. – С. 238–241.

Синюков, В.Н. Правовая культура и демократическое развитие общества / В.Н. Синюков // Правовая культура. 2009. – № 1(6). – С. 15-18

Ненахова, Е.Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения / Е.Н. Ненахова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб.: ГОУ ВПО РГПУ им. Герцена. 2010. – № 128. – С. 172–181.

Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин – М.: Политиздат, 1992.

Тельманова, А.С. Проблемы дефиниции социокультурного пространства / А.С. Тельманова // Вестник КемГУКИ. 2014. – № 29. – С.149-155.

Томсинов, В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е-начало 80-х гг. XIX в.) / В.А. Томсинов – М.: Зерцало-М, 2013. – 300 с.

Усимова, И.П. Факторы правовой социализации личности в современной России / И.П. Усимова // Вестник Московского университета МВД России. 2006. – № 6.

Моисеева, Е. Юридическое образование в России: Анализ количественных данных и изменений с 2012 года. / Е. Моисеева. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018.

– С.4-5.

Юридическое образование: поиск новых стандартов качества. Материалы исследования. – М.: Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. – 416 с.

Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. №599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6624579>

References

Bocharov T., Dmitrieva A. Legal Education in Russia and Abroad: Between University, Profession, State, and Market: A Monograph. Moskva: Norma = Moscow: Norma, 2021; 232 p. <https://doi.org/10.12737/1816213>. (In Russ.)

Volkov Yu. G. Sociology: Textbook for Universities. Edited by Prof. V. I. Dobrenkov. Moskva: Gardarika = Moscow: Gardarika, 1998; 244 p. (In Russ.)

Gulyaihin V.N. Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and evaluation criteria. Yuridicheskiye issledovaniya = Legal research. 2013; 4: 135-158. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.4.635> (In Russ.)

Zhinko A.N. Legal socialization and legal culture. Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Humanitarian and socio-economic sciences. 2012; 4. (In Russ.)

Zhinko A.N. Legal Socialization of the Individual and Legal Education in Modern Russia. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice. 2012; 7. (In Russ.)

Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moskva: Norma: INFRA-M = Moscow: Norma: INFRA-M. 2011; 581 p. (In Russ.)

Isaeva N.V. Training of lawyers in the context of legal identity. Lex russica = Lex russica. 2015; 112-119. (In Russ.)

Kazun A.P. "Lawyers' Choice Between Profit and Professional Responsibility: Developing an Individual Level of Control". Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology. 2013; 14: 5. (In Russ.)

Kostina K.A. Legal education in Russia and its importance in the formation of legal culture. Vestnik TSU = TSU Bulletin. 2013; 5 (121): 266-270. (In Russ.)

Kurilov V.I., Falaleev A.G. On the Reform of Russian Legal Education: Using the Experience of the Republic of Korea, the United States, and the Law School of the Far Eastern Federal University. Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo = Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2014; 16: 1-25. (In Russ.)

Ladukhina M.V. Level characteristics of the development of legal consciousness of law school students. Vestnik Moskovskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 4: 273-278. (In Russ.)

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. trans. Trans. from Eng. I. Polonskoy; Ed. By S. Gavrilenko. M.: Izd. dom Vyssheyshkoly ekonomiki = Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2014; 384 p. (In Russ.)

Likhtman Ya.I., Shipova L.V. A Study of Empirical Legal Awareness in Law School Students. Obrazovaniye v sovremennom mire.: Sb. nauch. = Education in the Modern World: Collection of Scientific Articles. Saratov, 2017. (In Russ.)

Nenakhova, E. N. Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Sociocultural Space of an Educational

Institution. *Vestnik Gosudarstvennopedagogicheskogouniversitetaim. A. I. Gertsena = Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University*. 2010; 172–181. (In Russ.)

Orlova E.V. Sociocultural Space: Toward a Definition of the Concept. *Manuscript, no = Manuscript*. 2017; 7 (81): 149-152. (In Russ.)

Parsons T. Professions and Social Structure. *Sotsial'nyyeigumanitarnyyenauki. Otechestvennayaizarubezhnaya literature Series 11, Sociology: Abstract Journal*. – Moscow: INION RAS = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11, Sociology: Abstract Journal. – Moscow: INION RAS. 2015;4: 153–170. (In Russ.)

Shipilova Z.S. Developing Legal Awareness in Future Lawyers at the University. *Vestnik Krasnoyarskogouniversitetaimeni V. Astaf'yeva = Bulletin of the Krasnoyarsk University named after V. Astaf'yev*. 2015; 1: 238–241. (In Russ.)

Sinyukov V.N. Legal Culture and the Democratic Development of Society. *Pravovayakultura = Legal Culture*. 2009; 1 (6): 15-18. (In Russ.)

Nenakhova E.N. Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Sociocultural Space of an Educational Institution. *Vestnik Gosudarstvennopedagogicheskogouniversitetaim. A.I. Gertsena – Sankt-Peterburg: Gosudarstvennoyeuchebnoyezavedeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya, Gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitetim. Gertsena = Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ. - St. Petersburg: State Educational Institution of Higher Professional Education, Herzen State Pedagogical Univ*. 2010; 128: 172-181. (In Russ.)

Sorokin P. Man, Civilization, Society. *Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat*. 1992; 218p. (In Russ.)

Telmanova A.S. Problems of Defining Sociocultural Space. *Vestnik KemGUKI = Bulletin of KemGUKI*. 2014; 29: 149-155. (In Russ.)

Tomsinov V.A. Legal Education and Jurisprudence in Russia in the Era of the "Great Reforms" (1960s - Early 1980s). *Moskva: Zertsalo-M = Moscow: Zertsalo-M*. 2013; 300 p. (In Russ.)

Usimova I.P. Factors of Legal Socialization of the Individual in Modern Russia. *Vestnik Moskovskogouniversiteta Ministerstvavnutrennikh del Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006; 6. (In Russ.)

Moiseeva E. Legal Education in Russia: Analysis of Quantitative Data and Changes since 2012. *Sankt-Peterburg: IPP EUSP = Sankt Petersburg: IPP EUSP*. 2018; 4-5. (In Russ.)

Legal Education: Search for New Quality Standards. Moskva: Institut prava obshchestvennykh interesov (PILnet) = Research Materials. Moscow: Institute of Public Interest Law (PILnet). 2013; 416 p. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation of May 26, 2009 № 599 "On Measures to Improve Higher Legal Education in the Russian Federation." <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6624579> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 27.12.2025

Дата окончания рецензирования: 01.02.2026

Дата принятия к публикации: 04.02.2026

Информация об авторе

Левина Раиса Аркадьевна – старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: levina09011@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Levina Raisa Arkadyevna– Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: levina09011@mail.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Социология культуры

Научная статья

УДК 316.7

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.6>

EDN RFNMFG

Религиозность как фактор формирования отношения к абортam и началу жизни**Елена А. Смирнова ¹**¹ Череповецкий государственный университет

г. Череповец, Россия

e-mail: smirnova56@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию актуальной социокультурной и социально-медицинской проблемы отношения населения к абортam в условиях демографического кризиса и изменении традиционных ценностей. В современном обществе в условиях популяризации гедонизма и снижения ценности семьи религиозность рассматривается как один из основных факторов, определяющих морально-этические установки граждан. Цель статьи – анализ общественного отношения к проблеме абортam и роли религиозности как основного фактора, формирующего взгляды по изучаемым вопросам. Для достижения цели были изучены ценностные ориентации жителей г. Архангельска и г. Череповца, выявлены их позиции относительно прав плода и прав женщины, а также оценке отношения к использованию фетальных тканей в науке.

Методы. В статье использованы результаты прикладного социологического исследования, проведенного в 2023–2025 гг. Опрошено 768 респондентов из Архангельска (n=386) и Череповца (n=382) методом анкетного опроса с использованием квотной выборки. Инструментарием послужила модифицированная «Анкета для изучения биоэтических представлений», включающая 50 вопросов. Статистическая обработка данных выполнена в пакете SPSS ver. 21 с применением критерия хи-квадрат Пирсона и метода Фишера (уровень значимости $\alpha < \pm 0,05$).

Результаты. По данным исследования, 60% горожан допускают возможность принятия решения о прерывании беременности в зависимости от сиюминутных жизненных обстоятельств. В свою очередь, религиозность является одним из основных факторов, которые формируют этическое мировоззрение человека. Так, верующие в 2,9 раза чаще считают аборт грехом и статистически значимо чаще связывают начало жизни с моментом зачатия (75,6% против 50,6% у неверующих). Выявлен консенсус относительно профессионального долга врача: 88,5% опрошенных отрицают право медика на отказ от проведения абортam по личным убеждениям. В то же время вопрос использования фетальных тканей вызывает затруднения у 45% участников, а среди определившихся преобладает негативное отношение (30,2%). Полученные данные подчеркивают необходимость учета мировоззренческих установок населения при формировании биоэтических программ и нормативных документов, направленных на улучшение демографической ситуации.

Ключевые слова: абортam; биоэтика; религиозность; общественное мнение; начало

жизни человека; фетальные ткани; демографическая политика.

Для цитирования: Смирнова Е.А. (2026). Религиозность как фактор формирования отношения к абортам и началу жизни. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 96-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.6>

Religiosity as a factor in shaping attitudes towards abortion and the beginning of life

Elena A. Smirnova¹

¹ Cherepovets State University

Cherepovets, Russia

e-mail: smirnova56@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is dedicated to the study of a pressing socio-cultural and socio-medical issue: public attitudes towards abortion in the context of a demographic crisis and changing traditional values. In modern society, with the popularization of hedonism and the declining value of family, the article examines religiosity as one of the primary factors determining citizens' moral and ethical stances. The aim of the article is to analyze public attitudes towards the problem of abortion and the role of religiosity as a key factor shaping views on the issues under study. To achieve this goal, the value orientations of residents of Arkhangelsk and Cherepovets were examined, their positions regarding the rights of the fetus and the rights of women were identified, as well as their attitudes towards the use of fetal tissues in science.

Methods. The article utilizes the results of an applied sociological study conducted in 2023–2025. A total of 768 respondents from Arkhangelsk (n=386) and Cherepovets (n=382) were surveyed using a questionnaire method with a quota sample. The instrument was a modified "Questionnaire for the Study of Bioethical Perceptions," comprising 50 questions. Statistical data processing was performed using SPSS ver. 21, employing Pearson's chi-square test and Fisher's exact test (significance level $\alpha < \pm 0,05$).

Results. According to the study, 60% of city dwellers allow for the possibility of deciding to terminate a pregnancy depending on immediate life circumstances. In turn, religiosity is one of the main factors that shape a person's ethical worldview. Thus, believers are 2.9 times more likely to consider abortion a sin and statistically significantly more often associate the beginning of life with the moment of conception (75.6% compared to 50.6% among non-believers). A consensus was found regarding the professional duty of a doctor: 88.5% of respondents deny a medic's right to refuse to perform an abortion based on personal beliefs. At the same time, the issue of using fetal tissues causes difficulties for 45% of participants, and among those who have decided, a negative attitude prevails (30.2%). The obtained data emphasize the need to consider the worldview attitudes of the population when developing bioethical programs and regulatory documents aimed at improving the demographic situation.

Keywords: abortion; bioethics; religiosity; public opinion; beginning of human life; fetal tissues; demographic policy.

For citation: Smirnova E.A. (2026). Religiosity as a factor in shaping attitudes towards abortion and the beginning of life. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 96-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.6>

Введение

В России, как и во всем мире, наблюдается сокращение рождаемости, увеличивается средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка (Шабунова, Ростовская, 2020). Современное общество характеризуется насаждением гедонистических ценностей, идей потребления и обогащения (Загирова, 2021), что способствует снижению традиционных для нашего общества духовно-нравственных ориентиров, ценности семьи и родительства (Жиденко, 2024). И если в своих работах середины XX в. П.А. Сорокин связывал «кризис семьи» с «сексуальной революцией» (Sorokin, 1956), то современные исследователи предсказывают гибель этого социального института (Верещагина, 2024). Подобные процессы могут привести к «разрушению нравственных и моральных критериев в обществе, что в дальнейшем может привести к разрушению общества» (Дмитрийчук, 2018, с. 337). К основным признакам кризиса семьи относят распространение сожительства и однополых браков (Lichter, Qian, 2019; Егорова, Шорыгин, 2020), добровольный отказ от деторождения (Ломакин, 2019; Загирова, 2023), а также распространение проституции и аборт (Gris, Lebedeva, 2020). Негативное влияние абортов на последующие беременности не вызывает сомнений (Чернов, Коновалов, Шевлякова, 2012).

На смену культурным традициям, ранее регламентировавшим все события жизненного цикла человека, приходит возможность личного выбора (Богданова, Артамонова, 2022). В таких условиях важную роль приобретает религия. Религиозные учения, веками формировавшие морально-этические нормы, занимают определенную позицию по вопросам репродуктивного здоровья и прерывания беременности. При этом отношение к аборту и использованию биоматериалов варьируется в зависимости от конфессиональной принадлежности. Так, если в христианской традиции преобладают строгие пролайф-позиции, то в исламской культуре взгляд на проблему более дифференцирован. Согласно мусульманскому праву, статус эмбриона меняется в зависимости от срока развития, а решающее значение имеет концепция «дня вселения души» (120 день после зачатия). До этого времени прерывание беременности может рассматриваться как менее тяжкий проступок или быть допустимым по медицинским показаниям (Саввина, 2015). Однако и в исламе аборт является предосудительным поступком, что подтверждает общую религиозную направленность на сохранение жизни. Влияние религиозных учений на отношение общества к абортам, а также на решения верующих и неверующих граждан, является значимым фактором, которое необходимо учитывать при комплексном исследовании данной проблемы и использовать при разработке мер, направленных на демографическое развитие.

Цель статьи – анализ общественного отношения к проблеме абортов и роли религиозности как основного фактора, формирующего взгляды по изучаемым вопросам.

Методы исследования

Инструментом исследования стала «Анкета для изучения биоэтических представлений», разработанная Т.Г. Светличной (Смирнова, 2025). Анкета включает три основных части и заключительную (паспортную) часть, характеризующую статус опрашиваемых (5 вопросов). Первая часть анкеты посвящена определению религиозной и конфессиональной принадлежности (2 вопроса), вторая – морально-нравственной

характеристике (15 вопросов), третья – отношению к биомедицинским технологиям (18 вопросов). Всего 50 вопросов. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. По характеру проведения исследование является не экспериментальным, аналитическим, с использованием индивидуальных данных, по времени – поперечным, одномоментным.

Объект исследования - общественное мнение населения г. Архангельска и г. Череповца по вопросам, связанным с абортами и началом жизни человека. Предмет исследования - мировоззренческие факторы (религиозность - верующие/неверующие), влияющие на формирование отношения к абортам.

В 2023-2025 годах были изучены ценностные ориентации населения в г. Архангельске и г. Череповце. Генеральную совокупность исследования составляют взрослые жители указанных городов, обратившиеся в амбулаторно-поликлинические учреждения. Для обеспечения репрезентативности выборки использовался метод квотной выборки с элементами пропорциональной стратификации по полу и возрасту. Это позволило сформировать выборку из 768 человек (г. Архангельск - 386 человек, г. Череповец - 382 человека), отражающую структуру населения каждого города ($\delta = \pm 0,035$). В исследовании участвовали лица старше 18 лет, обратившиеся в амбулаторно-поликлинические учреждения и давшие добровольное информированное согласие на участие в исследовании. Для определения минимального объема выборки была использована формула, основанная на уравнении предельной ошибки выборки. Исходными данными для расчета послужили: численность населения г. Архангельска (294 914 чел.) и г. Череповца (298 790 чел.) по состоянию на 01.01.2023-2024 г., доверительный коэффициент $Z=1,96$, максимально допустимая ошибка $\Delta=0,05$ и предполагаемый удельный вес признака в популяции $p=0,5$ (50%). Этот расчет показал, что для исследования необходимо привлечь 384 человека из каждого города. Горожане были случайным образом отобраны среди граждан, проходивших профилактические медицинские осмотры.

Анализ полового состава опрошенных показал, что большинство респондентов составили женщины (58,2%). Участники исследования были распределены по возрастным группам следующим образом: 17,6% находились в возрасте 18-28 лет, 29,2% – 29-44 года, 27,5% – 45-60 лет, 22,5% – 61-79 лет, и 3,2% – 80 лет и старше. Средний возраст участников составил 45,45 лет (стандартное отклонение 1,68). Каждый четвертый участник (25,8%) является семейным человеком, воспитывающим детей. Среди них: 35,7% воспитывают одного ребенка, 26,8% – двух, 15,9% – трех, и 3,9% – более трех детей. По социальному статусу большинство респондентов – работающие (68,2%) или учащиеся (12,6%). Уровень образования участников распределился следующим образом: 30,9% имеют среднее общее образование, 29,4% – среднее профессиональное, 13,8% – неполное высшее образование, 25,9% – высшее образование. Средний доход на одного члена семьи составил 24 918 рублей. Анализ данных показал отсутствие статистически значимых различий по полу ($\alpha=0,807$) и возрасту ($\alpha=0,869$) между респондентами из г. Архангельска и г. Череповца.

Анализ данных свидетельствует о равном распределении информантов, идентифицирующих себя верующими (363 человека, 47,3%) и неверующими (405 человек, 52,7%). При формировании выборки информантов (религиозных и нерелигиозных) мы руководствовались типологией Е.А. Кублицкой: верующие были

отнесены к религиозным, а неверующие (включая атеистов) – к нерелигиозным. К нерелигиозным были также причислены колеблющиеся, то есть те, кто не смог четко сформулировать свою позицию по вопросам мировоззрения, выражая сомнения в религиозной направленности. Согласно мнению ученых, в рамках исследовательской практики неопределившихся, как правило, относят к категории неверующего населения (Кублицкая, 2009; Селиверстова, Зубок, 2023).

Статистический анализ включал расчет количественных и качественных переменных. Для выявления различий в этических установках по изучаемым факторам применялись критерий хи-квадрат Пирсона. Уровень статистической значимости был установлен на уровне $\alpha=0,05$. 95%-ные доверительные интервалы рассчитывались методом Фишера. Различия считались достоверными при $\alpha<0,05$. Обработка данных проводилась в пакете SPSS ver. 21.

Результаты

Подавляющее большинство верующих (94,6%) и неверующих (57,6%) придерживаются православного христианства (табл. 1). Среди респондентов, не причисляющих себя к верующим, 12,9% относят себя к атеистам. При этом треть (28,4%) указывают на принадлежность к иным религиозным течениям.

Таблица 1 Характеристика мировоззренческих основ верующих и неверующих информантов (абс. %)

	Атеизм	Православное христианство	Ислам	другие религии
верующие 363 чел.	1 / 0,2	344 / 94,6	6 / 1,7	12 / 3,5
неверующие 405 чел.	52 / 12,9	233 / 57,6	4 / 1,1	115 / 28,4
$\chi^2=39,16; \alpha=0,000$				

По нашим данным, более половины (60%) респондентов допускают возможность проведение аборта при определенных обстоятельствах (табл. 2). Выявлена статистически значимая разница ($\alpha=0,000$) в этом вопросе между верующими и неверующими гражданами. Среди верующих респондентов согласны с этим утверждением 51,6%, тогда как среди неверующих - 67,6%. Вторым по распространенности ответом является полное неприятие аборта, который разделяют 25,8% опрошенных. В этой группе доля верующих составляет 36,8%, а неверующих - 16%.

Таблица 2 Отношение населения к аборту в зависимости от религиозной веры (абс. %)

Этические представления и их вариации	Верующие 363 чел.	Неверующие 405 чел.	Всего 768 чел.
Как Вы относитесь к абортам			
Сторонник	29 / 8,0	39 / 9,6	68 / 8,8
Противник	134 / 36,8	65 / 16,0	199 / 25,8
Зависит от обстоятельств	187 / 51,6	274 / 67,6	461 / 60,0
затруднились ответить	13 / 3,6	27 / 6,8	40 / 5,4
$\chi^2 = 71,62; \alpha = 0,000$			

По Вашему мнению, должен ли врач иметь право отказаться от проведения аборта по моральным убеждениям			
Да	31 / 8,6	39 / 9,6	70 / 9,1
Нет	323 / 89,0	356 / 88,0	679 / 88,5
затрудняюсь	9 / 2,4	10 / 2,4	19 / 2,4
$\chi^2 = 0,35; \alpha = 0,840$			

Большинство (88,5%) опрошенных считают, что врач не имеет право отказаться от проведения аборта, ссылаясь на личные моральные убеждения. При этом доля согласных с этим утверждением среди верующих и неверующих практически идентична (89% и 88% соответственно).

Большинство респондентов (29,5%) допускает проведение аборта в ситуациях, когда беременность представляет угрозу жизни и здоровью матери (29,5%). Статистически значимых различий ($p=0,913$) в этой позиции между верующими (30,7%) и неверующими (28,5%) не выявлено (рис. 1). Схожее количество опрошенных (24,4%) высказываются в пользу допустимости аборта при выявлении пороков развития плода (24,9% и 24% соответственно; $\alpha=0,638$).

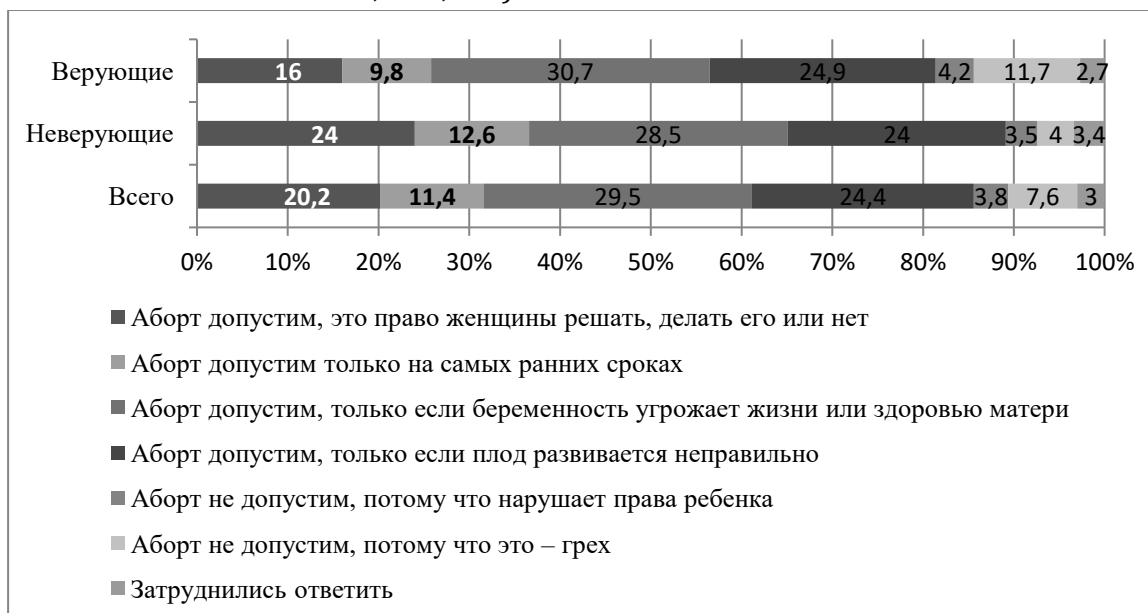

Рис. 1 Суждения верующих и неверующих респондентов об аборте (%)

Каждый пятый (20,2%) респондент считает, что решение о проведении аборта должна принимать женщина самостоятельно. Среди верующих (16%) данная точка зрения встречается статистически значимо реже ($\alpha=0,000$), чем среди неверующих (24%). Каждый десятый опрошенный (11,4%) признает допустимость аборта на ранних сроках беременности. При этом верующие (9,8%) придерживаются этого мнения значимо ($\alpha=0,004$) реже неверующих (12,6%). 7,6% респондентов считают, что аборт - это грех, причем доля верующих, разделяющих такое мнение, в 2,9 раза выше, чем среди неверующих (11,7% против 4% соответственно; $\alpha=0,000$). О нарушении прав ребенка как основании недопустимости аборта говорят лишь 3,8% опрошенных (4,2% среди верующих и 3,5% среди неверующих; $\alpha=0,530$). Верующие реже выражают сомнения в допустимости аборта по данному основанию (2,7% против 3,4% соответственно; $\alpha=0,000$).

Определение начала жизни человека имеет значение для установления правового статуса эмбриона. Дискуссия о начале жизни человека выделила различные подходы. Так, представители либерального подхода утверждают, что: «Организм обладает правом на жизнь только в случае, если он осознает себя развивающимся субъектом, обладает жизненным опытом и другими умственными способностями» (Перевозчикова, Панкратова, 2006). Сторонники умеренной позиции, напротив, полагают, что «эмбрион имеет право на жизнь при достижении определенного уровня развития, другие - при достижении жизнеспособности, но единого мнения до сих пор не существует» (Еремеева, Сайфуллина, 2016). Результаты проведенного опроса показывают, что большинство (62,4%) респондентов началом жизни человека считают момент зачатия (табл. 3).

Таблица 3 Отношение населения к возможности использования фетальных клеток (абс.; %)

Этические представления и их вариации	Верующие 363 чел.	Неверующие 405 чел.	Всего 768 чел.
Я думаю, что жизнь человека начинается с момента			
Зачатие	275 / 75,6	205 / 50,6	480 / 62,4
12 недель	7 / 1,9	14 / 3,5	21 / 2,7
22 недели	7 / 2,0	8 / 2,0	15 / 2,0
Рождение	65 / 17,9	145 / 35,9	210 / 27,4
затруднились	9 / 2,6	33 / 8,0	42 / 5,5
$\chi^2 = 87,43; \alpha = 0,000$			
Допустимо ли, на Ваш взгляд, применение лечебных методик, основанных на использовании фетальных (включая абортивные) тканей и "лишних" эмбрионов человека, полученных при ЭКО			
Да	80 / 22,1	111 / 27,3	191 / 24,8
Нет	126 / 34,7	106 / 26,1	232 / 30,2
затрудняюсь	157 / 43,2	189 / 46,6	346 / 45,0
$\chi^2 = 12,02; \alpha = 0,002$			

75,6% верующих и 50,6% неверующих статистически значимо ($\alpha=0,000$) чаще разделяют эту точку зрения. Началом жизни человека считают рождение 27,4% опрошенных, при этом верующие реже неверующих разделяют эту позицию (17,9% против 35,9% соответственно). Сроки, когда женщина может сделать аборт по собственному желанию (12 недель) или по медицинским показаниям (22 недели), были названы 2,7% и 2% опрошенных, что находится в пределах статистической погрешности.

Переходя к другой стороне вопроса, связанной с абортами, стоит сказать и об использовании фетальных тканей в научных и медицинских целях. Эмбриональные стволовые клетки способны превращаться во все типы клеток организма (Салмина, Шнайдер, 2006). Однако их использование приводит к гибели эмбриона. Таким образом, для лечения или омоложения одного человека требуется уничтожение человеческого существа, что вызывает этические вопросы. По нашим данным, 45% респондентов затруднилась с ответом на этот вопрос (43,2% верующих и 46,6% неверующих).

Статистический анализ показывает наличие связи между религиозностью и отношением к использованию фетальных клеток ($\chi^2=24,15$; $\alpha=0,002$). Однако при сравнении процентных долей ответов следует учитывать, что статистическая значимость достигается преимущественно за счет позиции «затрудняюсь ответить». Среди респондентов, определивших свою позицию, 30,2% возражают против использования фетальных клеток в лечебных и научных целях, а 24,8% поддерживают такую возможность. Среди верующих респондентов статистически значимо выше доля тех, кто отрицательно высказывается о возможности использования фетальных тканей (34,7% против 26,1% среди неверующих). Доля сторонников между верующими (22,1%) и неверующими (27,3%) не достигает статистической значимости с учетом стандартного отклонения.

Заключение

Таким образом, большинство респондентов (60%) допускают проведение аборта в зависимости от жизненных обстоятельств, хотя и с существенными различиями между верующими (51,6%) и неверующими (67,6%). При этом респонденты пришли к общему мнению относительно недопустимости отказа врача от проведения аборта по личным моральным убеждениям. Наиболее распространенными основаниями для допустимости аборта являются: угроза жизни матери (29,5%) и пороки развития плода (24,4%). Каждый пятый респондент (20,2%) поддерживает право женщины на самостоятельное решение, а каждый десятый (11,4%) допускает аборт на ранних сроках. Вопрос использования фетальных клеток в лечебных и научных целях вызывает затруднения.

Религиозность является важным фактором, формирующим отношение к абортам. Верующие респонденты значительно чаще неверующих полностью отвергают возможность проведения аборта (36,8% против 16%), реже считают, что решение о нем должна принимать женщина самостоятельно (16% против 24%), и чаще воспринимают аборт как грех (11,7% против 4%). Кроме того, подавляющее большинство верующих (75,6%) считают началом жизни человека момент зачатия, что существенно отличается от мнения неверующих (50,6%). Каждый четвертый (27,4%) считает началом жизни рождение, причем среди неверующих эта точка зрения распространена в 2 раза больше. Полученные данные подтверждают важность влияния религии на формирование мировоззренческих установок населения, которые необходимо учитывать при разработке нормативных документов и образовательных программ в области биоэтики.

Литература

Богданова, И.Н. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях / И.Н. Богданова, Я.В. Артамонова // *Caucasian Science Bridge*. – 2022. – Т. 5. – №3. – С. 74–82. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7>

Верещагина, А.В. Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая / А.В. Верещагина // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т.7. – №4. – С. 108–116. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>

Дмитрийчук, А.Ю. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе / А.Ю. Дмитрийчук // *НОМОТНЕТІКА: Серія Філософія. Соціологія. Право*. – 2018. Т. 43. – №2. – С. 332–339. – <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339>

Егорова, Н.Ю. Партнерство, семья и родительство в нарративах

незарегистрированных пар / Н.Ю. Егорова, Е.А. Шорыгин // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т.18. – №2. – С. 239–254. – <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-239-254>

Еремеева, О.И. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О.И. Еремеева, Н.И. Сайфуллина // Инновационная наука. – 2016. – №3. – С. 40-44.

Жиденко, А.А. Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье Ростовской области / А.А. Жиденко // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т.7. – №3. – С.96-106. – <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9>

Загирова, Э.М. Семейные ценности и традиции: роль и функции (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова // Caucasian Science Bridge. 2021. – Т.4. – №1. – С.58–69.

Загирова, Э.М. Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения / Э.М. Загирова // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т.6. – №1. – С. 41–50. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4>

Кублицкая, Е.А. Особенности религиозности в современной России / Е.А. Кублицкая // Социологические исследования. – 2009. – Т.8. – №3. – С. 96-107.

Ломакин, И.В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России / И.В. Ломакин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – №6. – С. 394–436. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>

Перевозчикова, Е.В. «Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона» / Е.В. Перевозчикова, Е.А. Панкратова // Медицинское право. – 2006. – №2. – С. 16-23.

Саввина, О.В. Проблема моральной оправданности аборт в мусульманской культуре в контексте глобализации / О.В. Саввина // Человек и культура. – 2015. – №2. – С. 96-109. <https://doi.org/10.7256/2409-8744.2015.2.15114>

Салмина, А.Б. Этические вопросы новых медицинских технологий / А.Б. Салмина, Н.А. Шнайдер // Сибирское медицинское обозрение. – 2006. – Т.40. – №3. – С. 106-115.

Селиверстова, Н.А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции / Н.А. Селиверстова, Ю.А. Зубок // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т.26. – №2. – С. 135–174.

Смирнова, Е.А. Моральные ценности и технологии современной медицины: биоэтический дискурс / Е.А. Смирнова, Т.Г. Светличная, А.Л. Санников: монография. Череповец: ЧГУ. – 2025. – 184с.

Чернов, А.В. Медико-социальная характеристика женщин активного репродуктивного возраста и их семей / А.В. Чернов, О.Е. Коновалов, Т.В. Шевлякова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2012. – №1. – С. 23–25.

Шабунова, А.А. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок / А.А. Шабунова, Т.К. Ростовская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т.13. – №4. – С. 38-57. – <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2>

Gris, O.A. Prostitution in Russia: Discriminatory Practices and Trends in Professionalization / O.A. Gris, L.G. Lebedeva / In: EpSBS, Volume 82. PEDTR 2019, 2020. European Publisher: 840–849. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.106>

Lichter, D. T. The Study of Assortative Mating: Theory, Data, and Analysis. In: Schoen R.

(Ed.) / D. T. Lichter, Z. Qian / Analytical Family Demography. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis, PSDE-series. Cham: Springer, 2019; 47: 303-337. https://doi.org/10.1007/978-3-319-93227-9_13;

Sorokin, P. The American Sexual Revolution / P. Sorokin / Boston: P. Sargent, 1956; 186 p.

References

Bogdanova I.N., Artamonova Ya.V. The Young Family as an "Elusive" Social Phenomenon in Contemporary Russian Conditions. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2022; 5(3): 74–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.7> (In Russ.)

Vereshchagina A.V. The Russian Family in an Era of Change: Autonomous, Uncontrolled, and Unpredictable. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2024; 7(4):108-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10> (In Russ.)

Dmitrichuk A.Yu. On the Transformation of the Family in Contemporary Russian Society // *NOMOTHETIKA: Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Series Philosophy. Sociology. Law*. 2018; 43(2): 332–339. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-2-332-339> (In Russ.)

Egorova N.Yu., Shorygin E.A. Partnership, Family, and Parenting in the Narratives of Unregistered Couples. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2020; 18(2): 239–254. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-239-254> (In Russ.)

Eremeeva O.I., Saifullina N.I. On the Concept and Legal Status of the Human Embryo. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*. 2016; 3: 40-44. (In Russ.)

Zhidenko A.A. Causes of Conflicts and Methods of Their Resolution in Young Families in the Rostov Region. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2024;7(3): 96-106. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9> (In Russ.)

Zagirova E.N. Family values and traditions: role and functions (on the example of Dagestan). *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2021; 4(1): 58–69. (In Russ.)

Zagirova E.N. Voluntary Childlessness: Attitudes and Evaluations in the Public Consciousness of the Dagestani Population. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2023; 6(1): 41–50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.4> (In Russ.)

Kublitskaya E.A. Features of Religiousness in Modern Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 2009; 8(3): 96-107. (In Russ.)

Lomakin I.V. Childfree or Voluntarily Childless? Towards a Re-Definition of the Conceptual Field of Research on Non-Parenting in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019; 6: 394–436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20> (In Russ.)

Perevozchikova E.V., Pankratova E.A. The Constitutional Right to Life and the Legal Status of the Embryo. *Meditinskoye pravo = Medical Law*. 2006; 2: 16-23. (In Russ.)

Savvina. O.V. On the Problem of Moral Justification of Abortion in Muslim Culture in the Context of Globalization. *Chelovek i kultura. = Man and Culture*. 2015; 2: 96-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-8744.2015.2.15114>

Salmina A.B., Schneider N.A. Ethical Issues of New Medical Technologies. *Sibirskoye meditsinskoye obozreniye = Siberian Medical Review*. 2006; 40(3):106-115. (In Russ.)

Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. Religious Self-Identification of Young People in the Reproduction of the Sociocultural Mechanism of Self-Regulation. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy*

antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology. 2023; 26(2):135-174 (In Russ.)

Smirnova E.A., Svetlichnaya T.G., Sannikov A.L. Moral Values and Technologies of Modern Medicine: Bioethical Discourse: Monograph. *Cherepovets: ChSU*, 2025. (In Russ.)

Chernov A.V., Konovalov O.E., Shevlyakova T.V. Medical and Social Characteristics of Women of Active Reproductive Age and Their Families. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Health Care, and Medical History*. 2012; 1: 23–25. (In Russ.)

Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. On the need to develop a model of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty. tendentsii. Prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(4): 38-57. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2> (In Russ.)

Gris O.A., Lebedeva L.G. 2020. Prostitution in Russia: Discriminatory Practices and Trends in Professionalization. In: *EpSBS, Volume 82. PEDTR 2019, European Publisher*: 840–849. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.106>.

Lichter D. T., Qian Z. The Study of Assortative Mating: Theory, Data, and Analysis. In: Schoen R. (Ed.), *Analytical Family Demography. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis, PSDE-series. Cham: Springer*, 2019; 47: 303-337. https://doi.org/10.1007/978-3-319-93227-9_13.

Sorokin P. *The American Sexual Revolution. Boston: P. Sargent*, 1956; 186p.

Дата получения рукописи: 17.01.2026

Дата окончания рецензирования: 20.02.2026

Дата принятия к публикации: 21.02.2026

Информация об авторе

Смирнова Елена Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия; e-mail: smirnova56@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Smirnova Elena Alekseevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. e-mail: smirnova56@yandex.ru

The author has no conflict of interest to declare

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

EDNCAELKS

**Исторический нарратив как социальное пространство для
цивилизационного столкновения: о сильных и слабых сторонах
российской политики памяти**

Михаил Ю. Попов¹

¹Научный журнал «Наука. Образование. Современность /
Science. Education. The Present»

г. Краснодар, Россия

e-mail: popov-52@mail.ru

Елена В. Говердовская²

²Пятигорский медико-фармацевтический институт,
филиал Волгоградского медицинского университета

г. Пятигорск, Россия

e-mail: redsov@mail.ru

Екатерина А. Цымбал³

³Ростовский государственный университет
путей сообщения (РГУПС)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: eka.filos@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть исторические нарративы, споры о минувших событиях прошлого и не только столетий как давно вышедшие за пределы узких академических дискуссий. Иными словами, как совокупность коллективных представлений, составляющих особое социальное пространство вне границ учебников, образовательных институций и школьных уроков истории. А именно как специфическое переплетение индивидуальной и коллективной памяти, пересечение национальных и международных институциональных структур, смешение образовательных и политических практик. Столкновение цивилизаций в конце первой трети двадцать первого столетия не могло не вызвать конфликтные процессы в этом социальном пространстве, где противоборствующие силы развернули когнитивные, медийные и прочие идеологические инструментари, оптимизируя собственные военные расходы расходами идейного характера. Предлагаем в настоящем социологическом очерке рассмотреть российский опыт вовлечения, воздействия и влияния внутри поля исторических нарративов. Иначе говоря, обнаружить сильные и слабые стороны отечественной политики памяти, которая содержательно все еще не перешла с примордиалистских на конструктивистские теоретико-практические позиции. Представляется, что подобный переходный момент необходим для эффективного использования национальных ресурсов Российской Федерации с целью одержать стратегическую победу над

геополитическим противником в социальном пространстве из исторических нарративов, общественной памяти и проектов построения идентичностей от национального до цивилизационного уровня.

Ключевые слова: социальное пространство; столкновение цивилизаций; исторический нарратив; политика памяти; примордиализм; конструктивизм; российская политика памяти.

Для цитирования: Попов М. Ю., Говердовская Е. В., Цымбал Е. А. (2026). Исторический нарратив как социальное пространство для цивилизационного столкновения: о сильных и слабых сторонах российской политики. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 107-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

Historical Narrative as a Social Space for Civilizational Clash: on the Strengths and Weaknesses of Russian Politics of Memory

Mikhail Yi. Popov¹

¹Scientific journal "Science. Education. The Present / Science.

Education. The Present"

Krasnodar, Russia

e-mail: popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya²

²Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of Volgograd Medical University

Pyatigorsk, Russia

e-mail: redsov@mail.ru

Ekaterina A. Tsymbal³

³Rostov State Transport University (RSTU)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: eka.filos@yandex.ru

Abstract

The article proposes to consider historical narratives, disputes about previous events of the past and not only centuries that have long gone beyond the limits of narrow academic discussions. In other words, as a set of collective representations that make up a special social space beyond the boundaries of textbooks, educational institutions and Previous school history lessons. Namely, as a specific interweaving of individual and collective memory, the intersection of national and international institutional structures, and the mixing of educational and political practices. The clash of civilizations at the end of the first third of the twenty-first century could not but cause conflict processes in this social space, where the opposing forces deployed cognitive, media and other ideological tools, optimizing their own military expenditures with ideological expenditures. In this sociological essay, we propose to consider the Russian experience of involvement, impact and influence within the field of historical narratives. In other words, to discover the strengths and weaknesses of the national memory policy, which has not yet meaningfully moved from primordialist to constructivist theoretical and practical positions. It seems that such a transitional moment is necessary for the effective use of the national resources of the Russian Federation in order to gain a strategic victory over a geopolitical opponent in the social space from historical narratives, public memory and projects of building identities from the national to the civilizational level.

Keywords: social space; clash of civilizations; historical narrative; politics of memory;

primordialism; constructivism; Russian politics of memory.

For citation: Popov M.Yu., Goverdovskaya E. V., Tsymbal E. A. (2026). Historical Narrative as a Social Space for Civilizational Clash: on the Strengths and weaknesses of Russian Politics of Memory. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 107-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

Введение: «горячая война» посредством исторических нарративов как один из фронтов цивилизационного столкновения

В конце двадцатого столетия, с крахом социалистического блока вместе с Советским Союзом, построением однополярной американской гегемонии и утверждением глобального рыночного порядка, в академической среде Соединенных Штатах возникло два противоречащих друг другу прогноза относительно будущего политического миропорядка (Харыбин, 2016).

Небезызвестный политический философ и политолог, Ф. Фукуяма, провозгласил состоявшимся гегелевский «конец истории» (работа «Конец истории и последний человек»): крушение плановой экономики и стран «реального социализма» с одновременным сохранением, развитием и экспансией западно-либеральных держав и капиталистической геоэкономики показали, что движение Мирового Духа подошло к логическому (историческому) завершению; Запад бесповоротно «финишировал» в мировой гонке, «обогнав» Восток; проект политического / экономического либерализма взял верх над негибкой, неповоротливой и неэффективной социалистической технократией. В противоположность ему другой видный политолог и политический социолог, С. Хантингтон, предрек крайне антигегельянский сценарий для будущего только что сложившегося мирового порядка (книга «Столкновение цивилизаций»): вместо единой цивилизации мир всегда был и будет множеством цивилизаций; вместо одной-единственной исторической колеи для всех есть разнообразие пестрых и несочетаемых друг с другом путей, по которым умножается и плодоносит цивилизационное разнообразие; но вместе с множественностью цивилизаций и культурных миров всегда, «во веки вечные», останется ресурсная универсальная бедность, которая будет вынуждать цивилизационные конклавы сталкиваться друг с другом на границах в жестоких «горячих» и мягких «холодных» войнах.

Последний сценарий, в отличие от первого, предполагает, что никакого конца истории ни в смысле Гегеля, ни в духе Маркса, ни в каком-либо еще понимании быть не может. Наличествует не однократное завершение истории, но многократные смены одних исторических эпох (эпистем, периодов, эр, гегемоний, миропорядков и т. д.) другими; наблюдается не финал истории, а история без всякого конца и края, где одни цивилизации обязательно будут сменяться другими, вторые будут сталкиваться с третьими, одни альянсы народов будут доминировать (быть может, эффективно и эффективно в течение десятилетий или даже столетий, но не более того; любое цивилизационное господство под взором исторической вечности и божественной шутки — лишь краткий, ускользающий и глупый миг). При таком приближении возвышение Запада после эпохи Великих географических открытий выглядит

странной абберацией в событийном океане превосходства знаниевого, технологического, материального, демографического, политического и проч. характера то ближне-, то дальневосточных цивилизационных миров.

Возможно, именно сегодня мы все имеем счастье (или несчастье) наблюдать затухание странной социо-культурной и политико-экономической мутации под названием «Запад»: наступает неумолимый закат, который оборачивается новым восходом «Востока». И подобная смена цивилизационных «дня» и «ночи» неизбежно приведет и уже привело к серьезным потрясениям. Место России в этом процессе — в самом первом из передних рядов; в авангарде исторического движения. На фронтах не только осязаемых и наблюдаемых, но и чувствуемых и обдумываемых в сетевых, медийных, ценностно-знаниевых и др. Российская Федерация вступила в противостояние — столкновение цивилизаций, если выразиться терминами С. Хантингтона, который, как видно, одолел на попроще прогнозов Ф. Фукуяму — с коллаборацией западных либерально-демократических стран. Именно в этом пункте мы предлагаем отойти от политической аналитики, философской интерпретации и исторической эмпирики в сторону социологической теории. Более точно выражаясь, далее, в настоящем очерке, развернем рассуждение на фундаменте теоретической социологии касательно российской политики памяти: того медийно-идеологическо-когнитивного арсенала, с помощью которого Россия ведет бескомпромиссное противостояние с коллективным Западом. Полагаем, что социологическая теория из ethnicstudies позволит улучшить невидимую борьбу Российской Федерации на полях социальных пространств, доступных не глазу, но уму. Но без ума разрушить несправедливый миропорядок невозможно. Безумием было бы не воспользоваться новейшими концептуально-теоретическими средствами, которыми располагает наука врага. Учиться лучшему у противника — один из наиболее древних путей к победе над противостоящей стороной. Поэтому далее вкратце взглянем на теоретический контекст такой политической линии современных западных государств, которая именуется политикой памяти или исторической политикой: рассмотрим ее как особого рода деятельность государства внутри социального пространства мнений, представлений и идей о прошедшем прошлом. Иначе говоря, такое поле, которое состоит из различных, множественных и состоящих в сложных друг с другом взаимоотношений исторических нарративов (Schmidtke, 2023).

Конструктивизм этносоциологического пошиба: модернизация не ВПК, но когнитивных, политических и организационных инструментов

Социально-гуманитарные науки пережили в прошлом веке много т. н. «поворотов»: аналитический, лингвистический, прагматический и т. д. Одним из аналогичных, не менее значимых, поворотных событий стали несколько переосмыслений истории, исторического знания и историчности как таковой. Во-первых, нельзя не вспомнить Х. Уайта: историка, явственнее всего показавшего академикам, общественности и политикам нарративную, т. е. литературную, составляющую любого знания об истории (Ашкеров, 2002). Историческое всегда предполагает ценностное, расстановку акцентов между изначально нейтральными,

однородными и не отличимыми друг от друга эпизодами. Но операцию различия внутри гомогенной событийной совокупности всегда реализует до какой-то степени, но предвзятый разум. Поэтому стоит говорить не просто о событиях прошлого, но рассуждать об исторических нарративах. Другим, не менее значимым поворотом стал разворот представлений о памяти. Такие мыслители, как П. Нора (Сабанчеев, 2018) или М. Хальбвакс (Бредихин, 2024), открыли коллективную память (как совокупность памяти индивидуальных, представлений индивида о чужой индивидуальной же памяти и т. д.) не как нечто статичное, но динамичное, подвижное, гибкое, изменчивое, неоднородное. Есть не память вообще, но процесс запоминания, забывания и воспоминания как на индивидуальном, так и на более абстрактном, социальном уровне. Особенно у П. Нора так понятая память предстает специфическим пространством, где возможны диалог, полилог и, разумеется, конфликт. В конце концов, в-третьих, завершающим значимым поворотным событием в развитии социально-гуманитарного знания и в особенности истории сыграло рождение конструктивистской парадигмы. Здесь особую роль сыграли историки, которые наравне с Х. Уайтом, историком-литературоведом, предложили для исторической науки социологические инновации. А именно: П. Бергер и Т. Лукман теоретически представили большинство социальных практик и саму по себе структуру общественной повседневности как состоящие из социальных конструктов (Рахматуллин, 2020). Иначе говоря, все социальное, политическое, экономическое, религиозное, а также связанное с историческим в самом широком смысле, всегда уже априори кем-то или чем-то собрано. Это может быть случайная сборка, как в примере Р. Докинза с часовым механизмом или самолетом, статистическими «чудесами» полученными из хаоса, или целенаправленное искусственное вмешательство некой группы интересантов посредством искусных или неудачных манипуляций, или относительно случайный продукт-«осадок» от столкновения таких двух или более вмешательств.

Итак, предварительно подытожим следующее: нарративный, меморативный и конструктивистский повороты оказали крайне значимое влияние на эволюцию социально-гуманитарного знания в двадцатом веке. Благодаря трем указанным разворотам историческая наука обогатилась пониманием того, что: обыденные, свидетельские, наследуемые, академические, школьные или любые другие знания об истории по самому своему существу есть нарратив (рассказ, повествование), где всегда есть в той или иной степени предвзятая расстановка знаков «хороший» / «плохой» / «свой» / «чужой» и т. п.; память индивида, группы или общества, из которой формируются нарративы о минувшем, сама по себе нарративна, т. е. тоже предвзятая, изменчива, искажаема, состоит не только из актуально запомненного, но и из изначально забытого; история и как реальный набор событий, и как приобретенные знания об оных, есть не просто процесс, но процесс скорее искусственный, нежели естественный (впрочем, и сама жизнь, с учетом конструктивистского характера ДНК земных организмов, строгая граница между «естественным» и «искусственным» стирается, уносясь в пространство лингвистики и терминологических словарей). И все перечисленные теоретические компоненты объединила в себе для реальной практики такое направление государственной политики, как политика памяти.

В отечественном академическом пространстве своими исследованиями о политике памяти вообще и в посткоммунистической Восточной Европе в частности, а также в контексте российско-украинских отношений достаточно много, подробно и глубоко писал А. И. Миллер (Миллер, 2016). Исследователь подчеркивал динамику политики памяти внутри новых стран-участниц ЕС и НАТО (Польша, Прибалтика и т. д.) от идеи создания общей исторической памяти «от Лиссабона до Владивостока» до обвинительной политики памяти: обвинительной относительно советско-российского прошлого. Под агитацией, давлением и пропагандой Польши и Прибалтики европейские лидеры академического, дипломатического и образовательного пространств ушли от идеи исторического примирения с Россией к концепции совместной вины национал-социалистической Германии и коммунистического Советского Союза в «преступлениях против человечности» (ОБСЕ обвинила..., 2009). Разумеется, подобный отворот от идеи общей исторической правды, не политизированной и не агрессивной по отношению к какой-либо из существующих стран, не мог не отразиться на политике памяти уже Российской Федерации (Миллер, 2013). Поиск альтернативного пути по отношению к прозападному развитию отразился в актуализации сверху и снизу Великой Отечественной Войны: Победа стала тем символом, тем событием и тем достоянием, что задает рамку для идентичности россиян на контрасте с другими (Krawatzek, 2023). Этим Другим и стал Запад с диаметрально противоположным восприятием советской Победы.

Несмотря на актуализацию и реализацию подобной собственной и самостоятельной политики памяти, пока она еще не принесла необходимых и ожидаемых плодов: победа не только на национальном, но и мировом уровне; утверждение собственных нарративов как на уровне Российской Федерации, так и в рамках Восточной Европы, Европы в целом, Евразии вообще и в мире как таковом. Как представляется, связано это с отсутствием перехода к конструктивизму, понятому в духе идей Р. Брубейкера.

Заключение: как применить теоретические инновации на практике российской политики памяти сегодня

В российской науке, как и в отечественной политике, до сих пор сохраняются установки по типу примордиалистских: идея того, что принадлежность к национальной / этнической / культурной и т. д. группам заложена в человека априори; биологическим или иным «сильным» способом (Варшавер, 2025). Подобные концепты и идеологемы, которые объясняют российскую идентичность как вечную, неизменную, исконную, твердую, стабильную и т. п. не учитывают конструктивистский поворот, случившийся в этносоциологии во многом благодаря трудам Р. Брубейкера, а именно монографии «Этничность без групп» (Брубейкер, 2012). В ней исследователь показывает, что нет этнических групп, но есть идентичности по типу этничности, которые некие совокупности людей «примеряют» на себя. Оставляют они эти идентичности или отмечают связано с целым ворохом факторов, условий и событий политического, семейного, экономического, военного, социального,

инфраструктурного, образовательного и иного характера. Тем не менее значимым представляется то, что события, которые направляют, заставляют и наталкивают людей на формирование определенной идентичности (например, российской нации) должны иметь живой характер. Под этим имеем в виду следующее: «[под]событиями подразумеваются значимые для многих жизненные факты, которые пробуждают в людях добровольное соучастие в деятельности сообщества, его борьбе или более мирных акциях. Так или иначе, можно остановиться на том, что эти события могут быть самых разных масштабов (не обязательно связанные с агрессией одной страны против другой, не обязательно охватывающие значительные территории), могут создаваться (и зачастую создаются) заинтересованными организациями, но обязательно и имманентно включают в свою структурную характеристику: (первое) желание добровольного участия и (второе) реалистичность. Если добровольность желания участвовать в событии, т. е. побуждающая сила самого события не представляет сложности для понимания... то затруднение в понимании может вызвать такая характеристика, как «сложность». Что мы имеем в виду под ней? Реалистичность предполагает, что все участники, потенциальные и уже задействованные, а также отказавшиеся от участия, полагают, что это событие происходит в реальности. При этом само оно может быть выдумкой... но в восприятии людей оно будет исключительно не выдуманным, не симулированным или вымышленным» (Казанцев, 2025, 82–83).

Именно такого рода конструктивизма не хватает российской нациестроительной политики, включающей в себя политику памяти. Идентичность россиян и их память полагаются слишком примордиалистским: будто бы можно просто, технократически и по-менеджеристски, произвести серию акций «для галочки» и тем самым вызвать нужную реакцию минимальными усилиями «сверху». Но подобного рода представления о конструировании социального пространства ложно, ошибочно и даже утопично. Идентичность рождается, становится и поддерживается прежде всего усилиями, практиками и повседневностью «снизу». Без обсуждений, низовых акций и мотивов народных масс созидание должных и желательных исторических нарративов ни внутри России, ни за ее пределами (но про-российским образом) невозможно. Поэтому живой конструктивизм необходим как когнитивно-теоретический и политико-практический инструмент для воплощения в жизнь российской нации, выстроенной на основе Победы. И со-конструирование иных национальных, политических и этнических идентичностей за пределами Российской Федерации на основе необходимых исторических нарративов. Без того победа России над цивилизационным врагом на фронте исторической политики будет затруднительна.

Литература

Ашкеров, А. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта / А. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, №1. – С. 87–99. – EDN TWMLRX.

Бредихин, Д. С. Реабилитируя Мориса Хальбвакса: память как коммуникативная стратегия поколения / Д. С. Бредихин, И. В. Нарский // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2024. – Т. 9, №4. – С. 71–78. – DOI 10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78. – EDN ACDVNE.

Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

Варшавер, Е. А. Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» / Е. А. Варшавер // Пути России. – 2025. – Т. 3, №1. – С. 9-42. – EDN DLUCJY.

Казанцев, О. А. Управление конструированием гражданско-патриотической идентичности: индикаторы эффективности versus этика добродетели / О. А. Казанцев // 80 лет Победы: гражданско-патриотическая идентичность молодежи России, связь поколений: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Нальчик, 14–19 апреля 2025 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, 2025. – С. 80-86. – EDN ZFPTBL.

Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – №1. – С. 111–121. – EDN XQZSAN.

Миллер, А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2013. – № 4. – С. 114–126. – EDN TCCBZR.

Рахматуллин, Р. Ю. Историческая реальность в свете конструктивизма / Р. Ю. Рахматуллин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – №6. – С. 144–152. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-144>. – EDN QCQDCL.

Сабанчеев, Р. Ю. Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р. Ю. Сабанчеев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1. – С. 33–38. – EDN YVBACO.

Харыбин, А. Н. Геополитические концепции Семьюэля Хантингтона и Френсиса Фукуямы - критический анализ / А. Н. Харыбин // Наука Красноярья. – 2016. – Т. 5, №4. – С. 90-103. – EDN WWHYVD.

ОБСЕ обвинила СССР и Германию в развязывании Второй мировой [2009]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2009/5703d4fd9a7947733180955d>.

Krawatzek, F. A Foundation for Russia? Memories of World War II for Young Russians / F. Krawatzek, N. Frieß // Nationalities Papers. – 2023. – Vol. 51, No. 6. – 2023. – P. 1336–1356. – <https://doi.org/> <https://doi.org/10.1017/nps.2022.12>.

Schmidtke, O. Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity, and Democracy in Germany and Poland / O. Schmidtke // Social Sciences. – 2023. – Vol. 12, No. 7. – P. 1–16. – <https://doi.org/10.3390/socsci12070391>.

References

Ashkerov A. Metahistory of metahistory, or decoding Hayden White. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2002; 2(1): 87–99. (In Russ.)

Bredikhin D.S., Narskiy I.V. Rehabilitating Maurice Halbwachs: memory as a communicative strategy of a generation. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: Electronic Journal on Historical Sciences and*

Archaeology. 2024; 9(4): 71–78. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78> (In Russ.)

Brubaker R. Ethnicity without Groups. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshejshejshkoly ekonomiki = HSE Publishing House; 2012. 408 p. (In Russ.)

Varshaver E.A. Evolutionary cognitive science as a resource for explaining ethnic phenomena “after the cognitive turn”. *Puti Rossii = Paths of Russia*. 2025; 3(1): 9–42. (In Russ.)

Kazantsev O.A. Managing the construction of civic-patriotic identity: indicators of effectiveness versus virtue ethics. In: 80 years of Victory: civic-patriotic identity of Russian youth, connection of generations: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Nalchik, 14–19 April 2025). Nalchik: Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova = Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov; 2025: 80–86. (In Russ.)

Miller A.I. Memory politics in post-communist Europe and its impact on European memory culture. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii i politiki) = Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2016; (1): 111–121. (In Russ.)

Miller A.I. The role of expert communities in memory politics in Russia. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii i politiki) = Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2013; (4): 114–126. (In Russ.)

Rakhmatullin R.Yu. Historical reality in the light of constructivism. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intelligence. Innovations. Investments*. 2020; (6): 144–152. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-144> (In Russ.)

Sabancheev R.Yu. Pierre Nora’s concept of “sites of memory” as a means of historical reconstruction. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke = Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2018; (1): 33–38. (In Russ.)

Kharybin A.N. The geopolitical conceptions of Samuel Huntington and Francis Fukuyama: a critical analysis. *Nauka Krasnoyarska = Krasnoyarsk Science*. 2016; 5(4): 90–103. (In Russ.)

Krawatzek F., Frieß N. A foundation for Russia? Memories of World War II for young Russians. *Nationalities Papers*. 2023; 51(6): 1336–1356. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.12>

Schmidtke O. Competing historical narratives: memory politics, identity, and democracy in Germany and Poland. *Social Sciences*. 2023; 12(7): 1–16. <https://doi.org/10.3390/socsci12070391>

OSCE accused the USSR and Germany of unleashing World War II [2009]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2009/5703d4fd9a7947733180955d> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.01.2026

Дата окончания рецензирования: 22.02.2026

Дата принятия к публикации: 25.02.2026

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич– доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Наука. Образование. Современность/ Science. Education. ThePresent», г. Краснодар, Россия; e-mail: popov-52@mail.ru

Говердовская Елена Валентиновна– доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск, Россия; e-mail: redsov@mail.ru

ЦымбалЕкатерина Анатольевна– кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Отечества, Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС),г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: eka.filos@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Mikhail Y. Popov– Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Editor-in-chief of the scientific journal “SCIENCE. Education. MODERNITY/ SCIENCE. EDUCATION. THE PRESENT”, Krasnodar, Russia; e-mail: popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya– Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk, Russia; e-mail: redsov@mail.ru

Ekaterina A. Tsymbal– Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Chair Philosophy and History of theFatherland, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: eka.filos@yandex.ru

The authors declare that there is no conflict of interests

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.752

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.8>

EDN FMLNLH

Патриотические ценности крымской молодежи: факторы и условия формирования

Елена Г. Городецкая¹

¹Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия
e-mail: socio.evpatoria@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с тем, что патриотизм как социальный феномен претерпевает историческую трансформацию. Особое внимание уделено факторам и условиям формирования патриотических ценностей у молодежи Республики Крым. Обосновывается специфика условий, в которых формируются патриотические ценности, связь этих процессов с воссоединением Крыма с Россией в 2014 году и проведением специальной военной операции.

Методы. Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного и онлайн-опросов, проведенных коллективом КФ ФНИСЦ РАН в 2025 году в Республике Крым. Общая выборка исследования составила 864 респондента. Дополнительно использовались данные анкетного опроса, проведенного коллективом КФ ФНИСЦ РАН в 2019 году (n=374 респондента). Полученные данные обрабатывались в Easy Sociology 2000 с использованием методов дескриптивной статистики и контент-анализа открытых вопросов.

Результаты и их обсуждение. Полученные в ходе исследования данные позволили показать состояние патриотических ценностей крымской молодежи: рассмотрена динамика идентичности молодежи Крыма, связанная с региональным фактором «малая Родина». Выявлена незначительная внутренняя миграция и взаимосвязь коренных жителей полуострова с желанием оставаться в Крыму. Однако наряду с этим внешние миграционные процессы, связанные с беженцами, переселенцами и мигрантами из зарубежных стран, могут оказывать влияние на патриотические ценности молодежи. Рассмотрено отношение к патриотизму и патриотические ценности, роль и влияние средств массовой информации как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Ключевые слова: патриотические ценности; патриотизм; ценности; молодежь; Республика Крым; идентичность; миграция.

Для цитирования: Городецкая Е. Г. (2026). Патриотические ценности крымской молодежи: факторы и условия формирования. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 118-128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.8>

Patriotic values of Crimean youth: factors and conditions of formation

Elena G. Gorodetskaia¹

¹Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
e-mail: socio.evpatoria@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research is related to the fact that patriotism as a social phenomenon is undergoing a historical transformation. Special attention is paid to the factors and conditions of the formation of patriotic values among the youth of the Republic of Crimea. The article substantiates the specifics of the conditions in which patriotic values are formed, the connection of these processes with the reunification of Crimea with Russia in 2014 and the conduct of a special military operation.

Methods. The empirical basis of the study was the results of a questionnaire survey and an online survey conducted by the staff of the Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences in 2025 in the Republic of Crimea. The total sample of the study was 864 respondents. Additionally, data from a questionnaire survey conducted by the staff of the CB FRSC RAS in 2019 (n=374 respondents) were used. The data obtained was processed in Easy Sociology 2000 using descriptive statistics and content analysis of open issues.

Results and its discussion. The data obtained in the course of the research allowed us to show the state of patriotic values of the Crimean youth: the dynamics of the identity of the Crimean youth associated with the regional factor "small Homeland" is considered. Minor internal migration and the interrelation of the indigenous inhabitants of the peninsula with the desire to stay in Crimea have been revealed. However, along with this, external migration processes related to refugees, displaced persons and migrants from foreign countries can have an impact on the patriotic values of young people. The article examines the attitude to patriotism and patriotic values, the role and influence of the media from both positive and negative sides.

Keywords: patriotic values; patriotism; values; youth; Republic of Crimea; identity; migration.

For citation: Gorodetskaia E. G. (2026). Patriotic values of Crimean youth: factors and conditions of formation. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 118-128. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.8>

Введение

В контексте социокультурных, социально-экономических и политических рисков и вызовов, с которыми столкнулось современное российское общество, патриотические ценности выступают существенным фактором, оказывающим значительное воздействие на сознание и поведение молодежи. Они служат ориентиром для моральных принципов, формируют поведенческие нормы и способствуют укреплению национальной идентичности. Такие ценности, как семья, любовь к Родине, уважение к старшим, духовность и милосердие, играют важную роль в нашей жизни.

Формирование личности молодого человека – это сложный и многогранный процесс, в котором патриотическое воспитание и образование играют одну из ключевых ролей.

Актуальность изучения данной темы подкрепляется тем фактом, что современная крымская молодежь проходила процесс социализации и становления как членов

общества в период независимой Украины. События Крымской весны, в свою очередь, продемонстрировали способность людей к сплочению и защите своих патриотических ценностей и идеалов, что подчеркивает важность патриотического воспитания в формировании гражданской идентичности.

Таким образом, анализ этих факторов не только помогает понять текущие тенденции в развитии региона, но и позволяет прогнозировать его будущее. Понимание того, как формируются патриотические ценности, может стать основой для разработки стратегий, направленных на укрепление стабильности и единства в обществе.

Теоретические основы исследования

В условиях современного мира проблема формирования патриотических ценностей у молодого поколения становится все более значимой. Патриотизм, несомненно, является фундаментом, на котором основываются патриотические ценности. Эти ценности пронизывают все аспекты человеческой жизни, оказывая влияние на формирование мировоззрения и определяя поведенческие модели.

Тему патриотизма рассматривали в своих работах представители разных научных направлений. Так, по мнению Т.А. Ильиной, патриотизм – это проявление любви к своему Отечеству, он является сильнейшим чувством человека, этим наиболее высоким проявлением идеи и политической сознательности (Ильина, 1984). С.И. Ожегов определяет патриотизм как преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу (Ожегов, 2008). В философском словаре под редакцией И.Т. Фролова патриотизм трактуется как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержание которого заключается в любви к отечеству, преданности ему, гордости за его прошлое и настоящее, стремлении защищать интересы страны (Фролов, 1986).

По мнению А.Н. Малинкина, патриотизм начинается с естественной бессознательной привязанности человека к отчужденному дому и родному краю. Чувство любви к родительскому дому, к родным и близким, к сверстникам и ближайшему взрослому окружению всегда глубоко индивидуально, и за ним стоит уникальный жизненный опыт (Малинкин, 1999).

Как отмечает Г.И. Козырев, патриотизм – это социально-психологическое и эмоционально-нравственное чувство принадлежности к родине (стране, своему народу), в которой человек родился, проходил социализацию или считает своей по зову крови (Козырев, 2020).

Сущность патриотизма и его ценностные аспекты на протяжении многих лет являются объектом социологических исследований. Эту проблему изучают исследовательские центры, такие как ВЦИОМ, Институт социологии РАН и Крымский филиал ФНИСЦ РАН.

Патриотические ценности рассматриваются как совокупность знаний, социальных установок, представлений о Родине (Луков, Курганская, 2012).

Патриотические ценности определяются как выработанные общественным сознанием и признанные человеком положительно значимые представления о Родине, национальных интересах и общественных идеалах, воплощенные в его жизнедеятельности и выражающиеся в эмоциональном отношении к Отчизне и культуре родной земли (Палаткина, Шаронов, Джангазиева, 2018).

Н.В. Дулина выделила три основных компонента в структуре патриотических ценностей: функцию социального порядка в обществе, духовную составляющую патриотизма и социальную активность (Дулина, 2015).

Патриотическое воспитание приобретает особую значимость в год 80-летия Великой Победы, особенно в условиях проведения специальной военной операции. Это знаковое событие создает уникальную возможность для привлечения молодежи к истории нашей страны и, основываясь на данных социологических исследований, позволяет эффективно скорректировать их представления о прошлом.

Наш исследовательский интерес направлен на изучение патриотизма крымской молодежи, ее патриотических ценностей, а также на сохранение национальной идентичности, отношения к Родине и ее исторического наследия (Чигрин В.А., Городецкая Е.Г., 2018; Чигрин В.А., 2020). Мы хотим понять, какие патриотические ценности сегодня актуальны для молодых людей, живущих в Крыму, и как эти ценности проявляются в их жизни, а также выявить специфику этих проявлений в данном социально-культурном контексте. Учитывая общественно-политическую ситуацию в стране и мире, все большую актуальность приобретает воспитание у молодого поколения чувства патриотизма и формирование активной гражданской позиции (Городецкая Е.Г., 2023).

Разобраться в этой проблеме нам помогут социологические исследования, проводимые Крымским филиалом ФНИСЦ РАН.

Эмпирическая база исследования

В рамках государственного задания на тему: «Межэтнические отношения в Российской Федерации: идентичности, ценности, интеграция в региональном и этнокультурном измерениях» (рук. В.И. Мукомель) коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (КФ ФНИСЦ РАН) проведены социологические исследования в Республике Крым в 2025 году (Городецкая, 2025). В данном исследовании использовались методы анкетного опроса и онлайн-опроса. Общая выборка (n=864) – респонденты в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка контролировалась по полу, образованию (неполное среднее, среднее, профессиональное, неполное высшее/среднее специальное, высшее), национальности (русский, украинец, крымский татарин, другая национальность) и типу поселения (город, село). Опрос проводился в 10-ти муниципальных образованиях и 14-ти районах Республики Крым.

Дополнительно использовались данные социологического исследования «Формирование патриотизма в молодежной среде Крыма», реализованного КФ ФНИСЦ РАН в 2019 году (n=374). Были опрошены молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет. Выборка – квотная, репрезентативная, представлена молодежью Республики Крым по полу, возрасту, сфере занятости, месту проживания (Чигрин, Городецкая, 2019).

Целью статьи является выявление факторов, влияющих на формирование патриотических ценностей и уровня патриотизма среди молодежи Крыма.

Результаты и их обсуждение

Крым с его богатой историей и разнообразной культурой всегда был местом

встречи различных цивилизаций. После воссоединения с Россией в 2014 году полуостров пережил период значительных изменений. В этой новой реальности для молодежи Крыма вопрос самоидентификации и поиска своего пути в жизни приобретает особую остроту.

Представители русского, крымско-татарского, украинского и других этнических групп, формирующих полиэтничный социум Крыма, особенно молодежь, представляют собой принципиально иную ментальную модель, которую можно определить формулой «Мы – крымчане».

Патриотизм в современной России является важным фактором формирования национальной идентичности и обеспечения социальной стабильности.

Понятие идентичности – это осознание группой своих представлений, норм, интересов и проблем. Достижение группой идентичности означает, что эти представления распространены в группе и являются достаточно однородными в ее пределах (Чигрин, Городецкая, 2018).

Понятие национальной идентичности предусматривает в первую очередь самобытность, историческую индивидуальность, наличие популярной в массах национальной идеи (Смит Энтони, 1994).

Отвечая на вопрос: «Скажите, пожалуйста, кем Вы лично считаете (ощущаете) себя в первую очередь?», молодежь продемонстрировала следующие идентификационные приоритеты:

Таблица 1 Оценка личностной идентичности молодежи

Вариант ответа	<i>% от общего числа опрошенных</i>
Жителем своего города, района, в котором живете	21,3
Жителем своего региона (Республики Крым)	25,2
россиянином, гражданином России	38,5
Гражданином СНГ, Союза стран бывшего СССР	0,5
европейцем, жителем Европы	0,8
Гражданином мира, жителем планеты Земля	5,0
Представителем своего народа (этноса)	1,7
Представителем своего поколения	2,4
Затрудняюсь ответить	3,5
Другое (что именно?)	1,0

Полученные данные показывают, что 46,5% крымской молодежи идентифицируют себя, прежде всего, с «малой Родиной» (жителем своего населенного пункта и региона), а 38,5% ощущают себя, прежде всего, гражданами России. Любовь к «малой родине» - это ценность, выраженная в патриотизме, которая может перерасти в защиту своей Родины. Заметим, что динамика ответов на данный вопрос практически не изменилась с 2019 года: 43,0% идентифицировали себя с «малой Родиной», 41,6% - с «Родиной-государством».

Рассмотрим влияние внутренней и внешней миграции на характер патриотических ценностей российской молодежи. Любовь к своей Родине является одним из ключевых факторов в формировании патриотических ценностей молодежи. Это чувство охватывает не только гордость за историю и культуру, но и активное вовлечение

в общественную жизнь, стремление к ее прогрессу и защите ее интересов. Особенно актуально это в непростые для страны времена. Поэтому отрадно наблюдать, что в 2025 году лишь 8% респондентов выразили желание покинуть Россию.

Миграция молодежи за границу стала серьезной проблемой после начала специальной военной операции. Сегодня подавляющее большинство молодых людей вернулось домой. Примечательно, что даже несмотря на постоянные ракетные и беспилотные атаки на Крым, закрытие границ и санкционное давление, желание крымчан покинуть полуостров остается минимальным. Так, 62,5% респондентов выразили намерение остаться в Крыму. Одновременно с этим 19,4% молодежи рассматривают возможность переезда в другие регионы Российской Федерации. Еще 11% молодых людей остаются неопределившимися относительно своего будущего.

Результаты двумерного анализа распределения ответов выявили следующую закономерность: 61% русских и 73% крымских татар демонстрируют наивысший уровень патриотизма, предпочитая остаться в Крыму или переехать в пределах региона. Напротив, 34% украинцев и 33% представителей других национальностей показывают более слабую привязанность к региону и чаще рассматривают возможность переезда в другой регион России. Отметим, что 29% представителей других национальностей и 17% украинцев планируют покинуть страну. Эти тенденции указывают на неоднородное восприятие региона различными этническими группами.

Анализ двумерного распределения ответов на вопрос о желании уехать из Крыма в зависимости от поселенческой принадлежности молодежи выявил существенные различия. Наибольшая доля желающих эмигрировать наблюдается среди беженцев и переселенцев с новых территорий, прибывших в Крым в течение последних одного-двух лет (от 20% до 46%). Это ожидаемо: статистика местных властей подтверждает, что для многих Крым – лишь временная остановка перед переездом на материк или за границу.

После начала специальной военной операции значительно возросло число прибывающих беженцев и мигрантов. Этот приток, на фоне и без того сложной экономической обстановки на полуострове, создает потенциал для роста напряженности в межнациональных отношениях. Рассмотрим ответы респондентов на вопрос: «Существует ли в Вашем регионе проблема между местными жителями и мигрантами?».

Данные исследования показали, что отношение к мигрантам неоднозначное. Среди аргументов были: конкуренция за рабочие места (20,5%), использование приезжими льгот и пособий, что раздражает местных (16,9%). В категории «другое мнение» (5,9%) респонденты указали следующее: *«Навязывают собственный порядок», «Благодаря волевой позиции Главы Крыма я мигрантов на улице почти не вижу. Хочу, чтобы так и продолжалось», «Мигранты приезжают в Крым и начинают наглеть. Считают, что они здесь хозяева, хотя это не так, пусть едут к себе обратно и там хозяйничают», «Устраивают драки и потасовки, не следят за своим поведением», «Не соблюдают законы и пристают к девушкам, к парням – за одежду».* Наиболее радикально настроены по отношению к мигрантам украинцы (41,3%) и русские (40,5%). В то же время 36,7% респондентов отметили, что регион их принимает постоянно, и они к ним привыкли, а 20% считают эту проблему надуманной и относятся к мигрантам положительно.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на социальную

консолидацию и формирование национальной идентичности. Потоки мигрантов могут провоцировать возникновение конфликтных ситуаций между представителями местных этнических групп и вновь прибывшими группами. Таким образом, необходимо проведение комплексных исследований с целью определения оптимальных стратегий адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество с минимальным негативным воздействием на стабильность и устойчивость национальной идентичности.

Рассмотрим, кто из субъектов оказывает влияние на патриотическое воспитание молодежи Крыма. По опросу 2019 года (Чигрин, Городецкая, 2019), на формирование патриотизма в молодежной среде оказывают влияние семья (63,6%), образование (49,5%), средства массовой информации (46,5%), патриотические организации (45%) и государство (41,7%).

Современная политическая ситуация как в стране, так и за ее пределами, ставит перед государством и обществом важный вопрос: кто такой патриот, и какие патриотические ценности разделяет современная молодежь?

Рассмотрим, какой образ патриота сформировался у молодежи Крыма.

Таблица 2 Оценка молодежью Крыма понятия «патриот России»

Вариант ответа	<i>% от общего числа опрошенных</i>
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	39,5
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	34,6
Испытывать гордость за свою страну	66,2
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	8,5
Покупать в основном отечественные товары	5,8
Уважать и знать историю России	58,0
Уважительно относиться к участникам ВОВ и СВО, людям пожилого возраста, инвалидам	49,2
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	21,4
Не уклоняться от службы в армии	20,4
Честно и добросовестно трудиться	21,8
Затрудняюсь ответить	15,6
Другое (напишите)	0,7

Согласно результатам опроса, чувство национальной гордости было названо наивысшим приоритетом за истекший период. Респонденты также отметили значимость уважительного отношения к историческому наследию Российской Федерации, почитания памяти ветеранов Великой Отечественной войны и участников специальной военной операции, а также оказания социальной поддержки лицам старшего возраста и гражданам с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, была акцентирована потребность в осознании ответственности за будущее государства и готовности к проявлению максимальной отдачи ради его благополучия.

Главным вызовом современности являются средства массовой информации (СМИ), включая Интернет, социальные сети, а в последнее время и искусственный интеллект (ИИ). Роль СМИ в формировании патриотических ценностей и установок в среде молодежи значительна. Они не только информируют о происходящем в мире, но и активно влияют на взгляды, ценности и даже желания молодежи.

Каким же новостным источникам информации доверяют жители Крыма? По данным рейтинга доверия за последний год, первую позицию занимают российские СМИ (44,0%), вторую – Telegram-каналы (30,7%), третью – российские интернет-источники (29,0%), четвертую – социальные сети (18%).

Мы видим, как информационное пространство наполняется агрессией, манипуляциями, фейками и мемами, которые целенаправленно искажают факты. Это делается для того, чтобы подорвать стабильность социума и заставить воспринимать серьезные темы, такие как патриотизм, через призму упрощенных или ироничных интерпретаций, что может привести к потере глубины восприятия реальности. Однако важно понимать, что цифровое пространство – это не только вызов для сохранения наших патриотических ценностей, но и мощный инструмент для их продвижения и осмысления, особенно среди молодого поколения.

Заключение

Анализ патриотических ценностей крымской молодежи позволяет сделать ряд выводов теоретического и практического значения.

С одной стороны, понятие патриотизма рассматривается как любовь к Отечеству и оказывает воздействие на формирование идентичности молодежи в качестве одного из важных компонентов ее структурирования. С другой стороны, патриотизм рассматривают как комплекс определенных нравственных чувств, тем самым акцентируя внимание на его социально-психологической и эмоциональной составляющей.

Патриотические ценности тесно связаны с идентичностью, а социальная ответственность у молодежи позволяет сделать ряд содержательных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Для молодежи Крыма именно региональный фактор, по влиянию на специфику идентичности, оказывается одним из ключевых. Региональная идентичность, прежде всего, связана с «малой Родиной».

Миграционные процессы влияют на патриотические ценности. Отмечается высокий процент желающих остаться в Крыму, особенно среди русских и крымских татар. Наблюдается связь между коренным населением и теми, кто не хочет покидать полуостров. При этом значительная часть беженцев и переселенцев, прибывших в Крым за последние один-два года, стремится уехать. Миграция из-за рубежа может негативно повлиять на патриотические ценности. Массовый приток мигрантов часто ведет к формированию многонациональных обществ, ставящих под сомнение единую культуру. Это уже наблюдается в некоторых регионах России. Примечательно, что радикально настроены по отношению к мигрантам как украинцы, так и русские.

Патриотизм в молодежной среде формируется под комплексным воздействием семьи, образования, СМИ и государства. Молодежь видит патриота как человека, который

не только испытывает национальную гордость и глубоко знает историю России, но и проявляет уважение к ветеранам Великой Отечественной войны и участникам СВО, к старшему поколению и людям с инвалидностью. Важными составляющими патриотизма являются также чувство ответственности за свою страну и готовность к самопожертвованию.

Информационная среда представляет собой одновременно и вызов, и ресурс для патриотического воспитания. С одной стороны, угроза ценностной деградации требует активного развития медиаграмотности, критического мышления и устойчивости к манипуляциям. С другой стороны, цифровые форматы открывают новые возможности для вовлечения молодежи в социально значимые патриотические практики.

Таким образом, для повышения значимости патриотических ценностей требуется комплексное и активное их продвижение в сферах образования, культуры и медиа. Важно продолжить изучение патриотических ценностей молодежи Крыма и факторов, влияющих на их формирование и изменение. Проведение таких исследований поможет своевременно нивелировать указанные угрозы и риски, а также будет способствовать межнациональной консолидации гражданского общества.

Литература

Городецкая, Е. Г. Идентичность и ценности молодежи Республике Крым: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2025 г.) / Е. Г. Городецкая, В. В. Узунов, В. А. Захарова, Н. В. Чигрина. – Симферополь, [б.и], 2025. – 26 с.

Городецкая, Е. Г. Формирование патриотизма в молодежной среде крымчан (социологический анализ) / Е. Г. Городецкая // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков : Материалы Международной научно-практической конференции, Темрюк, 21–23 апреля 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 584–589. – EDN PTGHCSP.

Дулина, Н.В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) / Н.В. Дулина, Н.А. Овчар, В.В. Токарев // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: матер. XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. г. Екатеринбург, 19–20 марта 2015 г. / сост. Е.В. Грунт. Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 167–177

Ильина, Т. А. Педагогика / Т. А. Ильина. – М.: Просвещение, 1984. – 470 с.

Козырев, Г. И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе / Козырев Г.И. // Социология. – 2020. – № 2. – С. 128 – 142.

Луков, В. А., Курганская, М. Я. Патриотические ценностные ориентации / В. А., Луков М. Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 316–317.

Малинкин, А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. – 1999. – № 1-2. – С. 87-117. – EDN PZQKET.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведов // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 939 с.

Палаткина, Г. В. Сущность и структура патриотических ценностей подростков / Г. В. Палаткина, А. А. Шаронов., А. С. Джангазиева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-1. – С. 241–245.

Смит, Э. Национальная идентичность / пер. с англ. Петр Тарашук. М.: «Основы», 1994. – 224 с.

Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.

Чигрин, В.А. Результаты исследования о влиянии патриотизма на молодежь Крыма: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2019 г.) / Е.Г. Городецкая, В.А. Чигрин – Симферополь, [б.и], 2019. – 36 с.

Чигрин, В. А. Идентичность: особенности социологического дискурса / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая // Caucasian Science Bridge. – 2018. – Т. 1, № 2(2). – С. 71-78. – DOI 10.23683/2658-5820.2018.2.6. – EDN ZCGVTN.

Чигрин, В. А. Роль идентичности в патриотическом воспитании молодежи Республики Крым / В. А. Чигрин // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : Материалы Международной научно-практической конференции, Туапсе, 01–03 октября 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 405-409. – EDN SVUPBO.

References

Chigrin, V. A. The role of identity in the patriotic education of the youth of the Republic of Crimea. *Prichernomor'e v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii: k 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tuapse, 01–03 oktyabrya 2020 goda = The Black Sea region in the context of ensuring Russia's national security: on the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Tuapse, October 01-03, 2020.* Krasnodar: Kuban state university, 2020: 405-409. (In Russ.)

Chigrin V.A. Gorodetskaya E.G. Identity: the features of sociological discourse. *Caucasian Science Bridge.* 2018; 1(2): 71–78. (In Russ.)

Chigrin V.A., Gorodetskaia E.G. The results of a study on the influence of patriotism on the youth of Crimea. *Nauchnyj otchet KF FNISC RAN = Scientific report of the Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.* Simferopol. 2019; 36 p. (In Russ.)

Dulina N.V., Ovchar N.A., Tokarev V.V. Patriotic values of modern student youth: between Russia and the West (by the results of a sociological study). *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya : mater. XVIII Mezhdunar. konf. pamyati prof. L.N. Kogana. g. Ekaterinburg, 19–20 marta 2015 g. = Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research : materials of the XVIII International conference memory professor L.N. Kogan (Ekaterinburg, March 19-20, 2015).* comp. E.V. Grunt. Ekaterinburg: UrFU, 2015:167–177. (In Russ.)

Philosophical Dictionary. Ed. by I. T. Frolov. - 5th ed. Moscow: Politizdat. 1986; 590 p. (In

Russ.)

Gorodetskaia E. G., Uzunov V. V., Zakharova V. A., Chigrina N. V. Identity and values of youth in the Republic of Crimea. *Nauchnyj otchet KF FNISC RAN = Scientific report of the Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Simferopol. 2025; 26 p. (In Russ.)

Gorodetskaia E. G. The formation of patriotism among the youth of Crimeans (a sociological analysis). *Chernomorsko-sredizemnomorskij region v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossii: k 240-letiyu prisoedineniya Kryma i Kubani k Rossii i 80-letiyu osvobozhdeniya Krasnodarskogo kraya ot nemecko-fashistskih zahvatchikov : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Temryuk, 21–23 aprelya 2023 goda = The Black sea-mediterranean region in the Russian national security system: on the 240th anniversary of the annexation of Crimea and Kuban to Russia and the 80th anniversary of the liberation of the Krasnodar territory from the nazi invaders. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Temryuk, April 21-23, 2023*. Krasnodar: Kuban state university, 2023: 584-589. (In Russ.)

Ilyina T. A. *Pedagogy*. Moscow: Prosveshchenie = Prosveshchenie; 1984. 470 p. (In Russ.)

Kozyrev G. I. Patriotism and anti-patriotism as causes of identity conflict in modern Russian society. *Sociologiya = Sociology*. 2020; 2: 128-142. (In Russ.)

Lukov V.A., Kurganskaya M.Ya. Patriotic value orientations. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2012; (2): 316–317. (In Russ.)

Malinkin A.N. The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge. *Sotsiologicheskij zhurnal = Sociological journal*. 1999; 1-2: 87-117. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedov N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. *Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova = Russian academy of sciences. Russian language institute named after V.V. Vinogradov*. 4th ed., expanded. Moscow: ITI Technologies LLC, 2008; 939 p. (in Russ.)

Palatkina G. V., Sharonov A. A., Dzhangazieva A. S. The essence and structure of patriotic values of adolescents. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2018; (61-1): 241–245. (In Russ.)

Smith A. National identity. *M.: "Osnovy" = Moscow: "Fundamentals"*, 1994; 224 p. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 29.12.2025

Дата окончания рецензирования: 20.01.2026

Дата принятия к публикации: 23.01.2026

Информация об авторе

Городецкая Елена Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия; e-mail: socio.evporia@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Gorodetskaia Elena Georgievna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: socio.evporia@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

EDN MQZNIH

Оценка социальной справедливости и несправедливости в общественном сознании кыргызского населения

Фатима К. Урузбакиева ¹

¹Научно-исследовательский университет

«Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова»

г. Бишкек, Кыргызстан

e-mail: ufk555@list.ru

Зухра К. Урузбакиева ²

² Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

г. Бишкек, Кыргызстан

e-mail: uzk545@list.ru

Аннотация.

Введение. Проблема социальной справедливости, социально справедливого общества является актуальной, особенно на фоне происходящих трансформационных преобразований глобального характера. Каждая историческая эпоха формирует собственную модель социально справедливого общества, определяет траекторию его развития. Следовательно, дискурс социальной справедливости, будучи демонстрацией социальной политики государства, занимает особое место при реализации политико-экономических программ, которые являются ключевыми в сохранении стабильности и экономического развития. Цель статьи - показать существующие в общественном сознании кыргызского населения восприятие и оценку категорий «социальная справедливость», «социально справедливое общество», определить индикаторы измерения социальной несправедливости.

Результаты и их обсуждение. Масштабные преобразования кыргызского социума сопровождалась противостоянием сторонников разных проектов государственного развития. После распада Советского Союза и приобретения Кыргызстаном самостоятельного государственного статуса естественным было изменение вектора его развития. Однако социальная политика была ключевым направлением в политике нового государственного образования. В статье рассмотрены понятия социального равенства и неравенства, социальной справедливости и несправедливости, показаны болезненные вопросы социальной защиты кыргызского населения. Аналитический материал показывает существование в общественном сознании респондентов характеристики социально справедливого общества как образования, в котором, несмотря на сложные социально-политические и экономические процессы, обеспечивается соблюдение и защита прав человека, следуют принципам равенства в получении услуг образования и здравоохранения.

Методика исследования. Опрос по изучению социальной справедливости и индикаторов ее воспроизводства проведен в гг. Бишкек, Ош, Каракол, Иссык-Кульской, Ошской, Чуйской, Баткенской, Таласской областях Республики Кыргызстан методом «снежного кома». N=758. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 357 чел. (47,1 %), женщины – 401 чел. (52,9 %); б) возраст: 15–35 лет – 274 чел. (36,2 %), 35–60 лет – 252 чел. (33,2 %), старше 60 лет – 232 чел. (30,6 %); в) образование: среднее – 281 чел. (37,1 %), среднее специальное – 259 чел. (34,2 %), высшее – 218 чел. (28,7 %).

Основные положения.

- индикаторами измерения социально справедливого общества являются соблюдение закона, наличие равных возможностей для людей, справедливый суд. В общественном сознании кыргызского населения имеет место обозначение «уравниловки» как признака социально справедливого социума;
- несправедливость заключается в изначальном существовании неравенства, резкой дифференциации в оплате труда, низком уровне доходов и отсутствии одинаковых условий для разных социальных слоев;
- социальная защита населения заключается в ответственности государства оказывать помощь социально незащищенным социальным группам; актором наряду с государством должны выступить и предприятия с государственной и частной собственностью;
- в общественном сознании опрошенного кыргызского населения существуют разные позиции о модели социальной защиты, которые сформировались исходя из реалий современного кыргызского общества.

Ключевые слова: Кыргызстан; кыргызское общество; социальная справедливость; социальное равенство; социальное неравенство; социальная политика; социально-экономические преобразования.

Для цитирования: Урузбакиева Ф.К., Урузбакиева З. К. (2026). Оценка социальной справедливости и несправедливости в общественном сознании кыргызского населения. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 130-142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

Assessment of social justice and injustice in the public consciousness of the Kyrgyz population

Fatima K. Uruzbakieva ¹

¹Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov
Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: ufk555@list.ru

Zukhra K. Uruzbakieva ²

²Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Bishkek, Kyrgyz Republic
e-mail: uzk545@list.ru

Abstract

Introduction. The issue of social justice and the establishment of a socially just society remains highly relevant, particularly against the backdrop of ongoing global transformative processes. Each historical era develops its own model of a socially just society and defines its unique developmental trajectory. Consequently, the discourse on social justice as a reflection of state

social policy occupies a pivotal position in the implementation of political and economic programs that are critical to maintaining stability and fostering economic development. The aim of this article is to examine the perceptions and evaluations of the concepts “social justice” and “socially just society” within the public consciousness of the Kyrgyz population, and to identify key indicators of social injustice.

Results and its Discussion.

Large-scale transformations within Kyrgyz society have been accompanied by intense contestation between proponents of divergent models of state development. Following the dissolution of the Soviet Union and the attainment of independent statehood, a shift in Kyrgyzstan’s developmental trajectory was both natural and inevitable. Nevertheless, social policy remained a central pillar of the new state’s governance agenda. This article analyzes the concepts of social equality and inequality, social justice and injustice, and highlights pressing issues in the social protection of the Kyrgyz population. The analytical findings reveal that, in the public consciousness of respondents, a socially just society is perceived as one in which, despite complex socio-political and economic challenges, human rights are upheld and protected, and in which equitable access to education and healthcare services is guaranteed.

Research Methodology.

A survey on social justice and its reproductive indicators was conducted in the cities of Bishkek, Osh, and Karakol, as well as in the Issyk-Kul, Osh, Chuy, Batken and Talas regions of the Kyrgyz Republic, using the “snowball sampling” method. The sample size was $N = 758$. The socio-demographic distribution was as follows:

- a) Gender: male – 357 respondents (47.1%); female – 401 respondents (52.9%);
- b) Age: 15–35 years – 274 respondents (36.2%); 35–60 years – 252 respondents (33.2%); over 60 years – 232 respondents (30.6%);
- c) Education: secondary – 281 respondents (37.1%); secondary specialized – 259 respondents (34.2%); higher – 218 respondents (28.7%).

Main Findings.

- Key indicators of a socially just society, as perceived by the Kyrgyz public, include the rule of law, equal opportunities for all individuals, and access to fair judicial processes. However, the public also associates the notion of “equalization” (i.e., forced leveling) with social justice.
- Social injustice is primarily perceived as the inherent existence of inequality in access to well-paid employment, low income levels, and the absence of equitable conditions across different social strata.
- Social protection of the population entails the state’s responsibility to provide support to vulnerable social groups. In addition to the state, enterprises—both state-owned and private are expected to play an active role in social protection mechanisms.
- There is no consensus in public opinion regarding the ideal model of social protection; rather, diverse perspectives have emerged, shaped by the evolving socio-economic realities of contemporary Kyrgyz society.

Keywords: Kyrgyzstan; Kyrgyz society; social justice; social equality; social inequality; social policy; socio-economic transformations.

For citation: Uruzbakieva F. K., Uruzbakieva Z. K. (2026). Assessment of social justice and injustice in the public consciousness of the Kyrgyz population. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 130-142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.9>

Введение

Дискуссия о справедливости и несправедливости, обсуждение критериев ее измерения прослеживается на протяжении истории человечества. Причем в разные эпохи акценты расставлялись с учетом множества факторов, в частности, в период кардинальных общественных преобразований, когда закономерно затрагивается вопрос о влиянии реформ на социально-экономическое развитие государства и материальное положение населения, его социальный статус, на отношения власти и граждан. Чем обусловлен повышенный интерес к данному явлению? По мнению Л. И. Никовской, «причина состоит в том, что эти проблемы затрагивают две фундаментальные составляющие любого общества – устройство всего социума и интересы отдельных социальных групп» (Никовская, 2017, 206). Следовательно, к соблюдению справедливости в разных социальных сферах будет апеллировать население, особенно, в кризисные и переломные этапы общественного развития.

Научно-технические открытия и достижения XX столетия сопровождалось ростом ожиданий населения, которое надеялось на реализацию идеи «общества равных возможностей», суть которой заключалась в возможностях повышения социального статуса. Разумеется, эти ожидания себя не оправдали, в итоге спровоцировав социальную напряженность и конфликты, которые дестабилизировали общество и способствовали разрушению существовавших социальных устоев и правил. Необходимо отметить, что данный вопрос, как правило, волнует разные по возрасту слои населения – молодое поколение, с одной стороны, и пожилых людей, с другой. Поэтому «особое отношение на Западе к этим вопросам вызвано многими причинами, в том числе и практического характера, например, поиском оптимальной социальной модели государства, дискуссиями о правах человека, глобализацией» (Гаврилова, 2009, 36). Иными словами, проблема справедливости является одной из актуальных и приоритетных для любого государства, независимо от его политического устройства и господствующей идеологии. Более того, ее роль и вес в обществе будет только возрастать с учетом происходящих в мире трансформаций.

Понятие «справедливость» является одним из важнейших в общественной мысли. Ю.В. Канарш утверждает, что «в политике и социальной философии справедливость – правильное соотношение базисных политических ценностей свободы и блага, свободы и равенства» (Канарш, 2019, 48).

Что такое справедливость? – вопрос, волнующий каждого человека, поэтому вполне справедливо утверждение, что «принцип социальной справедливости в его глобальном выражении постепенно созрел в менталитете общества на определенной ступени его развития. Появление самой идеи социальной справедливости, а затем и соответствующего принципа, все более внедряющегося в конституции (обычно в виде его элементов, норм социального характера), связано с социалистическими идеями» (Смирнова, 2017, 328).

Вопрос справедливости активно обсуждался в трактатах античных философов, причем они рассматривали данную категорию во взаимосвязи с понятием «благо». Так, Аристотель определял справедливость как добродетель (Аристотель, 1984), Платон в основе «идеального государства» отмечал справедливость (Платон, 1998). В религиозной философии справедливость выступает как «проявление Божественного Добра»

(Августин, 2006), «сущностью Бога и характеристикой Его действий» (Фома Аквинский, 2002). С нравственностью связывают справедливость М. Монтень и Б. Паскаль (Монтень, 1979). Философы эпохи Просвещения утверждают, что «справедливые отношения лежат в основе положительных законов» (Монтескье, 1999), Ж.-Ж. Руссо видел в «инстинкте справедливости» «источник развития нравственности» (Руссо, 1969). И. Кант рассматривал справедливость как категорию «суда совести» (Кант, 1965).

М.Ф. Черныш под справедливостью подразумевает «наличие свободы, но вместе с тем и общественных установлений, заставляющих всех граждан играть по одинаковым правилам. Наибольшие шансы стать такой силой имеет государство, призванное отстаивать общие интересы и быть площадкой, на которой частные интересы, встретившись с ограничениями в форме законов, будут приходить к соглашению» (Черныш, 2017, 341). По мнению И. А. Ильина, «справедливость есть искусство неравенства. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также живая совесть и живая любовь к человеку. Есть особый дар справедливости, который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке доброе, любящее сердце, которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и ожесточенных» (Ильин, 2015, 7).

Л. И. Никовская считает, что «социальная справедливость – категория, с помощью которой характеризуется мера равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов. Справедливость определяет, в чем и как люди непременно должны выступить как равные друг другу, и в чем и как они могут и должны отличаться друг от друга» (Никовская, 2017, 207). Социальная справедливость в русле либеральных ценностей хорошо освещена в фундаментальной работе Дж. Ролза «Теория справедливости», где сказано, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли... Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» (Ролз, 1995, 139). И.Н. Гаврилова отмечает, что «Ролз вполне успешно сумел соединить субстантивную и формальную теории справедливости» (Гаврилова, 2009, 37) и «несмотря на то, что концепция Ролза основывается на тезисе о приоритете прав и свобод, она подвергалась критике со стороны либеральных мыслителей, в частности, М. Фридмена и Ф. Хайека» (Мареева, 2015, 110). Г. Ю. Канарш отмечает, что «существо этой критики связано с тем, что либертарианство главной и бескомпромиссной социальной ценностью считает индивидуальную свободу. Свобода с этой точки зрения предстает как необходимое условие самореализации индивида, преследующего собственные цели. Это – негативная свобода, «свобода от» (прежде всего от государства). Такое понимание свободы не предполагает предоставления каких-либо социальных благ, она есть чистая возможность для каждого добиваться в жизни того, что

индивид способен достичь благодаря своим талантам и личным усилиям» (Канарш, 2019).

Методика исследования

Опрос по изучению социальной справедливости и индикаторов ее воспроизводства проведен в гг. Бишкек, Ош, Каракол, Иссык-Кульской, Ошской, Чуйской, Баткенской, Таласской областях Республики Кыргызстан методом «снежного кома». N=758. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 357 чел. (47,1%), женщины – 401 чел. (52,9%); б) возраст: 15–35 лет – 274 чел. (36,2%), 35–60 лет – 252 чел. (33,2%), старше 60 лет – 232 чел. (30,6); в) образование: среднее – 281 чел. (37,1%), среднее специальное – 259 чел. (34,2%), высшее – 218 чел. (28,7%).

Результаты исследования

Социальная напряженность существует в любом государстве. Ее причины могут быть самыми разными, начиная от борьбы кланов за власть до неудовлетворенности населения личным уровнем благосостояния. В такой ситуации важным является определение вектора социальной политики, соответствующей потребностям каждого гражданина. Особое внимание к социальной политике, по нашему мнению, обусловлено исключительно практическими причинами, то есть необходимостью формирования образа социально справедливого государства, в котором права человека являются приоритетными.

Что такое справедливое общество? – вопрос является ключевым в рамках изучения социальной справедливости. Поэтому в заявленных предметных границах возникает потребность в установлении смысла, вкладываемого опрошенным кыргызским населением, в понятие «справедливое общество» (см. табл. № 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что такое "справедливое общество"?» (%)

Варианты ответов	Всего:
Общество, в котором соблюдаются законы	68,4
Общество, в котором вознаграждается квалификация	19,8
Общество, в котором энергичные, предприимчивые люди живут лучше	12,7
Общество, в котором руководители получают больше подчиненных	2,3
Общество, в котором созданы равные возможности для всех людей	60,2
Общество, в котором все доходы делятся поровну	13,0
Общество, в котором все получают по труду	39,0
Общество, в котором богатые платят более высокий налог	15,3
Общество, в котором есть справедливый суд	50,0
Общество, в котором поддерживается предпринимательство	25,1
Общество, в котором есть бесплатное здравоохранение	36,4
Общество, в котором есть поддержка государством выходцев из бедных семей	28,5
Общество, в котором есть бесплатное образование	38,1

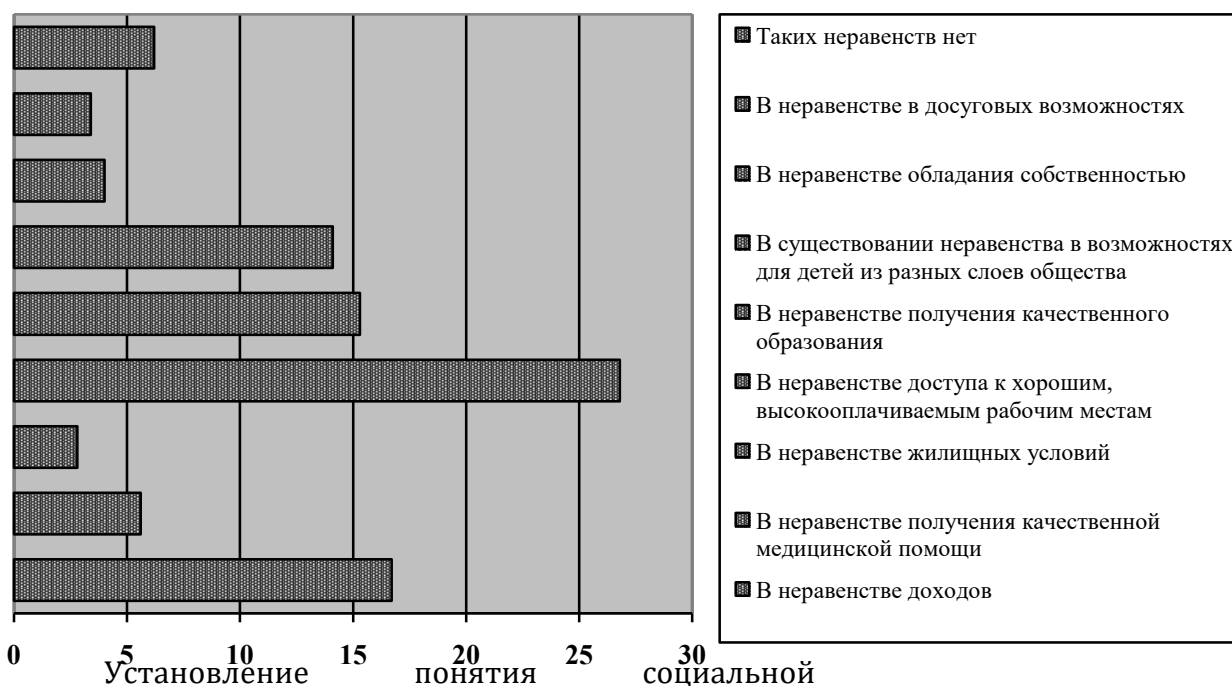
Полученный эмпирический материал показывает, что подавляющая часть опрошенного кыргызского населения справедливым считает «общество, в котором

соблюдаются законы». По социально-демографическому срезу меньше отметивших данную позицию в подмассиве со средним, средним специальным образованием и в возрастном интервале 15–35 лет – 59,5%, 51,1% 61,8%, соответственно. На втором ранговом месте располагается суждение «общество, в котором созданы равные возможности для всех людей» (больше половины опрошенных). С возрастом и уровнем образования респондентов увеличивается доля придерживающихся данной точки зрения с 59,3% в интервале 15–35 лет до 64,1% старше 60 лет, с 52,1% имеющих среднее специальное образование до 63,0% с высшим образованием. Обращает на себя внимание, что доля мужчин, в сравнении, с женщинами меньше – 54,3% и 61,9%, соответственно. Здесь хочется отметить, что в мире активно обсуждается вопрос гендерного неравенства в оплате труда, и акцентирование женщинами необходимости на обеспечение равных условий заслуживает внимания. Индикатором справедливого общества, по мнению одной второй части опрошенных по всему массиву, является существование в государстве справедливого суда. По социально-демографическим признакам ответы распределились следующим образом: 46,9% мужчин, женщин чуть больше и составляет 50,9%; с возрастом и уровнем образовательного статуса наблюдается снижение отметивших важность принципа справедливости в суде с 53,9% в интервале 15–35 лет до 48,7% старше 60 лет, с 54,4% имеющих среднее образование до 50,2% с высшим образованием. Равенство в оплате труда признаком справедливого социума считает одна треть опрошенных по всему массиву; процентный параметр повышается с уровнем образования респондентов с 31,9% со средним специальным образованием до 41,4% с высшим образованием. Часто встречается низкий уровень оплаты квалифицированного слоя, в сравнении, с имеющими низкий уровень образования, поэтому важным является учет образовательного статуса и профессиональной подготовки специалиста. Соблюдение прав человека и удовлетворение его потребностей в получении гарантированных законом услуг есть индикатор измерения соответствия конкретно взятого общества требованиям социального равноправия. На важность обеспечения бесплатного образования указывает каждый третий опрошенный по всему массиву; доля мужчин больше (42,0%) против 37,0% женщин; наблюдается рост доли отметивших важность бесплатного образования с 36,3% в разрезе 15–35 лет до 43,6% старше 60 лет. Наряду с бесплатным образованием, еще одним маркером социально справедливого общества выступает возможность получения бесплатно услуг здравоохранения, отмеченный каждым третьим опрошенным по всему массиву, среди них одна треть респондентов в возрасте 60 лет включительно и 43,6% старше 60 лет. Далее, каждый четвертый опрошенных по всему массиву, среди них одна треть в подмассивах имеющих среднее специальное образование, такая же часть женщин и в разрезе 15–35 лет признаком социально справедливого государства считает «поддержку государством выходцев из бедных семей». Еще одной чертой социально справедливого социума, по мнению 25,1% кыргызстанцев, является «поддержка государством предпринимательства». Далее, о важности соблюдения пропорции в оплате труда заявляют 19,8% респондентов; среди них 25,9% мужчин, а женщин заметно меньше (17,9%). Обращает на себя внимание увеличение процента подчеркивающих соблюдение справедливости в оплате труда с возрастом с 12,3% в разрезе 15–35 лет до 31,3% в когорте 36–60 лет, то есть наиболее трудоспособный слой, впрочем, как и по уровню

образования: 15,2% имеющих среднее, 10,6% среднее специальное и 23,3% высшее образование. К сожалению, имеется дисбаланс в налогообложении, складывается ситуация, когда очень богатый и очень бедный слои населения в бюджет государства выплачивают одинаковые по размеру налоги. На необходимость соблюдения принципа справедливого налогообложения указывает одна седьмая часть по всему массиву; среди них выделяются возрастные подгруппы 15–35 лет (21,4%) и 36–60 лет (25,6%). Вместе с тем, в общественном сознании опрошенных кыргызстанцев имеет место ориентированность на «уровнировку», когда социальной справедливостью считают разделение доходов поровну. Насколько оправдан такой подход, и готово ли смириться общество с таким пониманием справедливости – вопрос спорный. По мнению авторов, каждый трудоспособный человек должен иметь достойную оплату труда и доход в соответствии с его уровнем квалификации и профессионализма, в противном случае, такое общество, в котором идет «равное деление», не может считаться социально справедливым. В этой связи вполне справедливой является позиция одной седьмой части респондентов, считающей справедливым общество, в котором «энергичные, предприимчивые люди живут лучше».

Рассмотрение образа социально справедливого общества требует анализа противоположного явления – несправедливости (см. гист. № 1).

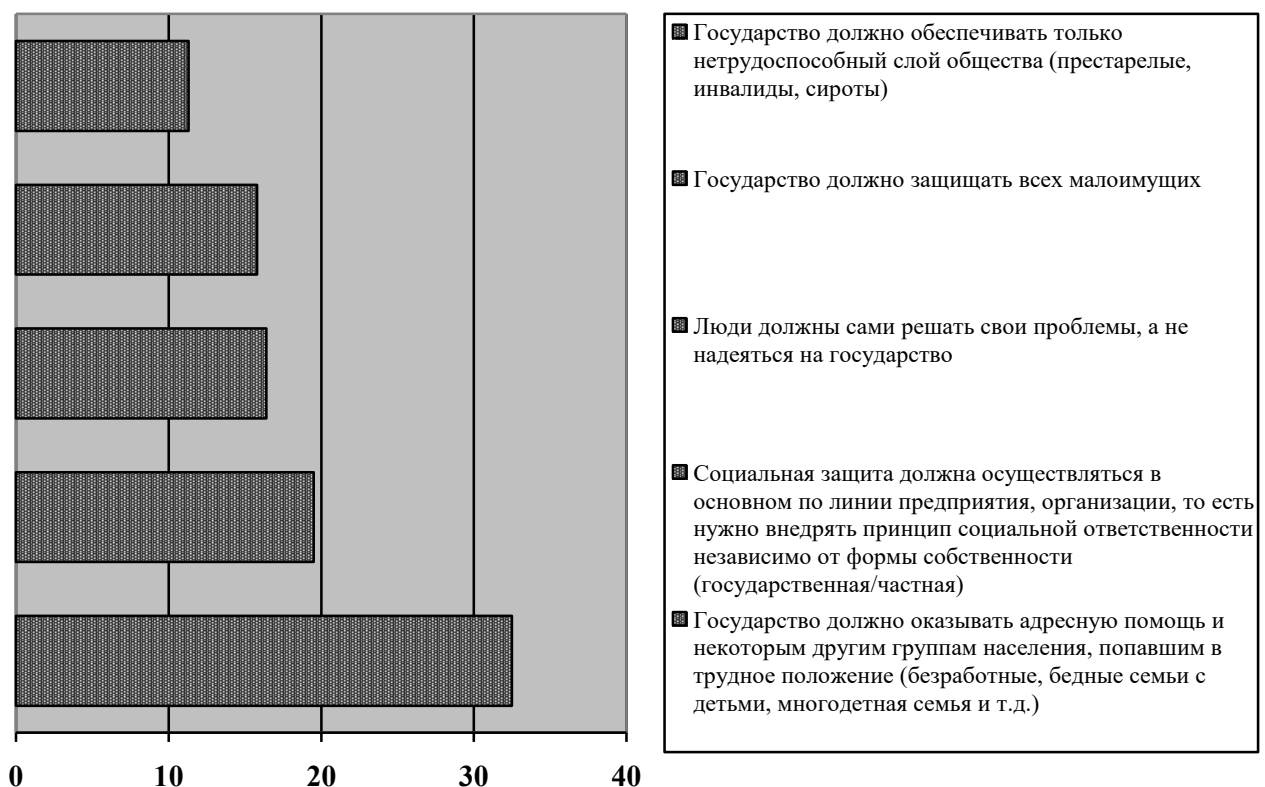
Гистограмма 2 Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, в чем выражается больше всего несправедливость?» (%)

справедливости, а также признаков социально справедливого общества, естественно, предполагает выявление содержания социальной несправедливости. По мнению одной четвертой части опрошенного кыргызского населения несправедливость заключается в существовании «неравенства доступа к хорошим, высокооплачиваемым рабочим местам». Социально-демографический срез констатирует, что неравноправие в трудовой сфере беспокоит 26,5% опрошенных в возрастном интервале 15–35 лет, 26,8% в подмассиве 36–60 лет и 28,2% старше 60 лет, 25,3% имеющих среднее, 31,9%

среднее специальное и 26,4% высшее образование. Далее, 16,7% респондентов несправедливостью считают существование неравенства в доходах, и доля отметивших данное суждение повышается с возрастом и уровнем образования опрошенного кыргызского населения с 13,2% в подгруппе 15–35 лет до 20,5% старше 60 лет, с 12,8% имеющих среднее специальное образование до 17,2% с высшим образованием. Несправедливостью одна седьмая часть опрошенных по всему массиву считает неравенство в получении качественного образования, среди них 19,1% в возрасте 15–35 лет, 10,7% 36–60 лет и небольшая доля в подмассиве старше 60 лет (7,7%), по образовательному признаку 16,5% со средним, 17,0% средним специальным и 14,5% высшим образованием. Следующим параметром социальной несправедливости 14,1% опрошенного кыргызского населения считает существование неравенства в возможностях для детей из разных слоев общества. С возрастом доля указывающих на изначальное неравноправие увеличивается с 14,2% в возрасте 15–35 лет до 20,5% старше 60 лет; по образованию, в сопоставлении с другими подгруппами, таковых больше в подмассиве со средним образованием (16,5%), против 10,6% со средним специальным и 14,1% с высшим образованием. Варианты ответов, усматривающих суть несправедливости в неравенстве «жилищных условий», «досуговых возможностях», «обладания собственностью», «получения качественной медицинской помощи» отмечены 2,8%, 3,4%, 4,0%, 5,6%, соответственно. При этом 6,2% по всему массиву придерживаются позиции «таких неравенств нет», и выделяется подмассив мужчин (12,3%), возрастной интервал 36–60 лет (8,0%) и имеющие высшее образование (7,5%).

Гистограмма 2 Распределение ответов на вопрос «Какой должна быть система социальной защиты в кыргызском обществе?» (%)

В рамках изучения социальной справедливости и несправедливости не менее актуальным является политика социальной защиты, а также роль государства как главного актора ее реализации (см. табл. № 2).

Социальная справедливость тесно связана с социальной политикой государства и социальной защитой населения, а ее эффективность определяется удовлетворенностью населения получаемыми благами, уровнем жизни и благосостояния, качеством оказываемых услуг. Эмпирический материал, полученный при ответе на вопрос «Какой должна быть система социальной защиты в кыргызском обществе?», показывает осознание 32,5% респондентами сути социальной защиты населения как обязанности «государства оказывать адресную помощь и некоторым другим группам населения, попавшим в трудное положение (безработные, бедные семьи с детьми, многодетная семья и т.д.)». Явно выраженных внутригрупповых отличий по данной позиции результатами опроса не выявлено (одна треть респондентов во всех подмассивах придерживается этого суждения). Далее, 19,5% опрошенных по всему массиву придерживаются точки зрения о социальной ответственности сектора производства, который имеет достаточно высокий уровень дохода. Если обратиться к советской социальной политике, она так и была выстроена: подшефные социальные учреждения (детские садики, ясли, школы-интернаты, больницы, дома престарелых и т.д.). Придерживающихся данной позиции в 2 раза больше в женской подгруппе; с возрастом растет процентный показатель с 16,2% в когорте 15–35 лет до 28,2% старше 60 лет. Далее, по мнению 16,4% респондентов, «люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство», и придерживающихся данного суждения больше в подгруппе мужчин (24,7 %); с возрастом процентный показатель разделяющих эту точку зрения уменьшается с 17,6% в интервале 15–35 лет до 15,4% старше 60 лет. На необходимость обеспечения защиты малоимущих указывают 15,8% опрошенных. Здесь выделяются возрастные подмассивы: 15–35 лет (16,2%) и 36–60 лет (17,9%). Очень спорное суждение отмечено 11,3% опрошенного кыргызского населения – «государство должно обеспечивать только нетрудоспособный слой общества (престарелые, инвалиды, сироты)». Анализ по социально-демографическим параметрам показывает преобладание таковых среди женщин (12,8%), в то время как мужчин в 2 раза меньше (6,2%); по возрасту - 11,8% в подгруппе 15–35 лет, 12,8% старше 60 лет, и заметно меньшая часть фиксируется в когорте 36–60 лет.

Заключение

Проблема социальной справедливости и несправедливости, вопросы равенства и неравенства в самых различных социальных сферах, социального лифта, расслоения общества, неравных возможностей разных социальных слоев будут актуальными и злободневными для любого социума. Аналитический материал констатирует восприятие справедливости в обществе через призму строгого соблюдения законодательства, обеспечении равных шансов для всех социальных групп общества, справедливого суда. Опрошенное кыргызское население акцентирует внимание на необходимости предоставления качественных услуг медицины и образования. Последнее является важным для прохождения социального лифта. Не менее важным индикатором справедливости выступает достойная оплата труда, позволяющая человеку, с одной

стороны, приносить пользу обществу, а, с другой, выступающая фактором личностной самореализации и потенциалом для карьерного роста. Несмотря на выражение определенной надежды на социальную справедливость и равенство в кыргызском социуме, респонденты указывают на существование социального неравенства, проявляющегося в сфере трудоустройства, в получении доходов, в неравных стартовых возможностях детей из состоятельного и бедного слоев населения. Данное обстоятельство негативно отражается на социальном самочувствии человека, формируя в его общественном сознании установку на невозможность стать успешным. Опрошенное кыргызское население преодоление социального неравенства связывает с государством, усматривая в его социальной политике механизм обеспечения не только справедливости и равенства, но и осуществление соответствующей потребностям населения социальной политики и его социальной защиты.

Литература

Августин, А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского / А. Августин / – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 528 с.

Аквинский, Ф. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43 / Ф. Аквинский / – Киев-М., 2002. Сумма Теологии / Фома Аквинский / Пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Ч. 1, вопросы 1–43. – Киев: Эльга; М.: Ника-Центр, 2002. – 559 с.

Аристотель Большая этика / Аристотель / Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. – 830 с.

Гаврилова, И. Н. Западные трактовки социальной справедливости (обзор концепций) / И. Н. Гаврилова // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 36–44.

Канарш, Г. Ю. Социальная справедливость: современная история идеи / Г. Ю. Канарш // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 1. – С. 48–73. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.1.3>

Кант, И. Соч. в 6 т. Т. 3. / И. Кант / М.: Мысль, 1964. – 798 с.

Ильин, И. А. Поющее сердце. Оглавление о справедливости / И. А. Ильин / М.: АСТ, 2015. – 416 с.

Мареева, С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян / С. В. Мареева // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Том 7. – № 2. С. 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>.

Монтень, М. Опыты. В 3 кн. – М.: Наука, 1979. – 535 с.

Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье / М.: Мысль, 1999. – 672 с.

Никовская, Л. И. Справедливость как стимул перехода к социально-ориентированной модели развития в России / Л. И. Никовская // Социальная справедливость в современном мире: сборник статей. – М.: Ключ-С, 2017. – С. 206–222.

Платон Государство. Законы. Политика / Платон / М.: Мысль, 1998. – 798 с.

Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз / Науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 534 с.

Руссо, Ж-Ж. Трактаты / Ж-Ж. Руссо / М.: Наука, 1969. – 703 с.

Смирнова, А. И. Социальная справедливость / А. И. Смирнова // Вестник Национального института бизнеса. – 2017. – № 28. – С. 327–330.

Черныш, М.Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М.Ф. Черныш // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2017. – С. 341–368.

Reference

Augustine A. Confessions of Blessed Augustine, Bishop of Hippo. *M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya = Moscow: Sretensky Monastery Publishing House*, 2012; 528 p.

Aquinsky F. The Sum of theology. Part I. Questions 1-43. Kiev-M., 2002. The Sum of Theology / Thomas Aquinas / Translated from Latin by S. I. Eremeeva, A. A. Yudina. Part 1, questions 1-43. *Kiev: Elga; M.: Nika-Center = Kiev: Elga; Moscow: Nika-Center*, 2002; 559 p.

Aristotle The Great Ethics. Soch. in 4 vols. Vol. 4. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1984; 830 p.

Gavrilova I. N. Western interpretations of social justice (overview of concepts). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2009; 3: 36–44.

Kanarsh G. Yu. Social justice: a modern history of the idea. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanitarian knowledge*. 2019; 1: 48–73.

Kant I. Soch. in 6 vols. Vol. 3. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1964; 798+ p.

Il'in I. A. The singing heart. Table of Contents on justice. *M.: AST = M.: AST*, 2015; 416 p.

Mareeva S. V. Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Zhurnal institucional'ny`x issledovaniy = Journal of Institutional Research*. 2015; 7; 2: 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>

Montaigne M. Experiments. In 3 books. *M.: Nauka = M.: Science*, 1979; 535 p.

Montesquieu S. L. On the spirit of laws. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1999; 672 p.

Nikovskaya L. I. Justice as an incentive for the transition to a socially oriented development model in Russia. Social justice in the modern world: a collection of articles. *M.: Klyuch = M.: Klyuch*, 2017: 206–222.

Platon State. Laws. Politics. *M.: Mysl = M.: Thought*, 1998; 798 p.

Rolz Dzh. The theory of justice. Scientific ed. by V.V. Tselishchev. *Novosibirsk: Novosibirskoye izdatel'stvo. universitet = Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk. University*, 1995; 534 p.

Rousseau J.J. Treatises. *M.: Nauka = M.: Science*, 1969; 703 p.

Smirnova A. I. Social justice. *Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa = Bulletin of the National Institute of Business*. 2017; 28: 327–330.

Chernysh M.F. Student youth and the problem of justice in modern Russian society. Reforming Russia: Yearbook / Ed. by M. K. Gorshkov. *M.: Novy Chronograf = M.: New Chronograph*, 2017; 15: 341–368.

Дата получения рукописи: 12.01.2026

Дата окончания рецензирования: 28.02.2026

Дата принятия к публикации: 01.03.2026

Информация об авторах

Урузбакиева Фатима Капиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Научно-исследовательский университет «Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова», г. Бишкек, Кыргызстан; e-mail: ufk555@list.ru

Урузбакиева Зухра Капиевна – кандидат философских наук, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан; e-mail: uzk545@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Uruzbakieva Fatima Kapievna – Candidate of Sciences in Philosophy, associate professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Kyrgyz Economic University named by M. Ryskulbekov. e-mail: ufk555@list.ru Kyrgyz Republic

Uruzbakieva Zukhra Kapievna – Candidate of Sciences in Philosophy, associate professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named by B.N, Yeltsin, e-mail uzk545@list.ru Kyrgyz Republic

The authors declare that there is no conflict of interests

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERINPLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала

«Caucasian Science Bridge»

(редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 п. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

- "Генерирование через нейросеть". Использование программ "искусственного интеллекта" для написания текста статьи не допускается.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются вне), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – недопускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эм-пирического характера целесообразным будет деление на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на

«Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a*, *b*, *c* (*a*, *b*, *c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*b*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (*групповое авторство*), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещает в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хо-рошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество автор-ских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и

REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в *списке литературы* размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и датодоступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNА.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А.

Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRВ. **Четыре автора:**
Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города креативные практики конструирования: автореф. дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQNBVB.
Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.
Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.
Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis.

Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTASRAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.). **Диссертация, автореферат диссертации**

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p. Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and

attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи Иван И. Иванов¹,

¹ Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:...

Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Используемые источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется».

«рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.